

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Китайская мифология

Составитель: Кирилл Королев

Предисловие

ДРАКОН, НЕ ВЕДАЮЩИЙ СНА

О, Небо! Ты всех истин бескорыстней, Ты видишь все, что скрыто в нашей мгле, Ты помогаешь тем, кто в этой жизни Достоинно существует на земле.

Цюй Юань. Лисао¹

«Если спрятать лодку в бухте, а холм — в озере, скажут, что они в сохранности, но в полночь силач унесет все на спине, а невежда ничего не будет знать. В каком бы подходящем месте ни спрятать большое или малое, оно все же исчезнет. Вот если спрятать Поднебесную в Поднебесной, ей некуда будет исчезнуть, — таков общий закон для всех вещей».

Китай на протяжении тысячелетий успешно выполнял этот завет своего великого философа Чжуанцзы: страна замыкалась в себе и на себя, оставаясь загадкой для остального мира. Европейцы воспринимали Китай наряду с Индией — и, позднее, Японией — как страну экзотических диковинок; непривычным и непонятным казалось все — от языка и веры до придворного этикета и правил поведения в обществе. Так, первый европеец в Китае Марко Поло писал, поражаясь «варварским нравам» китайцев: «Эти народы идолопоклонники, а что до их богов, то у каждого высоко на стене его комнаты прибита табличка, на которой написано имя, обозначающее Всевышнего, Небесного Бога; ей они каждый день поклоняются с кадилом фимиама следующим образом: поднимают руки вверх и трижды скрежещут зубами, чтобы Бог дал им хороший ум и здоровье, а другого они у него не просят. Ниже, на полу, стоит изображение, это бог земных вещей, рождающихся по всей земле. Ему они придают жену и детей и поклоняются ему таким же образом с кадилом, скрежеща зубами, и поднимают руки; у него просят благоприятной погоды, земных плодов, сыновей и подобных благ. Душу они считают бессмертной в том смысле, что тотчас после смерти человека она переходит в другое тело; смотря по тому, жил ли человек хорошо или дурно, душа переходит от хорошего к лучшему или от дурного к худшему. Если это был бедный человек и вел себя при жизни хорошо и скромно, то он после смерти возродится от дворянки и сам будет дворянином; потом он родится от государыни и будет государем; поднимаясь все выше и выше, он, наконец, доходит до Бога. Если же он вел себя дурно, то он, если был сыном дворянина, возрождается как сын крестьянина, потом возрождается собакой и спускается к все более презренной жизни. Они говорят цветистым языком; приветствуют друг друга вежливо, с веселым и радостным видом; держат себя с достоинством и едят очень чисто. Отцу и матери оказывают большой почет; если же случится, что какой-нибудь сын оскорбит родителей или не поможет им в случае нужды, то есть особенное присутственное место, у которого нет другого дела, как наказывать

¹ Перевод А. И. Гитовича.

неблагодарных сыновей, оказавшихся виновными в каком-нибудь неблагодарном поступке по отношению к родителям».

Разумеется, китайская «самоизоляция» существенно отличалась от, к примеру, «великой изоляции» Японии: в конце концов, последняя — цепочка островов, до которой еще нужно доплыть, а Китай с его протяженной сухопутной границей, даже несмотря на строительство Великой китайской стены, физически не мог отгородиться от иноземного влияния (благодаря которому, в частности, в Поднебесную проник буддизм). Тем не менее страна многие века оставалась «закрытой» — и именно поэтому сумела сохранить самобытность до наших дней, вопреки глобальным цивилизационным процессам последних столетий. И сегодня, как и несколько веков назад, когда знания европейцев о Китае ограничивались сведениями Марко Поло и сообщениями отцов-иезуитов, первые миссии которых появились в Поднебесной в XVI веке, само слово «Китай» будоражит воображение, олицетворяя собой Восток — загадочный, таинственный и по-прежнему непостижимый.

Первые люди в Китае, как показали данные археологических раскопок, появились около 500 000 лет назад; по всей вероятности, они были выходцами из Западной Азии. А первые культуры на китайской территории сложились в эпоху неолита. Культура Яншао в излучине реки Хуанхэ, в районе Лессового плато, возникла приблизительно 6000 лет назад; чуть моложе — около 4000 лет назад — в нижнем течении реки Янцзы сформировалась культура Луншань. Именно комбинация этих двух культур, возникших в бассейнах великих рек, подобно другим цивилизациям древности, и стала тем «зернышком», из которого произрос Китай.

Согласно конфуцианской традиции, прародителями китайцев были первоначально Фуси и Нюйва, которым наследовал первый земледелец Шэньнун, а ему — основатель китайского государства Хуанди, «первый император». С Хуанди, как утверждает традиционная историография, начинается эпоха Пяти императоров: это сам Хуанди, Чжуаньсюй, Ку, образцовые правители Яо и Шунь. Шунь передал трон усмирителю потопа Юю, а когда последний умер, люди пожелали видеть правителем его сына. Так в Китае появилась первая правящая династия — Ся, которой открывается эпоха Трех династий (Ся, Шан-Инь и Чжоу).

Многие исследователи склонны считать династию Ся легендарной, поскольку никаких фактических доказательств ее существования не обнаружено; известна только генеалогия ее правителей. А вот реальность следующей династии — Шан-Инь — не подлежит сомнению: сохранились многочисленные надписи этой эпохи на гадательных костях, а в 1950 г. в провинции Хэнань в ходе раскопок было найдено древнее городище — как удалось установить, столица царства Шан.

Культура Шан-Инь была культурой бронзового века. Из бронзы отливались сосуды, служившие для жертвоприношений предкам, оружие и некоторые инструменты. Именно в эту эпоху в Китае начал складываться культ предков, оказавший столь значительное влияние на китайскую культуру. По замечанию отечественного синоведа В. В. Малявина, «связь живых с умершими родичами была стержнем всего общественного уклада шанцев... Для людей этой эпохи мир мертвых был устроен точно так же, как мир живых: положение в нем каждого усопшего предка определялось его местом на родовом древе. Существовал Верховный Предок Шанди, который в силу своей отдаленности от мира живых почти не вмешивался в людские дела. Была еще категория старших предков, уже лишившихся имени и в религии шанцев имевших, скорее, лишь символическое значение. Вместе с тем иньская религия предполагала экстатическое общение живых с умершими, тесно связанное с оргиастическими празднествами и человеческими жертвоприношениями».

В 1027 году до нашей эры царство Шан-Инь пало под натиском племени чжоу, западного соседа шанцев. Царь побежденных — «иньский Цзе» или «тиран Цзе» исторических хроник — покончил с собой, и к власти пришла династия Чжоу.

Верховный правитель чжоусцев именовался «Сыном Неба» (*тяньцзы*); этот титул китайские императоры сохраняли за собой вплоть до 1912 г. — когда отрёкся от престола Пу И, последний император династии Цинь.

В эпоху Чжоу произошло событие, имевшее определяющее значение для китайской культуры: чжоусцы отказались от человеческих жертвоприношений и оргиастических культов и провозгласили основной доблестью человека его добродетель. Как пишет В. В. Малявин, «вообще династию Чжоу можно считать основоположницей китайской цивилизации: именно при ней сложились основные государственные институты и нравственные ценности, определившие лицо китайской империи и китайской культуры».

Империя Чжоу просуществовала сравнительно долго — не менее трех столетий. К VII веку до нашей эры эта империя оказалась фактически раздробленной на многочисленные царства, которыми управляли в основном ближайшие родственники первых чжоуских царей. Этот период китайской истории получил название эпохи Разделенных царств, а в 481 году до нашей эры ее сменила эпоха Борющихся царств; столь точная дата связана с тем, что 481 годом заканчивается древнейшая китайская летопись «Весны и осени», повествующая о легендарных событиях незапамятных времен, и от окончания этой летописи принято отсчитывать фактическую историю Китая.

Эпоха Борющихся царств, помимо непрерывных военных походов, знаменательна тем, что именно в этот период (или немногим ранее) жили и проповедовали свои учения великие родоначальники важнейших китайских идеологий — Конфуций и Лаоцзы. Несмотря на все различия между конфуцианством и даосизмом, их объединяет тот факт, что эти сугубо китайские верования, собственно, и сформировали китайский взгляд на мир — взгляд, которого Китай придерживался на протяжении тысячелетий и во многом придерживается по сей день.

Среди Борющихся царств постепенно возвысилось царство Цинь, подчинившее себе все остальные; правитель Цинь взял себе титул «хуанди», который принято переводить на другие языки как «император». В историю этот правитель вошел под именем Цинь Шихуанди, то есть «Первый император Цинь». При нем Китай окреп в военном и экономическом отношении, действительно стал Поднебесной империей и государством в центре мира (термин «Срединное государство» возник в эпоху Разделенных царств), а вдоль северных рубежей страны началось строительство грандиозной стены, позднее получившей название Великой китайской. Кроме того, Шихуанди печально знаменит тем, что при нем были официально запрещены «бесполезные» книги (в том числе философские трактаты и исторические хроники) и состоялось в 213 году до нашей эры «сожжение книг», по причине чего многие источники по истории и культуре (в том числе мифологии) Китая оказались безвозвратно утраченными.

Империя Цинь рухнула под бременем внутренних проблем. Ее сменила династия Хань, правление которой продолжалось четыреста лет. Эта эпоха, по замечанию В. В. Малявина, стала временем, «когда сложились незыблемые до XX века основы имперского правления и сделалась очевидной роль культуры в консолидации китайской ойкумены». При династии Хань была «восстановлена в правах» архаическая мифология — правда, в ее конфуцианском, рационализированном варианте, самого Конфуция обожествили, а даосизм получил государственное покровительство (ханьский император У-ди, например, настолько поддался влиянию даосов, что снарядил несколько экспедиций на поиски эликсира бессмертия). Неожиданным для династии итогом этого покровительства стало возникновение на западе страны своеобразного даосского теократического государства в государстве, которым управлял патриарх, передававший власть по наследству внутри рода, и которое просуществовало в материковом Китае до 1930-х годов.

Эпоха древних империй в Китае завершилась падением династии Хань, новым раздроблением страны на мелкие царства, самым сильным из которых было царство Вэй, и вторжением кочевых племен гуннов (*сюнну*). В 308 году вождь сюнну Ли Юань провозгласил себя императором Северного Китая, а на юге Поднебесной продолжали

соперничать между собой многочисленные царьки и удельные князья. Удивительным образом эта «эпоха перемен» совпала со временем проникновения в Китай буддизма (I тысячелетие н. э.) с его эсхатологией и учением об избавлении от страданий — «семенами», упавшими в благодатную почву раздробленной, сотрясаемой междоусобицами страны. Пожалуй, в более спокойное время буддизм — «инородное» учение — мог бы встретить более решительное сопротивление со стороны конфуцианства и даосизма. При сложившихся же обстоятельствах буддизм, как отмечает отечественный востоковед Л. С. Васильев, «оказался единственной иностранной идеологией, которая сумела не только глубоко внедриться в Китай и прижиться там, но и стать важной интегральной частью всей системы религиозных верований и институтов этой страны... Китайский буддизм занял свое место в системе религиозно-философских идей Китая и оказал огромное влияние на китайскую культуру».

В. В. Малявин прибавляет, что эти «смутные времена» — первые столетия нашей эры — стали той эпохой, когда «были заложены основы той культурно-исторической общности, которую принято называть Дальневосточной цивилизацией». Именно в этот период возникали первые государства на соседних с Китаем территориях — на Корейском полуострове, во Вьетнаме и Японии, а влияние Китая на эти территории было неоспоримо; заимствование соседями китайских традиций и распространение «китаизированного» буддизма позволили выдающему английскому историку А. Тойнби сделать вывод о формировании в Юго-Восточной Азии цивилизации, которую он назвал «синской».

Новое объединение страны произошло в VI веке и ознаменовалось воцарением династии Суй, которая, впрочем, достаточно быстро уступила престол династии Тан. При Тан, как утверждали китайские историки той поры, в Китай словно вернулся «золотой век» — однако он был недолгим и сменился очередным периодом раздробленности, известным в истории как период Пяти династий и Десяти царств. Следующий «золотой век», уже при династии Сун, закончился вторжением монголов, ханы которых Чингис и Хубилай присоединили Китай к своим владениям, простиравшимся от Тихого океана до днепровских степей. Хубилай стал основателем династии Юань, которая правила в Китае с XII по XIV век. При монголах конфуцианская идеология пришла в упадок, в Китай проник ламаизм (оставшийся, впрочем, маргинальным верованием), зато бурно развивалась народная литература, вобравшая в себя многочисленные мифологические и фольклорные сюжеты.

Монголам наследовала династия Мин, родоначальник² которой Хань Линьэр объявил себя земным воплощением будды грядущего Майтреи. Именно в правление династии Мин были написаны романы, получившие наименование «классических», составившие золотой фонд китайской литературы и опиравшиеся во многом на фольклорные и мифологические сюжеты, — «Речные заводи» Ши Найяня, «Троецарствие» Ло Гуанчжунуна, «Путешествие на Запад» У Чэнъэня, а также свод новелл Пу Сунлина «Странные истории из кабинета неудачника».

Последней императорской династией Китая стала династия Цин, пришедшая к власти в середине XVII века. Эта династия была чужеземной (маньчжурской, «варварской») по происхождению и потому всячески стремилась доказать свою «укорененность» в китайской культуре. При Цин Китай фактически «законсервировался» с точки зрения культуры и идеологии, завет Чжуанцзы о Поднебесной, которую надлежит спрятать в Поднебесной, превратился в основополагающий принцип государственной политики, благодаря чему иностранные исследователи долгое время не могли разглядеть за ширмой конфуцианского по духу культа живую религиозно-мифологическую традицию.

Века XIX и XX обернулись для Китая серьезными социально-экономическими потрясениями (колониальные войны, две революции, японская агрессия, режим Мао Цзэдуна), однако религиозно-мифологическая традиция продолжала существовать, вновь и вновь доказывая свою живучесть. Пожалуй, именно она является той «Поднебесной в

2 Он погиб, не успев основать династию, и эта честь выпала его преемнику Чжу Юаньчжану.

Поднебесной», о которой говорил Чжуанцзы. Сегодня в мире применительно к экономике Китая популярна метафора «Спящий дракон пробуждается»; что касается мифологии (в широком смысле слова), этот дракон в Китае не засыпал никогда.

Основные источники сведений по китайской мифологии, особенно по ее архаическому и конфуцианскому периодам, — это прежде всего сочинения так называемого конфуцианского канона: «Книга песен» («Шицзин»), «Книга преданий» («Шуцзин») и примыкающая к ним иньская «Книга перемен» («Ицзин»), а также «Каталог гор и морей», «Исторические записки» Сыма Цяня, стихи поэта Цюй Юаня (III в. до н. э.), «Записки о поисках духов» Гань Бао. Среди других источников — даосские философские и алхимические трактаты (например, «Баопуцзы» Гэ Хуна), буддийские сутры и их народные переложения (*бяньвэнь*), классические китайские романы.

«Книгу песен», по преданию, редактировал сам Конфуций, который, по сообщению Сыма Цяня, сократил первоначальные 3000 песен до 305, убрав все то, что «нарушало благопристойность и чинность». (Впрочем, в «Беседах и суждениях» самого Конфуция говорится не о 3000, а о 300 песнях, то же утверждает в своем трактате и видный конфуцианец Моцзы). О составе «Книги песен» переводчик этого произведения на русский язык А. А. Штукин писал: «Памятник состоит из трех частей — „[Го] фэн“ („Нравы [царств]“), „Я“ („Оды“) и „Сун“ („Гимны“). В разделе „Го фэн“ собраны 160 местных народных песен 15 царств эпохи Чжоу. Раздел „Я“ объединяет 105 песен, сложенных при дворе *вана* — государя династии Чжоу, в столице и ее окрестностях, и включает два подраздела: „Да я“ („Большие оды“ — 31 песня) и „Сяо я“ („Малые оды“ — 80 песен). Раздел „Сун“ содержит 40 гимнов и делится на три подраздела: „Чжоу сун“ („Гимны [дома] Чжоу“), „Лу сун“ („Гимны [князей] Лу“) и „Шан сун“ („Гимны [дома] Шан“). Два последних подраздела представляют собой храмовые песнопения, распространенные в VIII–III веках до нашей эры в царствах Лу и Сун. Произведения, вошедшие в „Шицзин“, собирались специальными чиновниками двора чжоуского вана — *синжэнь* („путниками“), или *цюжэнь* („глашатаями“), а также представлялись ко двору сановниками разных рангов. Они служили своего рода информацией с мест о нравах народа для принятия политических решений, совершенствования церемониальных установлений и ритуальной музыки».

Многие песни «Шицзин» содержат обращения к божествам или представляют собой гимны, посвященные этим богам (например, «Гимн Государю-Зерно»). На основании этих обращений и гимнов стала возможной реконструкция некоторых архаических сюжетов китайской мифологии.

Следует отметить, что большинство известных сегодня архаических мифов Китая, в отличие, скажем, от мифов Древней Греции, скандинавских или индийских, представляют собой именно реконструкции, так как связного изложения этих мифологических сюжетов не сохранилось. Яркий образец подобной реконструкции — известная отечественному читателю книга профессора Сычуаньского университета Юань Кэ «Мифы древнего Китая», в которой отрывочные сведения древних источников объединены в связный рассказ (нередко, правда, «приукрашенный» авторской фантазией).

В отличие от «Книги песен», «Книга преданий» — тоже, по легенде, отредактированная Конфуцием — является прозаической. В ней немало сведений о легендарной истории Китая (правление Яо и т. д.), а также встречаются фрагменты мифов и героических сказаний. В 231 году до нашей эры «Книга преданий» попала в число «бесполезных» сочинений, приговоренных императором Цинь Шихуанди к сожжению, но позже была восстановлена по уцелевшим спискам.

Особый интерес для изучения китайской мифологии представляет «Каталог гор и морей», о котором впервые упомянул в своих «Исторических записках» Сыма Цянь. Предание гласит, что «Каталог» был выгравирован на девяти священных сосудах неким Бо И, помощником героя Юя, который усмирил потоп. Как писал философ Ван Чун (I в. н. э.): «Когда Юй и И усмиряли воды потопа, то Юй занимался усмирением вод, а И — записью

сведений о различных вещах. Как бы далеки ни были земли за горами и морями, они всюду побывали, осмотрели все, о чем услышали. И создали они „Каталог гор и морей“. Если бы Юй и Бо и не совершили столь дальних путешествий, то не описали бы гор и морей. Описать же горы и моря они смогли потому, что видели все множество вещей».

По составу «Каталог» четко разделяется на две части — «Каталог гор», или «Каталог Пяти сокровенных гор», и «Каталог морей», включающий в себя «Каталог земель за морями», «Каталог земель внутри морей» и даже «Каталог Великих пустынь». Во всех этих разделах неоднократно описываются всевозможные чудесные животные, птицы, рыбы и растения, рассказывается о деяниях Желтого предка (Хуанди) и других первопредков, а также упоминаются другие мифологические сюжеты — чаще всего вскользь. Как отмечала в своем предисловии к русскому изданию «Каталога» его переводчица Э. М. Яншина, «мифологическая традиция зафиксирована в „Каталоге“ в виде лапидарных фрагментов мифов, в которых иногда содержится костяк какого-то сюжета, а иногда упоминается только отдельный мотив мифа или имеется намек на его тему, в целом ряде случаев дается просто перечень имен героев или их деяний. Такое закрепление мифологии связано с характером самого памятника — такого же каталога (списка) мифов, как и каталог гор. Однако подобный свод мифологии для древнекитайской литературы — редкость. И ученые правы, считая „Каталог“ сокровищницей мифологии, с которой могут сравниться только „Вопросы Небу“ Цюй Юаня».

Что касается поздней мифологической традиции Китая — так называемой синкретической мифологии, — здесь основными источниками сведений являются, помимо литературных сочинений, сводов и словарей, источники, так сказать, «наглядные»: народные картины, существовавшие в двух видах — как бумажные иконы для жертвоприношений, изображавшие богов и предков, и как поздравительные «открытки», которые было принято дарить на Новый год и которые своими сюжетами (зачастую именно мифологическими) символизировали благие пожелания дарителей адресатам.

Китай — безусловный социально-политический и культурный феномен человеческой истории. Нет другой цивилизации, которая отличалась бы такой же устойчивостью ко всем потрясавшим ее кризисам и выходила бы из них, говоря словами современного китайского поэта, «обновленной, но прежней». Верность традиции — Традиции, как предпочитал писать Рене Генон, — проявляется в Китае во всем, в том числе и в мифологии, которая, понимаемая достаточно широко, до сих пор определяет китайский взгляд на мир. Перефразируя В. В. Малявина, который рассуждает о китайской цивилизации, можно сказать, что китайская мифология позволяет человеку вновь и вновь возвращаться к истокам человечности в себе, ибо ориентирована на «технику сердца». И в этом — секрет ее поразительного долголетия.

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Глава 1

«ЕСТЬ ГОРА КУНЬЛУНЬ»: мифологическая традиция Древнего Китая

*Каков был довременный мир —
Чей может высказать язык?
Цюй Юань. Вопросы Небу³*

Мифы архаические и обработанные. — Мифы о сотворении мира. — «Вопросы небу». — Цзюйлин и Мать бесов. — Хаос, Инь и Ян. — Великан Паньгу. — Сюжеты о жертвоприношении

³ Здесь и далее перевод А. Е. Адалис.

первосущества. — Всемирный потоп и богиня Нюйва. — Отделение неба от земли. — Гора Куньлунь. — Мифологема мирового древа. — Дерево Цзянь. — Проекция мироздания. — Десять солнц и Лучник И. — Подвиги Юя. — Сотворение людей. — Нюйва как богиня-мать. — Культы Древнего Китая. — Шанди. — Первопредки. — Хуанди. — У-ди. — Мятажник Чию. — Яо и Шунь. — Фуси. — Небесные светила. — Богиня Сихэ. — Великан Куафу. — Мифы о луне. — Божества земли Хоуту и Хоуцзи. — Культ драконов. — Чудесные животные. — Цилинь и фэнхуан. — Трансформация древнекитайского пантеона.

«Во времена Яо воды потопа разлились до небес, они на неоглядных пространствах окружили горы и залили холмы, и народ, живший в низинах, пребывал из-за этого в печали. Тогда Яо стал искать человека, способного обуздать воды. Все [приближенные к нему] чиновники и помощники сказали, что это сможет сделать Гунь. Яо возразил: „Гунь — тот, кто нарушает приказы и вредит сородичам, [он] не годится“. Его помощники ответили: „Если сравнить его [с другими], то нет таких, кто был бы мудрее Гуня. Желательно, чтобы вы, император, испытали его“. Послушал Яо своих помощников и поручил Гуню обуздание вод. Прошло девять лет, но наводнение не утихло, и усилия [Гуня] не увенчались успехом.

Тогда император Яо опять стал искать подходящего человека и на смену [Гуню] обрел Шуня. Шунь был выдвинут и использован [в делах], он стал править от имени Сына Неба и объезжать владения. Во время поездок [он] увидел, что в обуздании вод Гунь ничего не добился, поэтому выслал Гуня пожизненно в горы Юйшань.

В Поднебесной все считали наказание, наложенное Шунем [на Гуня], правильным. После этого Шунь выдвинул сына Гуня Юя и повелел ему продолжить дело Гуня.

Когда Яо умер, император Шунь, обратившись к помощникам, спросил: „Есть ли среди людей такой, кто мог бы завершить и прославить деяния Яо, чтобы поставить его на должность чиновника?“ Приближенные ответили: „Если Бо-юя поставить начальником земляных работ, он сможет завершить их и прославить деяния Яо“. Шунь, сказав „О, правильно!“, отдал приказ Юю: „Ты будешь приводить в порядок воды и земли. В этом будь старателен!“»

Так, опираясь на традицию «Книги преданий», передает древнекитайский миф о великом потопе Сыма Цянь. В «Каталоге гор и морей» мы встречаем иную версию, очевидно более древнюю, лишенную конфуцианских «наслоений»:

«Воды потопа разлились до небес. Гунь не дождался приказа Предка и похитил у него саморастущую землю, чтобы преградить путь водам потопа. Приказал тогда Предок Заклинающему Огонь казнить Гуня вблизи Крыло-горы. Гунь воскрес и родил Юя. Повелел тогда Предок Юю закончить устройство земли, чтобы учредить Девять областей».

Небесный повелитель. Рельеф эпохи Сун.

Лапидарность изложения, столь характерная для «Каталога», заставляет привлекать другие, более поздние источники и реконструировать первоначальный сюжет мифа на основании всей совокупности материалов. Ключевое слово здесь — «реконструировать». В отличие от таких мифологических систем, как, например, античная, скандинавская или японская, мифология древнекитайская не сохранилась в своем «первозданном» виде — ее возможно только реконструировать. При этом необходимо учитывать, что «абсолютная» реконструкция невозможна (слишком фрагментарны сохранившиеся сведения, и зачастую они противоречат друг другу); именно поэтому нельзя считать удачной попытку Юань Кэ представить «связное» изложение древнекитайских мифов по образу и подобию мифов Древней Греции. Тем не менее такие попытки оправданы, ведь именно в древнекитайской мифологии сложились те сюжеты, которые затем были переработаны конфуцианцами, восприняты даосами и вошли в синкретический свод.

Традиционно в мифологических системах выделяется некоторое количество «главных», стержневых мифов, центральное место среди которых занимает миф о «становлении бытия» (Ф. Кейпер) и миротворении. Древнекитайская мифология в этом отношении долгое время считалась уникальной, поскольку бытовало мнение, что в ней миф о миротворении — иначе космогонический — попросту отсутствует. Как писал Д. Бодде, «представляется, что Китай, возможно, единственный из большого числа цивилизаций древности, не имел действительного мифа о сотворении мира». Однако реконструкции мифов о Нюйва, Юе, Чжуне и Ли, равно как и сведения, содержащиеся в «Книге перемен» («И-цзин»), заставляют усомниться в обоснованности этого вывода.

Космогонический миф — и даже мифы — в Китае безусловно существовал; к сожалению, по ряду обстоятельств космогония в итоге оказалась «подмененной» историографией: миф о сотворении мира превратился в миф об установлении и упорядочении империи, о «собираании земель». Так, Сыма Цянь приписывает устройство мира легендарному Хуан-ди (Желтому предку), который «упорядочил пять стихий, насадил пять видов злаков, успокоил народ, навел порядок в четырех частях страны». Но поэт Цюй Юань почти за три столетия до Сыма Цяня спрашивал:

Древний Китай в эпоху Борющихся царств.

Каков был довременный мир —
Чей может высказать язык?
Кто Твердь и Землю — «Верх» и «Низ»
Без качеств и без форм постиг?

«Был древний хаос», — говорят.
Кто четкости добился в нем?
В том, что кружилось и неслоь,
Кто разобрался? Как пойдем?

Во тьме без дна и без краев
Свет зародился от чего?
Как два начала «Инь» и «Ян»
Образовали вещество?

«Девятислойный» небосвод
Когда послойно разберут?
Все чьим-то создано трудом!
Кем начат этот вечный труд?

К чему привязаны концы
Небесной сети? И навес
На чем же держится? И где
Тот «стержень полюса небес»?

Мифы, о которых упоминал Цюй Юань, встречаются во фрагментах в ранних натурфилософских трактатах; на основании этих фрагментов и выстраиваются сюжеты, имеющие космогонический характер и позволяющие воссоздать древнекитайский миф о миротворении. Например, в трактате «Хуайнаньцзы» говорится: «В давние времена, когда еще не было ни земли, ни неба и в глубокой тьме блуждали бесформенные образы, из хаоса возникли два божества. Они создали небо и землю, и тогда отделились женское (инь) и

мужское (ян) начала и определились восемь сторон света». А трактат «Дунь цзя кай шань ту» приписывает миротворение богу Цзюйлину (Гигантскому Духу), который «родился вместе с первоначальной субстанцией, овладел знанием законов земли, мог создавать горы и ручьи, прокладывать путь рекам». В поздней книге «Описание удивительного» создание мира приписывается Матери бесов — Гуй-му: «На Южном море в горах Сяююй есть Гуй-му — Мать бесов, которая рождает и небо, и землю, и бесов».

Пожалуй, можно смело утверждать, что древнекитайский миф говорил о сотворении мира из хаоса, или «первоначальной субстанции»; этот сюжет вдобавок согласуется с другими мифологическими традициями — так, в индийской мифологии мир возникает из изначальных космических вод (олицетворения хаоса), которые несли в себе зародыш жизни; у древних египтян в изначальных космических водах появилось яйцо первотворения; в шумеро-аккадской мифологии мир сложился благодаря обузданию космических вод; можно вспомнить и библейский миф о сотворении мира. Правда, в трактате «Чжуанцзы» миф о рождении мира из хаоса переосмыслен в несколько комическом ключе: «Божество Южного моря зовется Шу [Быстрый], божество Северного моря зовется Ху [Внезапный], божество Центра зовется Хуньдунь [Хаос]; Шу и Ху часто встречались у Хуньдуня, и тот обходился с ними очень хорошо. Задумали Шу и Ху отблагодарить Хуньдуня за его доброту и говорят: „У всех людей есть семь отверстий, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, и только у него нет ни одного. Давай-ка попробуем, сделаем дырки и ему“. Каждый день они сверлили по отверстию, но Хуньдунь умер». По комментарию Юань Кэ, хотя Хуньдунь, в котором Шу и Ху, олицетворение быстротечности времени, просверлили семь отверстий, умер, но в результате возникли Вселенная и Земля.

Первоначальный хаос оформился в мироздание благодаря действию сил Инь и Ян.⁴ Эта «гармоническая оппозиция» древнекитайской натурфилософии в дальнейшем стала основой китайского мировоззрения. Сила Инь олицетворяла собой женское начало, землю, тьму, смерть, луну и четные числа; сила Ян олицетворяла мужское начало, небо, свет, жизнь, солнце, нечетные числа. С представлением об Инь и Ян связана и концепция пяти первоэлементов, из которых состоит мир, — земли, огня, воды, металла и дерева, взаимодействие которых есть необходимое условие бытия. Однако эти концепции пользовались популярностью в основном в конфуцианских и даосских (скажем так, жреческих) кругах; в народе куда более широкое распространение получил миф о сотворении мира Паньгу.⁵

Инь и Ян. Современная прорисовка древнего символа.

4 Ср. «Вопросы небу»:

Все формы — дело «инь» и «ян»,
Без них не статья ничему!
Частицы «ян», покинув плоть,
Как жизнь уносят — не пойму...

5 Как замечает Л. С. Васильев, «отвлеченные рассуждения философов о Дао, силах Ян и Инь, пяти первоэлементах и т. п. оставались достоянием лишь немногих образованных адептов даосизма. Массам эти абстракции были чужды и непонятны. Зато созданные народом наивно-примитивные и художественно-образные мифы о сотворении мира, как миф о Нюйва, были наглядны, эмоциональны и убедительны. Такого рода мифы, да еще рассказанные в форме, способствующей усвоению идей даосизма, могли содействовать успеху этого учения в борьбе за влияние. Видимо, именно такие обстоятельства сыграли свою роль в появлении некоторых мифов, имевших явно вторичный и целенаправленный характер, как, например, миф о Паньгу».

Паньгу. Гравюра (XV в.).

Миф о Паньгу, вероятнее всего, заимствован китайцами у соседних южных народов (известен сюжет о чудесном прародителе некитайских племен — собаке Паньху, имеются и другие сказания⁶), что не помешало ему со временем стать наиболее популярным в китайской мифологии мифом о сотворении мира. Согласно одной средневековой энциклопедии, «небо и земля пребывали в хаосе, подобном содержимому куриного яйца, тогда-то и родился Паньгу. Спустя восемнадцать тысяч лет начала создаваться вселенная, чистое начало Ян образовало небо, мутное начало Инь образовало землю. Паньгу же находился в середине и менял свой облик по девять раз в день. На небе он стал духом, на земле — святым. Небо каждый раз поднималось на один чжан (около 3 метров. — *Ред.*), и земля становилась толще на один чжан, и Паньгу тоже вырастал на чжан в день. Так продолжалось восемнадцать тысяч лет, пока небо не поднялось очень высоко, земля же опустилась очень низко, а Паньгу не вытянулся до огромных размеров».⁷

Пиктографические знаки на гадательных костях эпохи Инь.

Достигнув этого состояния, Паньгу умер, и, согласно «Толкованию истории» Ма Су (XVII в.), «первороденный Паньгу перед самой смертью преобразился: его дыхание стало ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — солнцем, правый глаз — луной, его конечности и костяк — четырьмя сторонами света и пятью великими горами, кровь — реками, жилы и вены — складками на земле, мясо — почвой на полях, волосы — звездами, растительность на теле — травами и деревьями, зубы и кости — золотом и нефритом, семя и костный мозг — жемчугом и камнями, пот — дождем и росой». Другой текст дополняет: из слез Паньгу образовались реки, из дыхания — ветер, из голоса — гром, из зрачков — молнии. Существует и предание о том, что паразиты, кишевшие на теле Паньгу, превратились в людей.

Миф о творении мира из тела первопредка присутствует во многих мифологических традициях. Так, в индийской «Ригведе» имеется миф (он повторяется и в «Атхарваведе») о принесении в жертву первосущества и создании мира из его тела. В ведической традиции такое первосущество — великан Пуруша. Его расчленили на составные части, а из последних возникли основные элементы социальной и космической организации: глаз Пуруши стал солнцем, дыхание — ветром, пуп — воздушным пространством, голова — небом, ноги — землей, уши — сторонами света; кроме того, изо рта Пуруши произошли брахманы, то есть жрецы, из рук — кшатрии, или воины, из бедер — вайшьи, или земледельцы, а из ног — шудры, иначе «неприкасаемые», низшая индийская каста.

В ведийском гимне Пуруше говорится, что из тела первочеловека,

Из этой жертвы, полностью принесенной,

⁶ «Все яо поклоняются Паньгу и называют его Пань-ваном. Они верят, что Пань-вану подвластны жизнь и смерть человека, его долголетие, его богатство или бедность. Во время засухи устраивают моления в честь Пань-вана, носят по полям его изображение, чтобы он видел посевы» (Лю Сифань, «О племенах, обитающих за хребтом Улин»).

⁷ Юань Кэ приводит любопытную цитату из книги Чжоу Ю «Сказание о начале мира» (XVI в.): «Паньгу вытянулся, и небо постепенно стало подниматься вверх, а земля тотчас опустилась вниз. Однако небо и земля все-таки были связаны между собой. Тогда Паньгу взял в левую руку долото, а в правую топор. Он рубил топором, бил долотом, и поскольку он обладал божественной силой, то в конце концов земля и небо разделились».

Было собрано крапчатое жертвенное масло.
Он сделал из него животных, обитающих в воздухе,
В лесу и (тех), что в деревне.

Из этой жертвы, полностью принесенной,
Гимны и напевы родились,
Стихотворные размеры родились из нее,
Ритуальная формула из нее родилась.

Из нее кони родились
И все те (животные), у которых два ряда зубов;
Быки родились из нее,
Из нее родились козы и овцы.⁸

Далее гимн гласит:

Дух его луной обернулся
солнце оком его сияет
губы стали Агни да Индрой
обратилось ветром дыханье.

Воздух пуп его земля ноги
из главы же небо явилось
ухо стало странами света
так богами был мир устроен.

Семь поленьев в срубе костровом
трижды семь в костре для сожженья
боги ради жертводаянья
привязали Пурушу-жертву.

Жертвой в жертву
жертве боги воздали
так впервые было жертводаянье
возвратилась эта сила на небо...⁹

Этот сюжет имеет несомненную индоевропейскую основу, что подтверждается его присутствием и в иранской, и в скандинавской, и в славянской мифологиях, и в мифологических системах других индоевропейских народов. Согласно иранской «Авесте», первочеловек Йима был распилен пополам, и из его тела был сотворен мир. В скандинавской мифологии мир создается из тела первосущества Имира: из подмышек Имира, а также от трения его ног родились инеистые великаны:

Из мяса Имира сделаны земли,
из косточек — горы,
небо из черепа льдистого йотуна,
из крови — море.¹⁰

8 Перевод Т. Я. Елизаренковой.

9 Стихотворное переложение В. Г. Тихомирова.

10 «Старшая Эдда», «Речи Вафтруднира». Перевод В. Г. Тихомирова.

Из крови убитого Имира, согласно «Младшей Эдде», возник мировой океан, а из мозга инеистого великана боги сотворили облака.

Греческая теогония не упоминает о принесении первосущества в жертву, однако в орфическом гимне Зевсу находим «наложение» образа бога богов на образ первосущества-жертвы:

Зевс — владыка и царь, Зевс — всех прародитель единый.
Стала единая власть и бог-мироправец великий,
Царское тело одно, и в нем все это кружится:
Огонь и вода, земля и эфир и Ночь со Денницей,
Метис-первородитель и Эрос многоусладный —
Все это в теле великом покоится ныне Зевеса.
В образе зримы его голова и лик велелепный
Неба, блестящего ярко, окрест же — волосы золотые
Звезд в мерцающем свете, дивной красоты, воспарили.
Бычьи с обеих сторон воздел он рога золотые —
Запад вкупе с Востоком, богов небесных дороги.
Очи — Солнце с Луной, противогрядущую Солнцу.
Царский же ум неложный его — в нетленном эфире,
Коим слышит он все и коим все замечает...
Тела же образ таков: осиянно оно, безгранично,
Неуязвимо, бездрожно, с могучими членами, мощно.
Сделались плечи и грудь, и спина широкая бога

Воздухом ширококрылым, из плеч же крылья прозябли,
Коими всюду летает. Священным сделались чревом
Гея, всеобщая мать, и гор крутые вершины.
В пахе прибой гроыхает морской, тяжелогремящий,
Ноги — корни земли, глубоко залегшие в недрах...¹¹

В славянской (точнее — северорусской) «Голубиной книге» также повествуется о жертвоприношении первосущества, повлекшем за собой сотворение мира (правда, под влиянием христианства опущен момент расчленения тела первосущества и привнесены христианские мотивы):

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия;
Солнце красное от лица Божьего
Самого Христа Царя небесного;
Млад светел месяц от грудей его;
Звезды частые от риз Божьих;
Ночи темные от дум Господних;
Зори утрени от очей Господних;
Ветры буйные от Свята Духа;
У нас ум-разум самого Христа,
Самого Христа Царя небесного;
Наши помыслы от облак небесных;
Кости крепки от камени;
Телеса наши от сырой земли;

11 Фрагменты ранних греческих философов. Перевод А. М. Лебедева.

Кровь-руда наша от черна моря...

Русский религиозный философ Г. П. Федотов в связи с этим фрагментом «Голубиной книги» замечал: «Стих не дерзает говорить о теле, о костях Божиих и отказывается ставить вопросы о происхождении земли, моря и гор (камней). Ответы на эти вопросы легко угадываются; они становятся ясны по аналогии с происхождением тела Адамова. Но певец умалчивает о них, думается, по требованию религиозного целомудрия, подавляя в себе естественный интерес к космологии матери-земли».

Очевидные параллели между китайским мифом о Паньгу и индоевропейским сюжетом заставляют предположить постороннее, «арийское» (то есть индийское) влияние на китайскую традицию (у некитайских народов Южного Китая, как уже упоминалось, Паньгу — чудесная собака, любимый пес властителя и супруг его дочери, прародитель народа мяо, но никак не первосущество). Л. С. Васильев видит в мифе о Паньгу искусственную конструкцию, тщательно выстроенную даосами: «Этот миф — яркий пример использования даосами народных верований и трансформации их, пример вторичного, творческого, утилитарного использования мифов в своих целях. Разработка и популяризация мифа о Паньгу способствовала ознакомлению широких масс с одной из центральных идей даосизма — с весьма абстрактной и недоступной для понимания идеей о дао, мироздании и космогонии. Старания даосов в этом направлении вполне оправдывали себя. Миф о Паньгу стал со временем широко известным и очень популярным в Китае, а сам Паньгу — одним из главных персонажей даосского, а затем и всекитайского пантеона».

Не исключено — во всяком случае, реконструкция позволяет сделать такой вывод, — что заимствованный миф о Паньгу наложился на бытовавший в Древнем Китае миф о сотворении мира богиней Нюйва. В средневековом словаре о ней говорится: «Нюйва — мудрая древняя богиня, превратившаяся в тьму вещей» (как и Паньгу после смерти), а «Каталог гор и морей» упоминает «десять человекобогов», в которых превратились «внутренности» Нюйва; поэт Цюй Юань и трактат «Хуайнаньцзы» упоминают о «семидесяти превращениях» Нюйва, которые современными исследователями толкуются как метафорическое описание создания мира этой богиней. По замечанию Э. М. Яншиной, «компилятивный характер сказания о Паньгу разрешает полагать, что общий для него и Нюйва мотив — сотворение мира как процесс превращения в него самого творца — мог первоначально связываться с именем Нюйва или с другим китайским божеством и только потом был перенесен на Паньгу».

Фуци и Нюйва. Шаньдунский рельеф из храма У Ляна.

С Нюйва связан и еще один миф космогонического характера — миф о починке неба, разрушенного в результате потопа, который устроил бог разливов Гунгун. По мифу, Гунгун разрушил одну из гор, служивших опорой небу, и часть небосвода отвалилась.¹² В трактате «Хуайнаньцзы» говорится, что «небо не покрывало все сущее, земля несла на себе не все живущее. Пламя горело не угасая, волны вздымались непрестанно, свирепые звери пожирали подданных, хищные птицы уносили слабых и старых». Исправить эти повреждения смогла только Нюйва — она собрала камни пяти различных цветов, расплавив их на огне в жидкую массу и заделала прорехи в небосводе, затем убила огромную черепаху, отрубила у нее

¹² В настоящее время считается, что Гунгун не являлся виновником потопа, что введение этого бога в данный миф — результат позднейших влияний. В трактате «Хуайнаньцзы» говорится, что «в древние времена четыре предела обрушились и девять материков раскололись». Эта катастрофа гораздо масштабнее той, которую учинил Гунгун, когда отвалилась часть небосвода. Вдобавок Нюйва, исправляя урон, ставит четыре подпорки небу, то есть укрепляет его целиком, а не только в одном месте, как было бы логично предположить в связи с действиями Гунгуна.

четыре ноги и поставила их вертикально как подпорки неба, затем собрала тростник, сожгла его, сгребла пепел в кучи и тем самым преградила путь водам потопа, а также прогнала хищных зверей и птиц.

О починке земли — точнее, об ее отделении от неба — говорит и миф о богах Чжуне (Великом) и Ли (Черном). «Каталог гор и морей» упоминает некоего бога Лаотуна (Старца-Младенца), который родил Чжуна и Ли и приказал им — первому поднять небо, а второму опустить землю. Когда они исполнили это повеление, связь между землей и небом прервалась: отныне боги уже не могли спускаться на землю, а люди — подниматься к богам. Французский исследователь А. Масперо, опираясь на версию не «Каталога», но «Книги преданий», где правители Чжун и Ли отделяют землю от неба, дабы покарать погрязший в злодеяниях народ мяо, реконструирует этот миф следующим образом: когда земля еще не была устроена, ее населяли чудовища — крылатый народ мяо. В то время земля и небо находились почти вплотную друг к другу, боги и народ мяо свободно общались между собой, однако земля, населенная чудовищами, была непригодна для людей, поэтому верховное божество истребило мяо и повелело Чжуну и Ли поднять небо и опустить землю, а затем послало в мир героев — обустроить землю и сделать ее пригодной для жизни людей. Этими героями были Хоуцзи, Юй и Лучник И (см. ниже).

Более позднее толкование этого мифа — наказание людей за прегрешения перед божествами, знаменующее собой окончание «золотого века». Некогда люди жили вместе с богами, но постепенно «стали осквернять союзы, не стали уважать авторитеты, боги усвоили установления людей и не выполняли своих обязанностей. Тогда не стали спускаться счастливые рождения (урожаи), не стало изобилия, без конца повторялись несчастья и бедствия» («Речи царств»). И тогда Чжун и Ли по приказанию верховного божества отделили небо от земли.¹³

Отделенная от неба и обустроенная земля выглядела, насколько можно судить по разрозненным сведениям в первоисточниках, следующим образом. На западной окраине «четырёх пределов и девяти материков» возвышается гора Куньлунь — китайский вариант мировой горы, сопоставимый с индийской Меру или японской Фудзи. Высота Куньлуня — более 7 тысяч километров, на этой горе находится исток великой реки Хуанхэ, еще там располагается нижняя столица небесного правителя Шанди. Вершина Куньлуня достигает небесного дворца, а подножие горы окружено глубокой и стремительной рекой Жошуй и огненными горами. Поднявшись на Куньлунь — или взобравшись по особой лестнице, — можно было попасть на небо.¹⁴ С Куньлуня берут начало реки пяти цветов, на его вершине растет дерево долголетия (бессмертия).

Ритуальный символ горы (в форме иероглифа шань — «гора»). Бронза (IV в. до н. э.).

Куньлунь — локальная манифестация мифологемы мировой горы, известной многим мифологическим традициям. Мировая гора представляет собой образ мира, модель Вселенной, вариант мирового древа (в мифах эти два символа иногда совмещаются — мировое древо растет на вершине горы). Мировая гора находится в центре мира, вокруг нее, как вокруг мировой оси, строится мироздание; от ее вершины дорога ведет к небесам, а

¹³ «Речи царств» толкуют это отделение метафорически — как восстановление старого порядка, «когда люди умели служить богам», а боги «не мешались» с людьми.

¹⁴ В трактате «Хуайнаньцзы» путь на небо описан весьма подробно: «Кто с горы Куньлунь поднимется на вдвое большую высоту, достигнет горы Лянфэн — Прохладного ветра и обретет бессмертие; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет Сяньпу — Висячих садов и обретет чудесные способности, научившись управлять ветром и дождем; кто поднимется еще вдвое выше, достигнет неба, обиталища Тайди — Верховного владыки и станет духом».

нижняя часть горы указывает на вход в подземный мир. Вершина горы отдана во владение богам, посредине обитают люди, а у подножия горы или под ней — злые духи. М. Элиаде писал, что «вершина мировой горы является не только наивысшей точкой земли, но также ее пупом, точкой, где творение имеет свое начало».

Мифологическое пространство структурируется, как правило, в двух направлениях — по вертикали и по горизонтали. Вертикальную проекцию представляет мировая ось — либо гора, либо мировое древо. Последнее есть центр и опора мира, модель мироздания, его вертикальная проекция: крона мирового древа достигает небес, корни уходят в преисподнюю, ствол соответствует срединному миру, то есть миру людей. Характерным «образчиком» мирового древа может служить скандинавский Иггдрасиль, который связывает между собой девять миров; на его вершине сидит мудрый орел, корни дерева гложут змеи и дракон Нидхегг. Три корня Иггдрасиля уходят в подземный мир; под ними расположены источники, и среди них тот, у которого живут богини судьбы норны. В «Младшей Эдде» сказано, что Иггдрасиль «больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму...» А «Старшая Эдда» описывает Иггдрасиль так:

Тремя корнями
тот ясень-древо
на три страны пророс:
Хель — под первым,
Хримтурсам — второй,
под третьим род человеков.

Белка по имени
мысь Вострозубка
снует по Иггдрасиль-древу,
сверху она
слово орла
вниз темному Нидхеггу носит.

Две пары оленей
вершину древа
гложут, вытянув выи:
Туротрор, Умерший,
Мешкий и Чуткий.

И змей немало
под Иггдрасиль-древом —
больше, чем думают дурни иные:
Пустожил и Подземельник —
волкодлачьи чада,
тоже Серый и Скрытень,
Снотворец и Витень;
мне же ведомо: ветви
Древа им вечно грызть.

Иггдрасиль-ясень
терпит страсти,
коих не знают люди:

олень объедает,
ствол подгнивает,
Нидхегг терзает снизу.¹⁵

Описание Иггдрасиля представляет собой одновременно вертикальную (крона — небо — Асгард, ствол — Мидгард, корни — Нифльхейм) и горизонтальную (три корня: Асгард — Мидгард — Утгард) проекции мироздания, причем в последней моделируются числовые отношения (три корня, четыре оленя, шесть змей).

Шумерское дерево Хулуппу аналогично воспроизводит вертикальную модель мира: на его ветвях сидит небесная птица Анзуд, в корнях прячется змей преисподней, а в стволе обитает дева Лилит. Схожее представление обнаруживается и в славянской традиции, которая также объединяет вертикальную и горизонтальную проекции; ср. загадку: «Когда свет зародился, тот дуб повалился, и теперь лежит» (дорога). Апокрифическая легенда о сотворении мира гласит: земля лежит на воде, вода — на камне, камень — на четырех китах, киты — на огненной реке, река — на вселенском огне, а огонь — «на дубе железном, посаженном прежде всего другого, и все корни его опираются на Божью силу»; многочисленные заговоры упоминают остров Буян, где на камне Алатырь стоит «булатный дуб» или священный кипарис. Мировое древо — дорога в потусторонний мир: змеи на зиму уползают по нему в Вырей, на Троицу по деревьям спускаются на землю русалки — девушки, умершие неестественной смертью. Другая загадка соотносит мировое древо с временами года и календарем: «Стоит дуб, на дубу двенадцать сучьев, на каждом сучке по четыре гнезда...»

Та же славянская традиция знает образ перевернутого (инвертированного) мирового древа: «На море на Окияне, на острове на Кургане стоит белая береза, вниз ветвями, вверх кореньями». Индийская «Атхарваведа» говорит о перевернутом дереве: «С неба корень тянется вниз, с земли он тянется вверх». Образ перевернутого мирового древа часто встречается в так называемой шаманской мифологии, где он означает древо нижнего мира (последний — верхний мир «наоборот», отсюда и переворачивание дерева корнями вверх).

Любопытный вариант мирового древа встречается в «Слове о полку Игореве», где сказано, что певец Боян воспевает старину, «скача соловьем по мысленну древу». Как показал А. А. Потебня, это мысленное древо — эквивалент мирового; творчество Бояна есть перемещение по земле, небу и мировому древу, соединяющему небо и землю:

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом по подоблачью,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы...

По замечанию В. Н. Топорова, в изображениях мирового древа вертикальная проекция моделирует космос, а горизонтальная — ритуал, «основная цель которого — обеспечение благополучия, плодородия, потомства, богатства». Наиболее известным ритуалом, связанным с мировым древом, является жертвоприношение (инициация) скандинавского бога Одина, который девять дней, пронзенный копьем, провисел на ясене Иггдрасиль, дабы обрести мудрость; на девятый день он утолил жажду священным медом из рук инеистого великана Бельторна и получил от последнего руны. То же жертвоприношение на мировом древе встречается в кельтской традиции (кровавые жертвы друидов), сюда же следует отнести и распятие Христа.

¹⁵ Перевод В. Г. Тихомирова.

Мировое дерево разделяет освоенное и неосвоенное, хаотическое и космическое пространства, вводит в космос некую меру, исчисление. Образ мирового дерева тесно связан с символикой сакральных чисел (три, четыре, семь, девять, двенадцать) — три сферы мироздания, три времени жизни (прошлое — настоящее — будущее), четыре времени года, четыре стихии, четыре стороны света, семь (сумма трех и четырех) миров и т. д.

Как ось мироздания мировое дерево часто встречается в обрядах, отголосок которых сохранился в современном обычае устанавливать рождественскую (новогоднюю) елку и класть под нее подарки для детей. В аналогичном качестве и значении мировое дерево (в своих различных «манифестациях») использовалось в свадебных обрядах («венчались вокруг ракитового куста» и т. п.), при строительстве дома (обрядовое деревце ставилось в центре планируемой постройки), в рождественских обрядах (бадняк и пр.).

Вариант мирового дерева — так называемое майское дерево, или «майский шест», — символ оси, вокруг которой вращается вселенная. Римляне позаимствовали обрядность майского дерева в Малой Азии, где издавна существовал обычай совершать ритуалы и танцевать у священной сосны Аттиса. От римских хиларий, праздника весны, ведет свое начало обряд майского дерева, связанный с празднованием наступления весны у европейских народов. Майское дерево представляет собой ствол, или шест, без листьев (мужское начало), на верхушке которого укреплен диск (женское начало); соединенные вместе, ствол и диск суть эмблема плодородия. Майское дерево украшают семью разноцветными лентами, то есть семью цветами радуги; первоначально это были ленты на священной сосне Аттиса — эмблемы плодоносящей силы.

Образ мирового дерева прочно вошел в культуру человечества; в Средневековье этот образ использовался как способ иллюстрации целого, состоящего из многих иерархически упорядоченных элементов — отсюда многочисленные генеалогические деревья, «философское дерево» алхимиков, «дерево жизненного пути», равно как и вошедшие позднее в научный обиход «леса логических деревьев» (Л. Витгенштейн).

К. Юнг видел в мировом дереве схему человеческого мышления: истоки бессознательного (корни) — реализации сознательного (ствол) — транссознательная цель (крона).

Небесный символ. Царство Восточное Чжоу.

Мировое дерево древнекитайской мифологии — дерево Цзянь (цзяньму), растущее на равнине Дугуан, в «центре Поднебесной». Эта равнина, согласно трактату «Хуайнаньцзы», отличается необыкновенным плодородием: «Растут там привольно жирные бобы, рис, просо и гаолян. Все злаки тут сами произрастают и зимой, и летом. Распевают там птицы луань и танцуют птицы фэн (фениксы. — *Ред.*), приносит плоды дерево долголетия линшоу, всяких трав и деревьев там множество, и собираются там стада зверей. Травы же эти ни зимой, ни летом не сохнут». Дерево Цзянь — единственное из чудесных деревьев китайской мифологии достигавшее небес — растет посредине равнины Дугуан. Его ствол уходит в облака, ветвей на нем нет, только девять сучьев на макушке, а корни переплетены между собой «девятью отростками». По этому дереву сходили на землю и поднимались обратно в небеса небесные владыки (согласно «Каталогу гор и морей», по этому же дереву поднялся на небо великий предок Фуси).

Вариантами мирового дерева выступают многочисленные «солнечные» и «лунные» деревья — например, шелковичное дерево Фу, на ветвях которого сидят вороны-солнца, дерево Жо, на верхушке которого гнездятся десять солнц; также следует упомянуть дерево бессмертия даньму, расцветающее раз в пять лет и находящееся под покровительством Желтого предка (Хуанди), персиковое дерево, символизировавшее плодородие (и позднее

переосмысленное как дерево бессмертия), дерево Трех Жемчужин, упоминаемое в «Каталоге гор и морей» и изображавшееся на погребальных рельефах и др.

Гора Куньлунь (равно как и ее «ипостаси» — другие горы, многократно упоминаемые в том же «Каталоге»; вообще для мифорелигиозной традиции Китая характерен культ камней и гор, почитавшихся как предки¹⁶) и дерево Цзянь соединяют между собой три мира — небеса, землю и преисподнюю (нижний мир), вход в который расположен в пещере на вершине горы. Небо, как считалось, состоит из девяти слоев («сводов»), первый из которых расположен непосредственно над Куньлуном. По небу, сменяя друг друга, движутся солнца и луны (их столько же, сколько дней и ночей в году); позднее появился миф об уничтожении «лишних» солнц (см. ниже). Также на небе находятся пять звездных дворцов-гун, соотносимых с пятью сторонами света, — это Срединный, Восточный, Южный, Западный и Северный гуны; они олицетворяются созвездиями — Тай-и, Цинлун, Чжуцзяо, Байху и Сюанью.

Что касается горизонтальной проекции древнекитайского мифологического мироздания, она строится на пятичленном делении мироздания — помимо привычных нам четырех сторон света важное значение имеет центр, или середина (самоназвание Китая — Чжун Го, то есть «срединная земля»).

Дерево денег. Китайская народная картина.

Куньлунь находится в Цзичжоу — это либо одна из «девяти областей», либо единственный обитаемый континент из «четырех пределов». Свою форму горизонтальная проекция приобрела после бесчинства Гунгуна и починки неба, произведенной Ньюва: как сказано в трактате «Хуайнаньцзы», «небо накренилось на северо-запад, куда и движутся солнце, луна, звезды и планеты. Земля стала неполной на юго-востоке, куда и текут реки и потоки (или пыль)». На востоке от обитаемой земли, на неведомом расстоянии, лежит огромная пропасть, бездонная пучина, в которую стекают все воды — «со всех сторон света, девяти пустынь и Небесной реки» («Лецзы»). В море, где находится эта пучина, плавают острова Блаженных — Пэнлай, Дайсюй, Юаньцзяо, Фанчжан и Инчжоу (это даосский «вклад» в древнюю мифогеографию); два из них утонули во время катаклизма, вызванного нападением великанов (подробнее см. в главе III), уцелели Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу. По «Каталогу гор и морей», с суши Цзичжоу окружали земли, населенные самыми невероятными созданиями — карликами, великанами, «твердогрудыми», «свинорылыми», «безутробными» и т. п.

Свой окончательный вид китайское мифологическое мироздание приобрело после двух катастроф и устранения их последствий. Первая катастрофа — чудовищный зной, которым опалили землю десять солнц; вторая — новый всемирный потоп.

Охотник, стреляющий в воронов-солнц. Рельеф из Сычуани. Эпоха Хань.

Стрелок, или Лучник И (Хоуи), был в числе тех, кого Небесный владыка послал на землю, чтобы помочь людям. Он совершил ряд подвигов, которые с полным основанием позволяют причислить его к культурным героям, — победил нескольких чудовищ (то есть упорядочил хаос); впоследствии за эти подвиги его стали почитать как божество, прогоняющее бесов. Еще он сражался с божествами, мешавшими людям, — Ветром-Дафэн, Хэбо, богом реки Хуанхэ, Девятью Младенцами. Главный же подвиг И — уничтожение

16 Ср. типичное завершение главы в «Каталоге гор и морей»: «Всего... девятнадцать гор... Их духам приносят в жертву белую курицу, читая при этом молитву».

«лишних» солнц. По трактату «Хуайнаньцзы», это случилось во времена легендарного правителя Яо, правление которого в конфуцианской традиции служит олицетворением «золотого века». На небосвод одновременно поднялись десять солнц, жар которых испепелял все живое; как писал Цюй Юань, «там десять солнц всплывают в небесах и расплавляют руды и камня». Тогда И взял красный лук и белые стрелы — подарок Небесного правителя — и меткими выстрелами поразил девять солнц из десяти. Эти девять солнц рухнули наземь в облике золотых воронов, «и тогда в Поднебесной широкое стало узким, опасное — легким, далекое — близким, и с тех пор установился в мире порядок» («Хуайнаньцзы»). По замечанию Э. М. Яншиной, «можно предположить, что исходным моментом... уничтожения Охотником девяти из десяти солнц была ритуальная охота-погоня-добывание богом-охотником небесного светила», то есть еще один подвиг культурного героя — наделение людей светом. Э. М. Яншина видит в мифе о Хоуи метафору завершения обустройства мира: «Смысл подвигов Охотника в том, что они знаменуют собой уничтожение хтоничности, представления о которой были характерны для раннеродовой эпохи, и водворение гармонии и соразмерности, что соответствует взглядам на природу в более позднюю эпоху».

Однако, если следовать «внутренней хронологии» китайской традиции, завершающий этап обустройства мира — это усмирение нового потопа, случившегося в правление Шуня, преемника государя Яо. Потоп начался еще при Яо и продолжался более двадцати лет; трактат «Мэнцзы» гласит: «Во времена Яо воды повернули вспять и затопили весь Китай. Повсюду поселились змеи и драконы (олицетворения хтонической природы и водной стихии. — *Ред.*), и людям негде было жить. Жившие в низинах сооружали гнезда, жившие в горах селились в пещерах... Быстро размножались звери. Хлебные злаки не созревали. Звери и птицы вытесняли людей, а следы зверей и птиц пестрели по всему Китаю». Яо призвал советников, которые высказались за то, чтобы послать на борьбу с потопом Гуня, внука Небесного владыки.¹⁷ Гунь девять лет строил дамбы, но не преуспел в своих начинаниях. Отчаявшись, он похитил у Яо саморастущую землю (сижан), чтобы усмирить воды, но снова не справился и по велению Яо был казнен. Его тело три года пролежало нетленным на вершине горы,¹⁸ а на четвертый год из чрева Гуня вышел его сын Юй, который продолжил — и сумел успешно завершить — отцовский труд.

Юй попросил у Небесного владыки сижан и получил его, а также сонм больших и малых драконов во главе с Инлуном, некогда победившим бога войны Чию (см. ниже). Согласно ряду текстов, Юй строил плотины, рыл каналы и каналы, сравнивал холмы, а дракон Инлун чертил хвостом по земле указывая путь потопа. В трактате «Моцзы» говорится: «Некогда Юй, усмиряя воды потопа, прорывал русла рек и давал им проход через земли Четырех варваров и Девять областей. Он дал название тремстам горам, провел русла трех тысячам больших рек, а скольким малым и не счесть. Юй сам нес торбу и лопату и делал сток рек Поднебесной. На ногах и бедрах у него стерлись волосы. Умывал его сильный дождь, причесывал быстрый ветер. Так он трудился для Поднебесной». Сыма Цянь, подытоживая деяния Юя, прибавляет: «Наибольшие заслуги были у Юя, он прорубил девять гор, устроил стоки для девяти озер, проложил русла для девяти рек и установил девять областей, каждая из которых приносила дары сообразно с занятиями ее [населения], что не нарушало интересов областей... Затем Юй сыграл девять напевов, [на звуки которых] явились удивительные твари, прилетела и стала кружить пара фениксов. [Так] со времени юйского императора [Шуня] в Поднебесной началось раскрытие всех добродетелей». Иными

17 В ряде текстов сообщается, что сам Гунь вызвал потоп, а «Книга Преданий» говорит, что своими действиями по усмирению вод Гунь нарушил установленный порядок чередования первоэлементов и именно за это, а не за похищение сижан, был наказан Небесным владыкой — или Яо.

18 По другой версии мифа, Гунь перед смертью обернулся медведем (или черепахой, или желтым драконом) и бросился в пучину. Исследователи видят в этом превращении отзвук тотемического культа.

словами, борьба Юя с потопом вполне может трактоваться как последнее космогоническое деяние, которым завершилось обустройство мира.¹⁹

К тому времени, когда обустройство мира наконец завершилось, его уже давно населяли люди. Однако, в духе «Вопросов небу» Цюй Юаня, пора задаться вопросом: откуда они взялись на земле?

Юй — усмиритель потопа. Рисунок эпохи Хань.

Китайская традиция знает несколько ответов на этот вопрос — от умозрительных (из сочетания Инь и Ян) до вполне конкретных. Версию о появлении людей из взаимодействия Инь и Ян приводит трактат «Хуайнаньцзы»: «И родились из хаоса два духа, создавшие небо и землю... Из мутной субстанции (Инь. — *Ред.*) образовались твари, из чистой (Ян. — *Ред.*) — человек». Впрочем, как замечает Юань Кэ, «этой версии никто не верил, и в конце концов она исчезла бесследно, не оставив сколько-нибудь значительного следа».

Выше уже упоминалась другая версия — что люди возникли из паразитов, ползавших по телу Паньгу. Юань Кэ, как бы примеряя на себя маску Ван Чуна, философа-полемиста ханьской эпохи, склонного к наивно-рационалистическим толкованиям мифов, говорит: «Эта версия ущемляла человеческую гордость и поэтому не получила широкого распространения».

В ряде средневековых трактатов упоминается о том, что род человеческий пошел от Паньгу и его жены, однако здесь скорее имело место восприятие Паньгу как Паньху, «очеловеченной» собаки — предка некитайских народов.

В «Хуайнаньцзы» приводится и еще одна версия мифа о сотворении людей: «Хуанди создал мужские и женские органы, Шанпянь создал уши и глаза, Санлинь создал руки, и стали возможны семьдесят превращений Нюйва». О семидесяти превращениях богини Нюйва как акте миротворения говорилось выше, и, если вспомнить все свершения Нюйва как демиурга, ее непосредственное участие в создании людей выглядит весьма логичным. В другом трактате («Толкование обрядов и обычаев») Нюйва прямо называется создательницей людей: «Простой народ говорит, что, когда небо и земля только отделились друг от друга, еще не было людей. Нюйва взяла желтую землю и стала их лепить. Но силы у нее истощились, не хватало времени. Тогда она стала делать людей, вода веревкой по простой глине. Богатые, знатные и ученые — это люди, вылепленные из желтой глины, а бедные, подлые и неучи — сделаны веревкой». Разумеется, в последнем сюжете отчетливо видны поздние фольклорные мотивы, но древнее мифологическое ядро несомненно. Кстати сказать, вождение веревкой по глине вызывает в памяти древнеиндийский миф о пахтанье богами мирового океана, когда в качестве мутовки использовался гигантский змей Васуки: в результате этого деяния из океана возникли «многие ценности».

Также имеется миф о том, что человеческий род — прямые потомки Нюйва и Фуси, которые сочетались браком и породили первых людей.

Нюйва, держащая солнце. Рельеф из Сычуани. Эпоха Хань.

¹⁹ Впрочем, из одного сказания в трактате «Мэнцзы» следует, что потоп, с которым боролись Гунь и Юй, случился во времена, когда мир еще вовсе «не был устроен», а по другому сказанию — потоп происходил в «запланированную» эпоху хаоса: «Рождение Поднебесной было давно. С тех пор времена Порядка чередовались с временами Хаоса. Во времена Яо реки потекли вспять, затопили Срединные царства... Юй прокопал землю и спустил течение рек в моря, выгнал змей и драконов и поместил их в болота. Тогда реки потекли по середине земли. Это были Янцзы, Хуай, Хуанхэ и Хань. И тогда люди получили земли равнины и поселились там».

Образ Нюйва и связанные с ним мифологические сюжеты заставляют предполагать в этом персонаже древнюю богиню плодородия, богиню-мать, подобную античным Рее и Кибеле. «Материнские» качества Нюйва по отношению к мирозданию в целом и людям в частности подтверждаются сообщениями о почитании этой богини как Великой свахи и учредительницы и покровительницы брачных союзов — Гаомэй: «Нюйва принесла жертвы с молениями богу и превратилась в сваху... Ее сделали богиней-свахой, учредили ей жертвоприношения...» По замечанию Э. М. Яншиной, «отдельные черты Нюйва дают в своей совокупности комплекс, характерный для образа древней матери-прародительницы — божества плодородия в той его стадии, когда культ предков сливался еще с культом природы. Дошедшие до нас версии мифов о Нюйва совмещают в себе различные исторические напластования и свидетельствуют о том, что в устной традиции существовали различные варианты сюжетов об этой богине. Но, изменяясь и варьируясь, космогонические темы продолжают группироваться вокруг Нюйва — одной из крупнейших фигур космогонических мифов древнейшего Китая».

Усилиями конфуцианцев культ Нюйва был оттеснен в историческое время на задний план и подчинен культу Фуси, а затем и вовсе предан забвению. Других древних богов во многом постигла та же участь. Однако реконструкция мифов позволяет до известной степени восстановить древнекитайский пантеон, характерной особенностью которого было отсутствие «групповых» божеств, подобных Олимпийцам греков, асам и вanam скандинавов, дева, адитьям и асурам индийцев, Амеша Спента древних иранцев. Боги Древнего Китая были сугубо индивидуальны, что, возможно, объясняется разобщенностью племен.

Фуси и Нюйва, держащие солнце и луну. Рельеф из Сычуани. Эпоха Хань.

Почитание божеств восходит к временам тотемизма и анимизма — и даже фетишизма. Из «Каталога гор и морей» следует, что древние китайцы поклонялись бронзовым колоколам, которые олицетворяли плодородие, военным барабанам как символам войны, камням — опять-таки как олицетворениям плодородия (например, камень считался атрибутом богини-свахи) и как предкам; также в Древнем Китае существовал культ гор, с которым был тесно связан культ предков, и культ рек и источников. В том же «Каталоге» чрезвычайно часты упоминания о зооморфных духах, о чудесных превращениях в животных и о чудесных происхождениях людей от животных; на основании этих и подобных им сведений и археологических данных исследователи делают вывод о существовании в Древнем Китае развитой тотемистической системы.²⁰ Здесь можно вспомнить и миф о превращении Гуня в медведя, и миф о чудесном рождении Хоуцзи (в пересказе Сыма Цяня он звучит так: «Чжоуский Хоуцзи носил имя Ци. Его мать, девушку из рода Ю-тай, звали Цзян Юань, она была старшей женой императора Ку. [Однажды], выйдя в поле, Цзян Юань увидела след [ноги] великана, сердце ее наполнилось радостью, и она захотела наступить на этот след, а наступив на него, [почувствовала] в себе движение, похоже, как понесла плод. Наступил срок, и у нее родился сын. Считая это плохим предзнаменованием, она бросила ребенка в узком проулке, однако проходившие здесь лошади и быки обходили [брошенного] и не наступали на него; [тогда Цзян Юань] перенесла ребенка в лес, но в это время на горе в лесу находилось множество людей, [поэтому она вновь] перенесла его и бросила на льду в канаве,

²⁰ Ср.: «Долгое время проблема существования тотемизма в древнем Китае, несмотря на наличие зооморфных изображений, вообще не ставилась либо решалась в негативном плане. Позднее в трудах синологов, специально занимавшихся этой проблемой, существование тотемизма в древнейшем Китае было показано достаточно убедительно. Более того, подчас значение и роль тотемистических верований в древнем Китае сильно преувеличиваются» (Л. С. Васильев).

но прилетели птицы и своими крыльями укрыли младенца со всех сторон. Тогда Цзян Юань поняла, что родила необыкновенное дитя, подобрала сына, вскормила и вырастила его»), и предание о рождении Лю Бана, основателя империи Хань, мать которого понесла от дракона. К слову, с этими тотемистическими представлениями связано и возникновение китайского «животного» зодиака, в котором знаки 12 животных служат для обозначения 12 «земных ветвей» 60-летнего цикла. Также тотемическими по происхождению являются зооморфные образы богов и духов, которыми пестрит «Каталог» и от которых старательно избавлялась позднейшая традиция. Так, в «Каталоге» Хозяйка Запада Сиванму — это «человек в пышном женском уборе, с зубами тигра, хвостом леопарда», более же поздние тексты и изображения представляют ее полностью антропоморфной богиней, владевшей снадобьем бессмертия. Подобной трансформации подверглись и другие древние боги; зооморфный облик сохранили только Нюйва и Фуси, которых всегда изображали в облике полулюдей-полузмей (до талии люди, ниже талии — змеи, причем их хвосты переплетены, что символизирует брачный союз первопредков).

Кульг гор, рек и источников носил ярко выраженный анимистический характер: каждая гора, каждая река, озеро или родник имели своего бога — от большинства не сохранилось ничего, кроме имен. Источники позволяют реконструировать лишь некоторые мифы — например, миф о Хэбо, боге реки Хуанхэ, топившем людей и побежденном Лучником И, или миф о боге разливов Гунгуне, повредившем небо. К анимистическим верованиям восходит и представление о Божественном Небе — Шанди (или Тяньди).

Духи Западных гор. Иллюстрация к «Каталогу гор и морей».

Шанди — божество-абстракция, подобное древнеиранскому Ахура-Мазде, «Чистейшему Свету». Он главенствует над духами и разрешает править от своего имени земному властителю (Сыну Неба — Тяньцзы), вручая тому мандат на правление (Тянь мин). Кульг Шанди со временем стал государственным, причем жертвоприношения Небу совершались самим императором вплоть до 1911 года. По гадательным надписям иньского периода можно установить, что Шанди считался не только верховным богом, но и родоначальником и покровителем людей; известен миф о чудесном рождении первого иньца Се, который Сыма Цянь передает так: «Мать иньского Се — женщину из рода Ю-сун — звали Цзянь-ди, она была второй женой императора Ку. [Как-то] три женщины отправились купаться и увидели, как пролетающая ласточка уронила яйцо. Цзянь-ди взяла его и проглотила, вслед за чем понесла и родила Се». Этой ласточкой был именно Шанди, воплотившийся в птицу.

Предок. Бронза (II тысячелетие до н. э.).

В образе Шанди присутствует любопытная черта, которую отмечают многие исследователи, например Л. С. Васильев: «Если в древнем Египте и в некоторых других государствах древнего Востока великий бог, хотя он и считался предком правителя, рассматривался прежде всего и главным образом именно как бог, как великая сверхъестественная сила, то в Китае Шанди, хотя он и считался верховным божеством, рассматривался прежде всего именно как предок. Это привело к потере в культе Шанди многих из тех специфических черт, которые характерны именно для кульга великого бога. Пышная обрядовость, обилие жертв, торжественность ритуалов — все это было сконцентрировано уже в Инь на культе предков, как далеких, так и ближайших. В результате кульг Шанди оказался только первым среди равных и при всем его огромном значении в Инь

и в начале Чжоу так и не превратился в культ великого бога, который имел бы много храмов и жрецов и пользовался бы всеобщим молитвенным поклонением».

Вероятно, первоначально Шанди был племенным божеством-первопредком, чудесные способности которого («он все знает, все видит, все слышит») постепенно «модифицировались», вследствие чего и возникло представление о безличном всемогущем божестве,²¹ каковое покровительствует не только отдельному племени, но и государству в целом.

К числу божеств-первопредков принадлежали и другие древние боги — Хоуцзи, Фуси, Хуанди. Вообще культ предков имел в древнейшем Китае принципиальное значение (и во многом сохранил его до наших дней). Считалось, что правитель после смерти отнюдь не теряет своей власти, а, напротив, упрочивает ее, присоединяясь к другим предкам во главе с Шанди, и получает бразды правления не только над миром людей, но и над миром духов. Как пишет Л. С. Васильев, «все многочисленные духи сил природы, включая самых первостепенных и значительных, как духи дождя или солнца, находились по сравнению с предками в подчиненном положении. Обожествленные предки во главе с легендарным первопредком стали почитаться превыше всего и практически заменили собой столь характерных для других развитых земледельческих народов великих богов».

Об облике Шанди-первопредка можно судить по ритуальным маскам таоте; исследователи отмечают характерную особенность этих масок — огромные, выпуклые глаза, что соответствует представлениям о всеведении Шанди («он все видит»).²²

Чию. Реконструкция Л. П. Сычева.

Если изначально длинный ряд предков возглавлял Шанди, то со временем — по причине абстрактизации образа Правителя-Неба — его «сменил» Желтый предок Хуанди. В отличие от своего «предшественника», Хуанди уже не столько бог, сколько культурный герой, и не случайно именно с перечисления его достижений начинается свои «Исторические записки» Сыма Цянь: «Хуанди... от рождения обладал необыкновенными дарованиями, младенцем уже умел говорить, в детстве отличался смышленостью, в отрочестве — сообразительностью, а став совершеннолетним, проявлял большую ясность ума... Он упорядочил пять стихий, насадил пять видов злаков, успокоил народ, навел порядок в четырех частях страны, обучил [воинов, как] черных и бурых медведей, барсов, леопардов, ягуаров и тигров. Если кто-нибудь в Поднебесной не подчинялся, Хуанди выступал и карал его, а успокоив, уходил оттуда. [Хуанди] расчищал горные склоны и прокладывал дороги, никогда не пребывая в покое. На востоке он доходил до моря и поднимался на гору Хуаньшань и гору Дайцзун, на западе доходил до Кунтуна и поднимался на гору Цзитоу, на юге добирался до реки Янцзы и поднимался на горы Сюншань и Сяншань, на севере [Хуанди] прогнал сюньюйцев, сверил верительные бирки [князей] на горе Фушань и создал поселение у Чжолу. Переезжая то туда, то сюда и не занимая постоянного места, [Хуанди] использовал [обычно] воинов для защиты своей ставки.

Для названия всех чиновников [Хуанди] использовал [слово] „облако“, назначив „облачных управителей“. Поставил левого и правого великого надзирателя, чтобы наблюдать за всеми владениями. [Когда же] между всеми владениями установился мир, [Хуанди] принес наибольшее число жертв, [чем кто-либо до него], духам людей и небесным духам, горам и

21 «Культ Неба в древнем, да и в более позднем Китае никогда не был культом бога Неба. Небо воспринималось в качестве великой абстрактной силы и не имело персонифицированного облика, как это нередко случалось в религиях других древних народов» (Л. С. Васильев).

22 Юань Кэ видит в маске таоте изображение мятежника Чию (см. ниже).

рекам. [Он] нашел драгоценный треножник и рассчитал грядущие дни по тысячелистнику. [Хуанди] следовал законам Неба и Земли, гаданиям по темному и светлому, толкованиям о жизни и смерти, превратностям существования и гибели.

Маска Таоте. Узор эпохи Инь.

[Он] своевременно сеял все злаки и травы, [сажал] деревья, приручал и разводил птиц, зверей, червей и бабочек, наблюдал за солнцем, луной, звездами и созвездиями, добывал землю, камни, металлы и яшму, в трудах не жалел своих способностей и сил, ушей и глаз, бережливо использовал воду, огонь, лес и другие богатства. Поскольку [в свое время] появилось благовещее знамение стихии земли, его прозвали Хуанди („Желтый император“).

В облике Хуанди еще прослеживаются черты тотемизма — он имел лик дракона. Ему приписываются изобретение топора (но тут можно вспомнить о Паньгу, который рубил топором мировое яйцо на заре мироздания), лука и стрел, он установил различия в одежде для мужчин и женщин, при нем было изобретено каллиграфическое письмо.²³ Хуанди часто изображали четырехглазым или четырехликим, что вполне согласовывалось с его положением правителя Центра, взгляд которого одновременно обращен на четыре стороны света. Всех вместе пятерых правителей сторон света называли У-ди, то есть «пять владык». Помимо Хуанди, к У-ди относились владыка Востока Тайхао (Фуси), владыка Севера Чжуаньсюй, владыка Запада Шаохао и владыка Юга Яньди (по другой версии, Ди-Ку, Чжуаньсюй, Шунь и Яо соответственно).²⁴ У каждого из этих владык имелись помощники-духи — дух дерева Гоуман у Тайхао, дух огня Чжужун у Яньди, дух металла Жушоу у Шаохао, дух воды Сюаньмин у Чжуаньсюй и дух земли Хоуту у Хуанди (налицо пятеричная система первоэлементов китайской натурфилософии). По мифу, свое главенствующее положение Хуанди приобрел, победив в схватке остальных четырех правителей; как говорится в трактате «Сунь-цзы», «четыре способа выгодного расположения войск и обеспечили Хуанди победу над четырьмя императорами».²⁵

23 В «Каталоге гор и морей» приводится любопытная «родословная» богов-первопредков и их деяний, направленных на благо человеческого рода: «Желтый предок родил Знаменитого черногривого коня (Ломина). Ломин родил Белого коня, Белый конь — это и есть Гунь. Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Обезьяний Крик (Юйхао), Юйхао родил Иньяна, Иньян родил Паньюя, который первым смастерил лодку. Паньей родил Сичжуну, Сичжун родил Цзигуана, Цзигуан первым сделал из дерева колесницу (телегу). Шаохао родил Баня, Бань первым изготовил лук и стрелы. Предок Выдающийся (Цзюнь) даровал Охотнику красный лук и стрелы с белым оперением, чтобы [он] помог царствам на земле. Охотник первым отдал свои силы, чтобы избавить землю от всех бедствий. Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Веселящегося дракона (Яньлуна). Веселящийся дракон изобрел лютню и гусли. Предок Выдающийся (Цзюнь) имел восемь сыновей. Они первыми создали песни и танцы. Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Трехтуловищного, Трехтуловищный родил Учредителя Нравов (Ицзюня). Искусный Мастер первым изобрел все ремесла для людей, [живущих] внизу [на земле]. Владычествующий над Просом — это тот, кто посеял все злаки. Внука [Владычествующего над] Просом звали Младший Дядя Уравнивающий (Шуцзюнь), он первым стал пахать на волах. Большой Бичинь (Не имеющий тени) первым создал царство. Юй и Гунь первыми устроили землю и учредили Девять областей. Жена Предка Огня, Дочь Красной Реки Слушающая Искусные Речи (Гиньяо) родила Живущего в Огне (Яньцзюя). Живущий в Огне родил Цзебина, Цзебин родил Сици, Сици родил Заклинающего Огонь. Заклинающий Огонь спустился [на землю], поселился на реке Цзян и родил Бога Разливов (Гунгуна). Бог Разливов родил Искусного [в делании] утвари (Шуци). У Шуци квадратная голова и плоская макушка. Он (снова сделал землю плодородной) и поселился на реке Цзян. Бог Разливов родил Владычествующую над Землей (Хоуту). Владычествующая над Землей родила Емина, Емин родил Десять и Два года».

24 Существуют и другие версии этой пятерки, например, Шаохао, Чжуаньсюй, Ди-Ку, Яо и Шунь или Фуси, Шэньнун, Хуанди, Яо и Шунь.

25 Историографическая традиция определяет этих «императоров» и самого Хуанди как исторических лиц, но мы принимаем мифологическое толкование Юань Кэ, который ссылается на сочинение автора III в. Цзян Цзи, где сказано: «Вначале Хуанди, заботясь о жизни народа, не любил войн, но боги, титуловавшиеся цветами стран

Чию. Вырезка из бумаги (XX в.).

Кроме четверых У-ди, Хуанди пришлось вести войну с Чию, потомком Яньди (вероятно, в древности ему поклонялись как богу войны). Как богоборец, Чию в древнекитайской мифологии не одинок: можно вспомнить и Гуня, отца усмирителя потопа Юя, и Синтяня, о котором «Каталог гор и морей» сообщает: «Синтянь пришел бороться с Предком за власть над богами. Предок отсек ему голову, закопал на горе Чаньян. Тогда Синтянь из сосков сделал себе глаза, а из пупка рот. Взял в руки щит и секиру и исполнил ритуальный танец». Однако о Чию сохранилось сведений гораздо больше, чем о других персонажах. Описания облика Чию, как и в случае с Хуанди, позволяют предположить его тотемическое прошлое: у него тело человека, копыта быка, четыре глаза и шесть рук, на голове рога, а волосы на висках словно мечи и копья. По сохранившимся сведениям, он — как и подобало богу войны — считался изобретателем оружия; средневековый текст гласит: «Чию создал мечи, трезубцы, боевые палицы и большие луки», а современный автор Лю Минжу, изучавший фрески в погребальном святилище У Ляна, нашел «в задней комнате на третьем камне в третьем слое рисунок чудовища, получеловека-полузверя, стоящего вертикально, но имеющего голову барса и когти тигра, на голове у него лук, в одной руке копье, в другой меч, левой ногой наступил на самострел, правой сжимает секиру. Вид у него крайне свирепый». Этот рисунок был отождествлен как изображение Чию.

Против Хуанди Чию восстал, по-видимому, чтобы отомстить правителю Центра за его победу над Яньди (по другой версии предания, Чию сначала разгромил Яньди, а потом выступил против Хуанди, решив подчинить себе весь мир).

Синтянь, враждовавший с Желтым предком. Иллюстрация к «Каталогу гор и морей».

Войско Чию составляли великаны (некоторые исследователи полагают, что существовало целое племя медноголовых великанов Чию), народ Мяо, о котором упоминалось выше (миф о разделении неба и земли), злые духи и бесы. Противники сошлись на равнине Чжолу (локализуется в нынешней провинции Хэбэй). Сражение было ожесточенным, долгое время ни одна из сторон не могла добиться перевеса, пока Чию не напустил на поле колдовской туман и войско Хуанди не растерялось. Победу Хуанди принесли его дочь Ба и дракон Инлун; как сказано в «Каталоге гор и морей», «Чию сделал оружие и пошел войной на Желтого предка. Желтый предок приказал тогда Откликающемуся Дракону (Инлуну) напасть на Чию. Откликающийся Дракон — водяное животное. Чию попросил Старшего Дядю Ветра (Фэнбо) и Повелителя Дождя (Юйши) поднять сильный ветер и дождь. Тогда Желтый предок спустил на землю небесную деву по имени Ведьма-Засуха (Ба), и дождь прекратился. Затем убили Чию. Ведьма-Засуха не смогла вновь подняться на небо; там, где она поселилась, не стало дождей». Исследователи видят в этом рассказе о поражении Чию этиологический — объясняющий — миф о появлении на земле дождя и засухи, причем, судя по сюжету, заслуга в их появлении принадлежит Хуанди, который вновь выступает как демиург.

цвета, совместно строили против него козни... Хуанди вздохнул и сказал: „Когда государь в опасности, народ неспокоен; когда властитель теряет государство и у подданных новый хозяин, причина бед заключается не в чем ином, как в попустительстве разбойникам. Ныне я поставлен править народом, но четыре разбойника противятся, то и дело собирают войска“. Тогда он поднял свое войско, чтобы уничтожить четырех владык». Титулование цветами стран света означает соотнесение каждой из сторон света с конкретным цветом: Центру соответствует желтый, Востоку — зеленый, Югу — красный, Западу — белый и Северу — черный.

Фениксы резвятся среди пионов. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Фениксы резвятся среди пионов. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

В отличие от версии «Каталога», в других источниках окончательный разгром мятежника Чию приписывается не Инлуну, а самому Хуанди, который приказал изготовить боевой барабан из кожи диковинного одноногого быка Куя (о культе боевых барабанов в Древнем Китае см. выше); палочку для барабана сделали из кости убитого по приказу Хуанди бога грома Лэйгуна. Грохот барабана поверг войско Чию в панику, которую не смогло утишить даже прибытие союзников — великанов Куафу (родоначальник которых погиб, пытаясь догнать солнце, см. ниже). Чию захватили в плен и заковали в колодки, а потом казнили. Колодки с него сняли только после смерти и бросили в степи; они превратились в клены с кроваво-красными листьями.

Совершив все эти деяния по упорядочению, «гармонизации» земного мироздания (все они вполне могут толковаться как действия демиурга и культурного героя, направленные на обуздание хаоса), Хуанди удалился от дел. Он оставил после себя 25 сыновей, 14 из которых стали основателями новых родов. В конце его царствования на земле появились единорог-цилин и феникс-фэнхуан — символы мудрого правления. Согласно трактату «Хуайнаньцзы», в конце жизни Хуанди отлил на вершине горы медный треножник, после чего с неба спустился дракон, и Желтый предок, ухватившись за его ус, скрылся в небесах.²⁶

Безличное Небо-Шанди было далеким и абстрактным, тогда как Хуанди виделся божеством благожелательным и близким, поэтому не удивительно, что его культ стал в Китае настолько популярен.

К потомкам Хуанди причисляли, среди прочих, таких персонажей китайской мифологии, как Чжуаньсюй, Шаохао, Ди-Ку, Яо и Шунь. Чжуаньсюй считался внуком или правнуком Хуанди. Как писал Сыма Цянь: «Император Чжуаньсюй... был спокойным и глубоким в своих замыслах и решал дела, вникнув в их суть. [Он] создавал богатства, сообразуясь с особенностями земли; действовал, исходя из сезонов года, беря пример с Неба; устанавливал отношения людей, подражая духам людей и небесным духам; управлял стихиями с целью просветить и изменить [людей]; очищал свое тело и сердце, чтобы совершать жертвоприношения». В исторической традиции именно при Чжуаньсюе произошло разделение неба и земли, совершенное Чжуном и Ли (по преданию — внуками Чжуаньсюя). Причем в «речах царств» этот миф о разделении толкуется метафорически: «Когда Чжуаньсюй принял власть, то приказал Чжуну — Правителю Юга управлять небом, чтобы оно принадлежало богам; приказал Ли — Правителю Огня править землей, чтобы она принадлежала людям. Тогда был восстановлен старый порядок, люди и боги не посягали друг на друга и не оскверняли друг друга. Это-то и называется „прервать сообщение между небом и землей“». В трактате «Хуайнаньцзы» говорится, что Чжуаньсюй воевал с богом разливов Гунгуном, что заставляет вспомнить миф о Нюйва и починке ею неба, разрушенного потопом.

Шаохао также приходился Хуанди внуком или правнуком и, как правитель Запада, считался одним из У-Ди. Мать понесла его, как сообщают «Бамбуковые анналы», от радуги: «Мать Шаохао увидела, как радуга опустилась в озеро Цветов. Почувствовала себя в тягости

²⁶ Также считается, что Хуанди похоронен на горе Цяошань в провинции Шэньси. Но по представлениям даосов там похоронено только его платье, а сам Хуанди вознесся на небо.

и родила Шаохао». По преданию, он основал царство в бездне Гуйсюй, куда стекали воды всех рек. «Каталог гор и морей» приписывает ему воспитание Чжуаньсюя.

Еще одним внуком или правнуком Хуанди был Ди-Ку («государь» или «император» Ку), при рождении нареченный Гаосинем. Сыма Цянь говорит о нем: «Гаосинь от рождения обладал необыкновенными способностями и, [родившись], сам назвал свое имя. Он повсюду приносил пользу всему живому, не думая о себе. Обладая прозорливостью, [он] знал о самом далеком, отличаясь проницательностью, вникал в самое малое, следуя справедливости, установленной Небом, знал нужды народа. [Гаосинь] был человеколюбив и строг, милостив и тверд в своем слове, совершенствовал себя, и Поднебесная подчинилась ему. [Он] брал богатства у земли и бережно использовал их; ласково наставлял народ и учил его получать выгоду; исчислял движение солнца и луны, встречая и провожая их; распознавал духов и с почтением служил им. Внешность его была величественной, а добродетели высокими. Действия его были всегда своевременными, а одежда — как у простого чиновника. Император Ку отличался беспристрастностью, распространяя ее на всю Поднебесную, и [поэтому] все, освещаемое солнцем и луной, овеваемое ветром и омываемое дождем, подчинялось ему».

Больше всего мифологических и легендарных сюжетов связано с двумя потомками Хуанди — великими правителями Яо и Шунем. Яо считался сыном Ди-Ку, который явился к его матери в облике красного дракона с изображением человека в красной одежде на спине. По Сыма Цяню, «императора Яо [звали] Фань-сюнь, в человеколюбии он был подобен Небу, а в знаниях подобен небесным духам. К нему устремлялись, как к солнцу, на него взирали, как на [благодатное] облако. Будучи богатым, он не был заносчивым, будучи знатным, он не был надменным. [Яо] носил желтую шапку и простую черную одежду, ездил в красной повозке, запряженной белой лошастью.

Мудрый правитель Шунь. Рисунок эпохи Хань.

[Яо] сумел проявить добродетели, ведущие [людей] к повиновению, и с их помощью сблизил [все] девять поколений. [Когда] среди девяти поколений установилось согласие, [он] навел порядок среди байсинов²⁷ и просветил их. [Когда] байсины просветились, [он] объединил и привел к согласию десять тысяч владений». Ко временам правления Яо, согласно традиции, относятся второй великий потоп, усмиренный Юем, и появление на небосводе десяти солнц, девять из которых были сбиты стрелами Лучника И. Также при Яо был исчислен «ход солнца и луны», причем, как гласит легенда, совершили это астрономы Си и Хэ, в которых «трансформировалось» древнее солярное божество Сихэ (см. ниже). Подобные «превращения» произошли в историографии и с другими древними божествами: божество проса Хоуцзи стало министром земледелия при дворе Яо, а громовник Куй сделался министром музыки. В конце своего правления Яо получил в дар чудесную птицу чунмин, в каждом глазу которой было по два зрачка. Эта птица питалась нефритовой пастой, могла прогонять диких зверей и бесов; когда она улетала надолго, люди вырезали ее изображения из дерева или металла, чтобы обезопасить себя от злых духов. Любопытно, что Чунмином также называли преемника Яо Шуня — у него тоже было по два зрачка в каждом глазу.

Шунь был избран Яо за свою добродетельность, поскольку собственный сын правителя — Даньчжу — отличался крайней непочтительностью. У Сыма Цяня читаем: «Приближенные сказали: „Есть одинокий человек, живущий среди народа, зовут его юйский Шунь“. Яо сказал: „Да, я слышал о нем. Каков же он?“ Советники ответили: „[Он] — сын слепого, отец [его] склонен к порокам, мать — сварлива, младший брат — заносчив, но

[Шунь] своей сыновней почтительностью умеет поддерживать [среди них] согласие, постепенно направляя [их] к добру, так что они не дошли до преступления“. Яо воскликнул: „Я испытаю его!“ После чего отдал [Шуню] в жены двух своих дочерей, [чтобы] посмотреть, как [повлияют] его добродетели на двух женщин.

Шунь приказал поселить женщин на реке Гуй-жуй, и они [строго] блюли обязанности жен. Яо одобрил это и приказал тогда Шуню со старанием привести в гармонию пять отношений²⁸ с тем, чтобы им можно было следовать. Так [пять отношений] проникли в среду чиновников, и все чиновники вовремя стали исполнять свои дела.

[Шунь] принимал приезжающих у четырех ворот,²⁹ и у ворот царил строгий порядок, а владетельные князья и прибывающие из дальних мест гости все держались с почтением. Затем Яо послал Шуня в горы, поросшие лесом, и в низины, пересеченные реками. Там свирепствовали ураганы и сильные грозы, но Шунь не сбился с пути. Яо стал считать Шуня совершенномудрым и, призвав его, сказал: „Три года твои планы были совершенны, а слова приводили к успеху. Ты вступишь на императорский престол“. Шунь стал отказываться, уступая [более] добродетельным и не выразив радости. [Однако] в первый день первой луны Шунь принял дела управления».

В правление Шуня были придуманы многие мелодии (в китайской традиции музыка — «закодированное» знание предков), в том числе мелодия сяншао, которую спускались послушать даже фениксы. Наследовал Шуню усмиритель потопа Юй.

Наряду с потомками Хуанди, выступавшими в качестве совершенномудрых правителей, китайская мифология знает и его «дубликаты» — персонажей со сходными и даже аналогичными функциями, причисляемых к первопредкам. Это Дицзюнь (Предок Выдающийся в русском переводе «Каталога»), Шэньнун и Фуси.

Дицзюню поклонялись восточные иньцы, о чем свидетельствуют надписи на гадательных костях. После завоевания царства Инь чжоусцами культ Дицзюня как верховного божества был вытеснен культом Хуанди, однако отзвуки этого культа сохранялись долгое время. В «Каталоге гор и морей» говорится, что жена Дицзюня родила двенадцать лун, что Дицзюнь был отцом бога огня Чжужуна и бога проса Хоуцзи, что другие сыновья Дицзюня «первыми создали песни и танцы».

Поклонение богу земли Шэньуну в императорском дворце. Фрагмент картины (XVIII в.).

Шэньнун, подобно Яо, был зачат от дракона и почитался как учредитель и покровитель земледелия, изобретатель сельскохозяйственных орудий и целитель (существует предание о том, что он ходил с красным кнутом и стегал травы, определяя их целебные свойства). По другому преданию, он получил в дар чудесное животное яшоу, которое, стоило погладить его по спине и поведать о чьей-либо болезни, немедля бежало в поля и приносило в зубах необходимую для исцеления траву. Шэньнун также отождествляли с Яньди — одним из У-Ди, правителем Юга и богом солнца, побежденным Хуанди.

28 Имеются в виду пять принципов поведения по древнекитайскому канону — справедливость отца, любовь матери, дружественное отношение старших братьев к младшим, уважительное отношение младших братьев к старшим и почтительность сыновей к родителям (в другом варианте — любовь между родителями и детьми, справедливость в отношениях правителей и подданных, различия между супругами, порядок в отношениях между старшими и младшими и доверие между друзьями).

29 Комментарий Р. В. Вяткина и С. В. Таскина к «Историческим запискам» Сыма Цяня: «Четверо ворот обращены на четыре стороны света, через них въезжали являвшиеся ко двору местные правители. Изучение развалин древних городов II–I тысячелетий до н. э. и археологические раскопки подтверждают, что в высоких стенах, окружавших эти города, были четыре главных входа по странам света».

Завершает «галерею предков» в нашем изложении Фуси, он же Паоси и Тайхао. Мифология Фуси во многом связана с мифологией Нюйва, супругом и братом которой Фуси стал считаться приблизительно с рубежа нашей эры. На рельефах храма У Ляна Нюйва и Фуси изображены вместе с Шэньнуном как первопредки. Подобно Нюйва, Фуси изображался получеловеком-полузмеем и считался учредителем брачных союзов. Ему приписывались и другие деяния, характерные для демиурга и культурного героя — в частности, изобретение иероглифического письма. В своде «Собор во дворце Белого Тигра», который цитирует Э. М. Яншина, говорится: «В далекой древности не было Трех правил и Шести установлений.³⁰ Люди знали свою мать, но не знали своего отца. Когда были голодны, то искали пищу; насытившись, бросали оставшееся. Они съедали шерсть и перья вместе с мясом, пили кровь, делали одежду из шкур и камыша. Тогда Фуси взглянул вверх и увидел форму Неба, посмотрел вниз и понял устав Земли. Благодаря этому установил брак и привел в порядок пять первоэлементов, первый установил правила поведения людей, начертал триграммы для управления Поднебесной». Триграммы, о которых идет речь, — это знаменитые Ба гуа, восемь триграмм, символизирующих Инь и Ян сочетаниями цельных линий. Впоследствии Ба гуа составили основу 64 гексаграмм «Книги перемен».³¹

Фуси и Нюйва часто изображали с измерительными инструментами в руках — отвесом, циркулем, угольником. Это позволяет предположить, что этих божеств почитали не только как первопредков, но и как создателей и устроителей мира (ср. широко распространенное в европейской традиции представление о божестве как о Великом Геометре).

По мнению Э. М. Яншиной, в древности культ Нюйва занимал главенствующее положение, тогда как культ Фуси выдвинулся уже в историческое время: «Хотя Фуси и оттеснил Нюйва, заняв место первочеловека в историзованной мифологии, канонизированной официальной идеологией, в народных верованиях он подчиняется Нюйва и принимает на себя ее черты и характер. Выдвижение культа предка Фуси произошло сравнительно поздно, его соединение с Нюйва как с женой или сестрой (вариант: женой-сестрой) не было изначальным; подключение мужского предка к наиболее почитаемому женскому предку, с одной стороны, поднимало его авторитет, а с другой — давало ему возможность оттеснить женского предка на второй план».³²

30 Три правила — это отношения между государем и подданными, отцом и сыном, мужем и женой. Шесть установлений — уважение к старшим братьям отца, чувство долга по отношению к братьям матери, почтение к членам рода, любовь между старшими и младшими, уважение к наставнику, верность дружбе.

31 Как писал автор перевода «Книги перемен» на русский язык Ю. К. Щуцкий, «По теории „Книги перемен“ весь мировой процесс представляет собой чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, напряжения и податливости, и каждая из таких ситуаций символически выражается одним из этих знаков... Уже в древнейших комментариях указывается, что первоначально было создано восемь символов из трех черт, так называемые триграммы. Они получили определенные названия и были прикреплены к определенным кругам понятий. Каждая гексаграмма может рассматриваться как сочетание двух триграмм. Их взаимное отношение характеризует данную гексаграмму. При этом в теории „Книги перемен“ принято считать, что нижняя триграмма относится к внутренней жизни, к наступающему, к созидаемому, а верхняя — к внешнему миру, к отступающему, к разрушающемуся...»

Из этих понятий можно заключить, как в теории „Книги Перемен“ рассматривался процесс возникновения, бытия и исчезновения. Творческий импульс, погружаясь в среду исполнения, действует прежде всего как возбуждение последнего. Дальше наступает его полное погружение в исполнение, которое приводит к созданию творимого, к его пребыванию. Но так как мир есть движение, борьба противоположностей, то постепенно творческий импульс отступает, происходит уточнение созидующих сил, и дальше по инерции сохраняется некоторое время лишь сцепление их, которое приходит в конце концов к распаду всей сложившейся ситуации, к ее разрешению».

32 Подобное оттеснение в исторический период носило глобальный характер, что привело некоторых исследователей к мысли об отсутствии в древнекитайской мифологии женских божеств.

Империя Хань (II–I вв. до н. э.).

Как один из У-Ди, Фуси считался правителем Востока. Ему помогал дух дерева Гоуман, обычно изображавшийся с циркулем в руке (одно из возможных толкований этого символа — окружность, то есть солнце), поэтому можно предположить, что Фуси почитался и как небесное и солярное божество.

Из почитания неба вполне логично вытекает поклонение небесным светилам, планетам и звездам. Как уже упоминалось, в китайской мифогеографии небосвод делился на пять сфер — по числу главных сторон света. Каждая сфера имела своего правителя, была связана с конкретным цветом, первоэлементом, временем года и священным животным. В трактате «Хуайнаньцзы» говорится: «Восток — дерево, его бог — Тайхао, помощник которого Гоуман держит наугольник (или циркуль) и управляет весной; его дух — планета Суй (Юпитер), его животное — Лазурный дракон... Юг — огонь, его бог — Яньди, помощник которого Чжужун держит весы и управляет летом; его дух — планета Инхо (Марс), его животное — Красная птица... Центр — земля, его бог — Хуанди, помощник — Хоуту держит веревку и управляет четырьмя сторонами земли; его дух — планета Чжэнь (Сатурн), его животное — Желтый дракон... Запад — металл, его бог — Шаохао, помощник — Жушоу держит циркуль и управляет осенью; его дух — планета Тайбо (Венера), его животное — Белый тигр... Север — вода, его бог — Чжуаньсюй, помощник — Сюаньмин держит гирию и управляет зимой; его дух — планета Чэнь (Меркурий), его животное — Черная черепаха...» Лазурный дракон — Цинлун, его изображение в ритуальных процессиях несли слева, тогда как изображение Красной птицы Чжуняо — впереди, изображение Желтого дракона Хуанлуна (или единорога-цилиндра) — в центре, изображение Белого тигра Байху — справа и изображение Черной черепахи Сюань, перевитой змеей, — сзади. Каждой сфере соответствует, кроме того, и конкретный звездный дворец-гун — Срединный, Восточный, Южный, Западный и Северный.

Черепаха, перевитая змеей. Рисунок (VII в.).

Другое деление неба мыслилось параллельным делению земли на девять областей, предпринятому Юем. Земному Цзичжоу (или Цзючжоу) соответствовало Цзичжоу небесное (Цзи тянь или Цзи е) — со сферами севера, юга, запада, востока, центра, а также северо-востока, северо-запада, юго-востока и юго-запада, причем все эти сферы имели собственные имена: так, центральная сфера называлась Цзюнь тянь — «ровное небо», северная Сюань тянь — «черное небо», восточная Цан тянь — «синее небо» и т. д. По этим девяти областям, равно как и по нижнему из девяти вертикальных слоев небосвода, совершали свой ежедневный путь солнце и луна.

Богом солнца в Древнем Китае считался правитель Юга Яньди, которому помогали бог огня Чжужун и правитель летней погоды Чжумин. Само же светило персонифицировалось в образе божества Сихэ, которое считалось одновременно возницей солнечной колесницы и матерью 10 солнц — тех самых, которых расстреливал из лука герой И. Сихэ называли супругой Дицзюня; их дети-солнца жили на ветвях солнечного дерева фусан, причем девять сыновей сидели на верхних ветвях, а десятый — на нижнем (это последнее солнце — то самое светило, которое освещает землю). По мифу, появление солнца предварял петушиний крик: первым кукарекал нефритовый петух на вершине дерева фусан, ему вторил золотой петух с вершины горы Таодушань, следом подавали голоса каменные петухи с вершин

других знаменитых гор и обычные петухи, после чего начинался морской прилив и появлялось солнце.

В трактате «Хуайнаньцзы» подробно описан путь светила по небосводу: «Солнце поднимается из Долины Восходящего Солнца, купается в озере Сянь, приближается к Шелковице Фу (дерево фусан. — *Ред.*). Это называется Утренняя заря. Поднимается на Шелковицу Фу, отсюда собирается в путь. Это называется Рассвет. Достигает Кривых гор. Это называется Утро. Достигает Ярусных Ключей. Это называется Время первой еды. Достигает Шелковичного края. Это называется Время второй еды. Достигает Равновесия света. Это называется Позднее утро. Достигает гор Кунью. Это называется Полдень. Достигает Птичьего ночлега. Это называется Малое возвращение. Достигает Долины Скорби. Это называется Время дневной еды. Достигает горы Матери Цзи. Это называется Большим возвращением. Достигает Пучины Печали. Это называется Временем первого толчения риса. Достигает Каменной гряды. Это называется Временем второго толчения риса. Достигает Источника Скорби. Здесь останавливается его женщина (*Сихэ. — Ред.*). Здесь отдыхают его кони. Это называется Распряженная колесница. Когда достигает Пучины Печали, это называется Сумерками. Когда достигает Долины Мрака, это называется Тьмой. Солнце погружается в Пучину Печали, светит в Долине Мрака».

За исключением локальной топонимики и упоминания о Сихэ, китайский сюжет о дневном и ночном «маршрутах» солнца во многом схож с представлениями других народов о движении светила — можно вспомнить и древнеегипетский миф о плавании ладьи бога солнца Ра по дневному и ночному небосводам, и славянские предания о пути солнца днем и в ночи, а образ возницы солнца приводит на память древнегреческого Гелиоса, который одновременно считался богом солнца и возницей солнечной колесницы.

Сихэ не только родила десять солнц и управляла солнечной колесницей; согласно поэту Цюй Юаню, она повелевала временем («Прикажу я Сихэ замедлить времени бег»), а стихотворное сочинение «Гуйцзан», цитируемое в комментариях к «Каталогу гор и морей», упоминает, что ей подчинялись как солнце, так и луна, что она регулировала восходы и заходы, «чтобы были свет и темнота». О Сихэ как об управительнице хода времени и чередования света и тьмы, суток и времен года говорит и Сыма Цянь: «Некогда Сихэ предалась разгулу, пренебрегла сезонами и спутала дни». Этой богине также приписывалось изобретение гадания по солнцу.

Охотник убивает солнца и пирует у Хозяйки Запада. Рельеф из храма У Ляна.

В поздней традиции образ Сихэ был переосмыслен: место богини заняли два (или четыре) придворных астронома правителя Яо — Си и Хэ. В «Книге преданий» рассказывается, что Яо «повелел Си и Хэ с благоговением следовать за Высочайшим Небом и рассчитать солнце, луну, планеты и звезды, с почтением определить для людей времена года. Отдельно приказал Старшему Си поселиться у охотников юй, в месте под названием Долина Восходящего Солнца, чтобы почтительно встречать восходящее солнце и регулировать восточные дела. Повелел Младшему Си поселиться в Южном повороте, чтобы регулировать южные изменения. Повелел Старшему Хэ поселиться на западе, в месте, называемом Долиной Сумерек, чтобы почтительно провожать заходящее солнце и регулировать западные свершения... Повелел Младшему Хэ поселиться на севере, в месте Обитель Мрака, чтобы регулировать северные изменения... Правитель сказал: „Вы, Си и Хэ, рассчитайте триста и шесть десятков и шесть солнц (дней. — *Ред.*) и с помощью вставной луны определите каждый из четырех сезонов и составьте год, рассчитайте с почтением все эти работы, и пусть повсюду у народа будут успехи“».

Эта традиция многими учеными признавалась более древней, чем традиция «Каталога», в которой Сихэ выступает как женское божество, однако А. Масперо убедительно доказал,

что версия «Книги преданий» является эвгемерическим искажением мифологического сюжета. Благодаря этому искажению образ богини солнца трансформировался в образы придворных чиновников-астрономов. По замечанию Э. М. Яншиной, «„расчетверив“ божество солнца, систематизаторы традиции уничтожили и саму богиню солнца (солнце теперь — лишь одна частица мироздания, созданного верховным богом — Небом), и многих других богов, так или иначе связанных с солнцем».

К кругу соляных мифов относится о миф о великане Куафу, пытавшемся догнать солнце. В передаче «Каталога гор и морей» этот миф выглядит следующим образом: «Отец Цветущего (Куафу. — *Ред.*) соревновался в беге с солнцем, почти догнал его, но почувствовал жажду и пошел напиться. Пил в Реке (Хуанхэ. — *Ред.*) и в Вэй (приток Хуанхэ. — *Ред.*). Воды в них ему не хватило. Повернул на север, чтобы попить из Большого озера, но, не дойдя до него, умер от жажды. По пути он бросил свой посох, который превратился в Рощу Плодородия».

Куафу догоняет солнце. Гравюра к «Каталогу гор и морей».

Часть исследователей видит в этом сюжете мотив наказания дерзкого героя, посмеявшегося бросить вызов силам природы (ср. у Юань Кэ: «Великан совершил на первый взгляд немного глупое, но удивившее небо и тронувшее землю деяние»)³³. Э. М. Яншина, этимологизируя имя великана как Отец Цветущего, трактует его образ как образ умирающего и воскресающего бога растительности, подобного античным Адонису и Аттису, а мотив погони за солнцем истолковывает как поход божества плодородия за солнцем после зимней стужи. Особое значение в толкованиях мифа о Куафу придается его посоху, который упоминается и в историзированных версиях сюжета. Этот посох, превратившийся после смерти великана в плодоносящую рощу, сопоставлялся и с тирсом греческого Диониса, и с кадуцеем Гермеса, и с ваджрой индийского Индры — широкоизвестными символами плодородия.

Существуют два рассказа о смерти Куафу; по первому, он погибает от жажды, по второму — его как приспешника мятежника Чию убивает дракон Инлун. Оба варианта смерти Куафу трактуются как подтверждения его статуса божества плодородия. «Засуха и наводнения, часто связанные с летними дождями, были основными стихийными бедствиями в бассейне Хуанхэ. Это могло выразиться в образной форме — в мотиве смерти бога плодородия от жажды (= засухи, пересыхания рек) или от божества дождя³⁴ (= обильные наводнения от дождей)... Миф об Отце Цветущего, дерзнувшем состязаться с солнцем, являлся, по-видимому, развитием более древнего мотива добывания (= возвращения) солнца божеством плодородия. Впоследствии древняя основа мифа могла быть забыта, и он наполнился новым содержанием» (Яншина).

Что касается лунарных мифов, здесь мы снова встречаемся с представлением о множественности светил. В «Каталоге гор и морей» говорится о двенадцати лунах, рожденных Чанси, супругой бога Дицзюня. Вполне вероятно, что в архаическом варианте мифа число лун равнялось количеству ночей, как и число солнц — количеству дней, то есть новая луна рождалась каждую ночь. Известны зооморфные олицетворения луны — жаба и заяц. По позднему мифу, в лягушку (жабу) превратилась богиня луны Чаньэ (Чанси, Шеньэ), похитившая снадобье бессмертия, а образ Лунного зайца, толкущего в ступе на луне снадобье бессмертия, не утратил популярности до наших дней.³⁵

33 Поэтому первая часть имени Куафу обычно переводится как «бахвал», «хвастун».

34 О связи драконов с дождями в частности и водной стихией в целом см. ниже.

Миф о богине Чанъэ тесно связан с мифом об Охотнике И, супругой которого мыслилась эта богиня. Согласно мифу, И, подобно аккадскому Гильгамешу, устранился смерти и отправился на поиски эликсира бессмертия. Эти поиски привели его на Запад, где обитала Хозяйка (или Бабка) Запада богиня Сиванму. Хозяйка Запада вознаградила героя эликсиром, но Чанъэ похитила это снадобье и бежала с ним на луну, где и превратилась в жабу.

Также известно предание о коричном дереве, которое растет на луне. Под этим деревом живет человек по имени У-ган, который стремится стать бессмертным. За свои проступки он был сослан на луну постоянно рубить корицу топором, однако любой шрам на коре мгновенно затягивается, поэтому У-ган обречен рубить дерево до окончания времен.

Луна и жаба — ее символ. Рельеф из Сычуани. Эпоха Хань.

Подобно олицетворениям солнца и луны, земля тоже мыслилась как женский персонаж, схожий с античной Землей-Геей, хотя в поздней традиции этот образ стал мужским и превратился в великого предка и бога земли. В «Речах царств» говорится: «Хоуту смог привести в порядок девять земель, поэтому ему и приносят жертвы как богу земли». Однако реконструкция позволяет восстановить «исконный» образ этого божества, которое в древности мыслилось матерью всего живого; как гласит «Книга преданий», «Небо и Земля (Ту) — отец и мать всех существ». Вероятно, некоторое время женское божество Хоуту и мужское божество Шэ (бог земли) существовали параллельно, но в иньскую эпоху образ Хоуту был переосмыслен как мужской.

Образ Шэ как главного божества земли постепенно «раздробился» на множество локальных культов и приобрел территориальный характер. Как пишет, ссылаясь на французских синологов Э. Шаванна и М. Гране, Л. С. Васильев, «в чжоуском Китае в тесной связи с общей картиной административно-политической и территориальной организации страны сложилось несколько различных, иерархически организованных культов шэ — ван-шэ, да-шэ, го-шэ, хоу-шэ, чжи-шэ, шу-шэ. В рамках каждого из этих культов совершались специальные строго разработанные обряды в честь божества земли, то есть покровителя данной территории — от всей страны до небольшого района. С различной степенью пышности и тщательности, в зависимости от значения культа, на небольшом холме близ деревеньки, в центре уезда или возле столицы царства и империи возводили квадратный в плане, приподнятый над землей алтарь, вокруг которого со всех четырех сторон в строго определенном порядке высаживались различные сорта деревьев — туя, катальпа, каштан, акации. В центре алтаря помещался каменный обелиск или деревянная табличка, иногда с надписью. Регулярно весной и осенью на алтаре каждого такого шэ совершались торжественные обряды жертвоприношений. По мере усиления роли территориально-административных связей и политических отношений в чжоуском Китае такие шэ (особенно главное — го-шэ) становились олицетворением территориального единства, религиозно-символическим выражением его нерушимости. Известно, что ритуалы в честь го-шэ обставлялись очень пышно и торжественно, превращаясь во всеобщий праздник, принять участие в котором приглашались иногда и правители соседних царств».

35 По буддийской легенде, заяц получил бессмертие и был помещен на луну за то, что оказал некую услугу Будде.

К числу божеств земли принадлежал и легендарный прародитель чжоусцев Хоуцзи — Владычествующий над просом («Государь Просо», или «Государь Зерно»³⁶ «Шицзин»). В гимнах «Шицзин» о нем говорится:

О просвещенный Зерно-Государь,
Смогший быть Небу подобным,
Зерном одарил ты народ наш,
Такого, что б ты не достиг, — нет ничего!
Нам подарил ты ячмень и пшеницу,
По повелению Владыки Небес всюду народ наш питая.
Не зная границ и пределов,
Всюду по древнему Ся вечные распространил ты законы!³⁷

* * *

В поле Зерно-Государь изо всех своих сил
Силам природы родить урожай пособил.
Пышные сорные травы сгоняет с земли,
Сеет хлеба, чтобы желтые нивы росли...
Много прекрасных семян раздавал он кругом:
Черное просо и просо с двойчаткой-зерном,
Красное сорго и белое! Всюду подряд
Черное просо и просо-двойчатка стоят...
Неба верховный Владыка доволен и рад —
Благоуханью ль, что вовремя точно оно,
Жертве ль, показанной нам Государем-Зерно,
Той — непорочной, что, свято блюдя, как закон,
Люди приносят еще и до наших времен?

«Каталог гор и морей» сообщает, что Хоуцзи «посеял все злаки», а Сыма Цянь добавляет: «Хоуцзи сообразно сезонам возделывал все хлеба». Из этих сообщений явствует, что Хоуцзи поклонялись как богу земледелия и жатвы; при этом трактат «Хуайнаньцзы» уточняет: «Хоуцзи первым начал сеять и жать. Когда он умер, то стал почитаться как Просо (Цзи)».

Рождение Хоуцзи, подобно рождениям большинства персонажей древнекитайской мифологии, было чудесным: мать Цзяньюань понесла его, наступив на след ступни Небесного владыки. Родив ребенка без мужа, Цзяньюань хотела от него избавиться (отсюда имя Ци — «Брошенный», которым также называли Хоуцзи), однако ряд знамений убедил ее в том, что ребенка следует оставить и что ему уготована великая судьба.³⁸ В другом гимне «Шицзин» говорится:

Славна в веках Цзяньюань,

36 Согласно китайским источникам, «просо главенствует над всеми хлебами. Всех хлебов/злаков слишком много, нельзя каждому приносить жертвы. Поэтому выбрали Просо и приносят ему жертвы».

37 Здесь и далее цитаты из «Шицзин», за исключением оговоренных случаев, в переводе А. Штукина.

38 По Ван Чуну, «во времена Хоуцзи его мать наступила на след великана (божества. — Ред.)... и понесла. Испугалась и бросила его в загон. Быки и лошади не посмели его растоптать. Тогда кинула его на лед. Птицы, прикрыв его крыльями, оберегали его. Тогда мать поняла, что в нем есть божественное начало, взяла его и вырастила».

Добродетель ее без изъяна.
Так положил Высокий Владыка,
Чтоб без страданий и без вреда,
Без опоздания и в самый срок
Родить ей Просо-Владыку
Ниспослано счастье великое.
Гаолян и просо — ранние и поздние,
Ранние и поздние бобы и пшеницу —
На всей земле
Велит народу он высевать.
Просо и гаолян,
Черное просо и рис
Велит он сеять по всей земле.
Так продолжил он Юя деянье.³⁹

Нюйва лепит людей из глины. Вырезка из бумаги (XX в.).

Исследователи видят в этом божестве хлебного духа, сопоставимого с теми, о которых писали Дж. Фрэзер и В. Маннгардт; эти духи, как считалось, олицетворяли растущие на полях злаки. В гимне «Рождение людей» подробно описывается обряд, совершавшийся в честь такого духа:

«Рожденный» даровал счастливое зерно.
Вот — черное просо, вот — двухплодное просо.
Вот клейкое просо, вот — лучшее просо.
Рядами стоит просо черное, просо двухплодное,
Убираем его, на меже оставляем его.
Рядами стоит просо клейкое, лучшее просо,
Взвалим на плечи его, на спине понесем его,
Чтоб, вернувшись, Великие жертвы начать.

Как же жертвы «Рожденному» мы принесем?
Обдираем зерно, извлекаем его,
Веем его, топчем его,
Промываем его — шелестит-шелестит,
Жертвы пар поднимается ввысь.

Да, подумаем мы, поразмыслим.
Артемизию в жертвенный дар мы положим.
Барана в жертву Духу дороги несем.
Жертву зажарим, жертву сожжем,
Чтобы в новом году снова быть с урожаем!

Зерном наполняем мы чаши,
Чаши деревянные, чаши глиняные.
Запах жертвы возносится ввысь,
Предок Верховный услаждается им.
Как же запах жертвы мы в срок принесли?

Проса Владыка первым те жертвы принес.
Народ от обычая не отступил
И поныне как должно приносит!⁴⁰

Согласно поздней традиции, Хоуцзи — один из культурных героев, который «первым начал сеять и жать», после чего мудрый правитель Яо (или Шунь) пригласил его к своему двору на должность «министра» земледелия. Однако в традиции архаической, как показала реконструкция Э. М. Яншиной, Хоуцзи являлся женским божеством, имя которого следует переводить как Владычествующая над просом: «Как показатель женского божества термин „хоу“ вполне согласуется с образом Хоуцзи, который, как дух зерна, хлеба, мог (или, вернее, должен был) на определенной стадии развития воплощаться в образе женского духа. Многочисленные параллели из истории мифологии и верований других народов позволяют видеть, что олицетворения зерна и хлеба в образах женских богов — матери хлеба, матери зерна, старухи зерна или хлеба, житной бабы и т. д. — были почти универсальны» (Яншина).

В исторический период, подобно многим другим архаическим божествам, Хоуцзи «преобразился» в предка, к которому возводило свой род племя чжоу. Аналогичная трансформация произошла не только с главными божествами древнекитайского пантеона, но и с теми богами, которых принято считать «стихийными», — богами различных явлений природы. Так, громовник Лэйгун, из кости которого Хуанди сделал палочку для военного барабана, позднее стал почитаться как отец первопредка Фуси и утратил зооморфный облик («Каталог гор и морей» говорит, что у него голова человека и тело дракона). Помощник Лэйгуна, одноногий бык Куй, с которого Хуанди содрал шкуру для того же военного барабана, «превратился» благодаря конфуцианцам в чиновника, ведавшего музыкой при дворе Шуня, и т. д. Однако целый класс стихийных божеств (или тотемов) эта трансформация практически не затронула (хотя они и стали считаться прародителями великих героев и правителей); речь, конечно же, о драконах (лун).

Одноногий пепельный бык Куй. Иллюстрация из «Каталога гор и морей».

По справедливому замечанию Э. М. Яншиной, «драконы занимают настолько большое место в мифологических воззрениях древних китайцев, а связанные с ними представления настолько важны, что необходимо остановиться на их культуре особо».

Вероятно, первоначально тотемами древних племен служили ящерицы или змеи, которые постепенно преобразились в драконов — животных с длинным телом и головой, увенчанной рогами, как свидетельствует изображение на гадательной кости эпохи Инь. Драконы почитались как олицетворения и покровители водной стихии — рек, источников, озер, дождя и прочего, то есть как «хозяева природы». Дракон Инлун, победитель Чю и Куафу, олицетворял дождь; дракон Цзяо приносил «небесную влагу»; дракон Лун-ван (поздняя архаика) повелевал морями и реками.

В образе драконов представлялись божества рек. Так, бог реки Хуанхэ Хэбо, побежденный Лучником И, имел, как утверждается в «Каталоге гор и морей», змеиные тело и хвост и человеческую голову. Поздняя традиция (комментарии к «Вопросам небу» Цюй Юаня) называет драконов в числе атрибутов Хэбо. При чем драконов — речных богов, как следует из мифов и преданий, изрядно опасались — ведь их гнев вызывал разливы и наводнения; в одном трактате говорится, что виновником потопа, который сумел усмирить

40 Перевод Э. М. Яншиной. В переводе А. А. Штукина, в котором точность принесена в жертву «лиричности» и ритмике, этот гимн называется «Ода о Государе-Зерно».

Юй, был именно дракон, да и всемирный потоп, который обуздывала Нюйва, был вызван драконоподобным богом Гунгуном (или Черным Драконом).

Кроме того, драконы и змеи выступали как хтонические животные, связанные с землей и ее силами. Так, имя одного из богов земли, Гоулуна, переводится как Кривой Дракон, а атрибутами многих богов плодородия, по «Каталогу гор и морей», выступали змеи и драконы: у Куафу в руках две змеи, Гоуман (Вьющийся Терновник) ездит на двух драконах; по Ван Чуну, в обряде вызывания дождя обращались к земляному дракону. Словарь «Шовэнь» сообщает, что весной драконы поднимаются в небо, а осенью опускаются в пучину.

Дракон. Бронза (IV в. до н. э.).

Со временем представления о «стихийной злобности» драконов изживались, и дракон-лун стал восприниматься исключительно как благое, даже благодное существо, приносящее не только живительную влагу, но и успех, богатство, удачу.

Прежде чем закончить этот очерк древнекитайской мифологии, необходимо упомянуть о такой ее составляющей, как мифы и предания о чудесных животных, которыми, к примеру, пестрит «Каталог гор и морей». Эти животные, вполне вероятно, обладали божественной сущностью, многие из них так или иначе принимали участие в создании и устройстве мира, а впоследствии становились духами местностей. Так, например, животное чжанью, «похожее на обезьяну, но с четырьмя ушами», возможно, являлось локальным божеством воды, поскольку о нем говорится: «Где его увидят, в той области или уезде быть большому наводнению». С водой очевидно связана и рыба чжуань, «похожая на лягушку, но со щетиной»: «Когда ее увидят, быть в Поднебесной большой засухе». Птица Циньпэй, похожая «на орла с черными разводами, белой головой, красным клювом и когтями, как у тигра», напоминает ирландских богинь войны Маху, Бадб и Морриган: появление этих богинь в облике воронов, как и появление птицы Циньпэй, предвещало войну. Следует также сказать о таких животных, как шижоу и байцзе. Шижоу — это «зрячая плоть». Юань Кэ описывает его так: «Это живое существо, совершенно лишенное костей и конечностей, представлявшее собой только ком мяса, несколько напоминавший печень быка, но с парой маленьких глаз. Это странное существо люди считали самой прекрасной пищей, так как его мясо нельзя было съесть без остатка: съешь кусок, а на этом месте вырастает такой же. И шижоу вновь обретает прежнюю форму. Для великих предков, покоившихся в земле, оно служило никогда не истощающейся пищей, и если это чудище было под рукой, то не приходилось задумываться, чем наполнить желудок». Что касается байцзе, это был говорящий зверь, наделенный всеведением; последнее обстоятельство заставляет предполагать в нем духа знания. Как сказано у Юань Кэ, зверю байцзе «были ведомы все духи небесные и бесы земные. Он знал наперечет всех оборотней (в которых превратились неприкаянные бродячие души),⁴¹ живущих среди гор, лесов, рек и озер. Он мог, не перепутав, назвать, какие

41 Древние китайцы различали души по (она появлялась в человеке в момент зачатия) и хунь (входила в человека с его первым вдохом). Душа по после смерти человека уходила вместе с ним в могилу и превращалась в душу гуй, для которой в могилу и клались все предметы, необходимые для «адекватного» посмертного существования. Если предметов было достаточно, а родственники покойного регулярно совершали жертвоприношения, душа гуй оставалась спокойной. В противном случае, как считалось, она могла озлобиться и причинить вред как родственникам, так и посторонним людям. Душа хунь после смерти человека возносилась на небо и превращалась в духа шэнь. Впоследствии из этого «разделения» душ сформировалось деление духов на злых (гуй) и добрых (шэнь). По замечанию Л. С. Васильева, «особое внимание к духу шэнь было уже в древности, причем считалось, что именно эта душа, попадая на небо, становится там чем-то вроде посредника между людьми и сверхъестественными силами. Соответственно с приписанными этой душе важными функциями сфера ее распространения оказалась достаточно ограниченной. Простые люди вообще не имели души шэнь. Знатные после своей смерти имели душу шэнь, действовавшую на небе в зависимости от ранга ее

оборотни, духи и чудовища живут на такой-то горе, какие оборотни и драконы водятся в такой-то реке, какие шутки творит нечистая сила на дорогах и что за оборотни и духи-волки бродят по могилам». По мифу, правитель Хуанди, изловив зверя, позавидовал мудрости байцзе и приказал изобразить на карте всех духов, которых упомянул зверь, и снабдить рисунки подписями. Рисунков оказалось одиннадцать тысяч пятьсот двадцать. И с тех пор Хуанди «стало очень удобно управлять нечистой силой».

Особое место среди чудесных животных занимают зверь цилинь и птица фэнхуан (также хуаньяо, фэньяо или луаньяо). Цилинь — главный среди зверей; его еще называют китайским единорогом. У него туловище оленя, шея волка, хвост быка и копыта коня; во лбу у него торчит рог, заканчивающийся мясистым наростом. Шкура у цилиня разноцветная; ступает он так легко, что не пригибает ни травинки, а питается чудесными злаками. Наряду с драконом-лун, черепахой-гуй и птицей фэнхуан цилиня причисляли к сы лин — священным животным. Его отождествляли с желтым драконом Хуанлуном — священным животным Хуанди как правителя Центра.

Луаньяо. Реконструкция Л. П. Сычева.

Если цилинь — главный среди зверей, то фэнхуан (китайский феникс) — главная среди птиц. В «Каталоге гор и морей» говорится, что эта птица похожа на петуха, «пятицветная, с разводами. Узор на ее голове похож на иероглиф дэ (добродетель), на крыльях — на иероглиф ли (благовоспитанность), на груди — на иероглиф жэнь — совершенство, на животе — на иероглиф синь (честность). Когда ее увидят, в Поднебесной наступят спокойствие и мир». По преданию, фэнхуан и цилинь появились на китайской земле в конце правления Хуанди, что было истолковано как выражение удовольствия Неба его мудростью и справедливостью.

Боги Древнего Китая, как пишет видный отечественный синолог В. В. Малявин, «были, в сущности, могущественными предками... Отношения живых с ними строились на принципе обоюдной пользы: приносивший жертву богу рассчитывал на его помощь и поддержку. Китайский пантеон имел сложную структуру и внушительные размеры. В сочинении минского времени „Саньцзяо сошэнь дацюань“ („Полный свод известий о богах трех религий“) перечислены 129 божеств, получивших официальное признание. Исследователи китайского фольклора насчитывают до 500–600 божеств.⁴² Большинство из этих богов имели как бы несколько ликов. Их соотносили в одно и то же время с определенным явлением небесной сферы, историческим лицом и местностью. Вместе с тем китайский пантеон в его окончательном виде был результатом антропоморфизации богов. На смену пришедшим в упадок древним земледельческим культам и обожествлению сил природы в зооморфном облике с эпохи Тан и особенно Сун утвердились культы божеств в человеческом обличье».

Рельефы мифологического содержания из храма У Ляна: верхний мир, бог грома и богиня дождя, обряд изгнания, подготовка к жертвоприношению предкам.

обладателя на протяжении жизни одного или нескольких поколений. И только сам великий правитель, прямой потомок Шанди, имел право едва ли не на вечное пребывание на небе в качестве духа шэнь. Впоследствии эти правила несколько видоизменились, и духами шэнь подчас оказывались обычные люди, но далеко не все, а, как правило, незаурядные, проявившие себя в чем-либо и обожествленные после смерти».

42 От многих сохранились только имена.

Это «очеловечивание» — и «обюрокрачивание» — богов традиционно приписывается влиянию конфуцианцев, которые «подменили» мифологию историей (точнее, «праисторией»), преследуя собственные, далеко не всегда благовидные цели.⁴³ Однако насколько правомерно такое мнение? Так ли велика «вина» Конфуция и что он, собственно, сделал (если сделал) с древними мифами? Об этом и пойдет речь в следующей главе.

Глава 2

МИФ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ИСТОРИЮ: конфуцианская традиция в мифологии

Учитель сказал: «Если утром познаешь Дао-Путь, вечером можно умереть».

Луньюй

В круге вечного возвращения. — Циклическое время. — Рационализация мифов. — Праистория и этика. — Культ предков и культ мертвых. — Жертвоприношение предкам. — Культ семьи. — Сыновняя почтительность сяо. — Небо-Шанди и Небо-Тяньди. — Сын Неба и мандат на правление. — Дао в конфуцианстве. — Ритуал. — Музыка как «космогонический инструмент». — Канонические сочинения. — Культ грамотности. — Культ Конфуция. — Конфуцианская цивилизация.

Выдающийся исследователь древних культур Мирча Элиаде, суммировав опыт предшественников — философов, этнографов, культурологов, сформулировал теорию «вечного возвращения», согласно которой архаическая культура имеет «тенденцию сопротивляться конкретному историческому времени» и обладает «стремлением периодически возвращаться к мифологическому первоначалу, к Великому Времени». Это возвращение происходит через обряды и ритуалы — например, ритуал новогоднего праздника, в ходе которого умирание старого года и рождение года нового не только празднуются метафорически, но и «переживаются наяву», как если бы они происходили в действительности: для мифологического сознания мир вправду умирает и рождается заново, возобновляется, и так повторяется из раза в раз. Как писал Элиаде: «При рассмотрении обычного поведения архаического человека поражает тот факт, что в первобытном, или архаическом, сознании предметы внешнего мира — так же, впрочем, как и сами человеческие действия, — не имеют самостоятельной, внутренне присущей им ценности... Питание — не простое физиологическое действие, оно возобновляет причастие. Брак и коллективная оргия имеют свои мифические прототипы, их повторяют, потому что они были освящены от основания богами, предками или героями. В деталях своего сознательного поведения первобытный, архаический человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — непрерывное повторение действий, открытых другими».

Концепцию «вечного возвращения» можно считать универсальной или, если угодно, архетипической: следы этого мифа обнаруживаются во всех без исключения древних культурах. Разумеется, локальные варианты мифа имели, так сказать, национальный колорит, однако «воспроизведение архетипа» и «повторение перводействий» характерны для архаической культуры в целом. С развитием общества, с переходом от архаической фазы к исторической, архетип оттесняется на периферию сознания, которое перестает быть

⁴³ Ср., например, высказывание китайского исследователя Го Можо: «Что касается мифов и преданий, то, к сожалению, в полном виде их сохранилось очень мало, причем они были фальсифицированы историками доциньского времени и двух ханьских династий». По замечанию Э. М. Яншиной, «плохую сохранность мифов ученые относили за счет рационалистической обработки и историзации мифологической традиции одной из философских школ древности — школой Конфуция. В этом вопросе как китайские, так и западные ученые преувеличивали элемент сознательной, намеренной обработки мифологической традиции и недооценивали значение спонтанных процессов развития самой мифологии, неизбежность ее трансформации и переработки».

мифологическим, «циклическим» и становится «линейно-ориентированным». Этот процесс свойственен также всем без исключения древним культурам. И тем поразительнее выглядит осуществленная в Китае конфуцианцами «фиксация» мифологического сознания, сопровождавшаяся вдобавок историзацией архаической эпохи.⁴⁴

Казалось бы, фиксация мифического времени и его историзация взаимно отвергают друг друга (по Элиаде, «по мере того как некоторое действие или предмет приобретает определенную реальность, благодаря повторению парадигматических действий, и только благодаря этому, осуществляется неявная отмена мирского времени, длительности, истории, и тот, кто воспроизводит образцовое действие, переносится таким образом в мифическое время первого явления этого действия-образца); однако конфуцианцам удалось совместить несовместимое. Они преклонялись перед древностью — образцом, архетипом, каноном — и одновременно отказывались от нее: согласно конфуцианскому учению, те или иные перводействия совершали уже не боги и не духи, а „великие предки“, такие же люди, как и все прочие, только лучше — благороднее, достойнее, мудрее. Миф переставал быть мифом — по крайней мере, внешне — и все же оставался самим собой, ведь чтобы достичь успеха в том или ином начинании, требовалось следовать примерам, которые дали легендарные предки.

Инь и Ян в окружении Восьми триграмм (Ба гуа). Современная прорисовка древних символов.

История по Конфуцию и его ученикам — это не история в привычном современном человеку понимании термина, это праистория. Пожалуй, имеется определенное сходство в таком отношении к истории у китайцев эпохи Борющихся царств и у исландцев эпохи раннего Средневековья; для последних история была в одно и то же время фактической и легендарной, реальной и „приукрашенной“.⁴⁵ Иными словами, праистория — рассказ не о том, что было, а рассказ о том, как было и — по конфуцианским заповедям — как должно

44 Отражением мифологемы «вечного возвращения» выглядит следующий диалог из трактата «Луньюй»: «Цзы-чжан спросил: „Можно ли знать, что будет десять поколений спустя?“ Учитель ответил: „[Династия] Инь унаследовала ритуал [династии] Ся; то, что она отбросила, и то, что она добавила, — известно. [Династия] Чжоу унаследовала ритуал [династии] Инь; то, что она отбросила, и то, что она добавила, — известно. Поэтому можно знать, что будет при преемниках династии Чжоу, хотя и сменят друг друга сто поколений“».

45 М. И. Стеблин-Каменский в послесловии к русскому изданию исландского «Круга Земного» удачно назвал эту хронику «праисторией»: «В сознании средневекового исландца не было деления на рассказ о прошлом, отвечающий требованиям, которые предъявляются к истории как науке, и рассказ о прошлом, отвечающий требованиям, которые предъявляются к художественной литературе. Рассказ о прошлом был, поэтому, так сказать, „праисторией“. Пытаться ответить на вопрос, что такое „Круг Земной“, в терминах таких понятий, как „история“ и „исторический роман“, например — толковать его как нечто среднее между ними или нечто, совмещающее в себе то и другое, — это значит приписывать средневековому исландцу то, что было совершенно чуждо его сознанию. Праистория — это нечто резко отличное как от истории, так и от исторического романа, а в известном смысле даже противоположное им.

Праистория отличается от истории прежде всего тем, что задача, которую она себе ставила, была несравненно больше той, которую может ставить себе история.

Праистория претендовала на то, что она правда, а не вымысел, но вместе с тем стремилась к тому, чтобы воссоздать прошлое как живую и полнокровную действительность. Так, хотя автор „Круга Земного“ несомненно осознавал свой рассказ о прошлом как вполне правдивый, он изображал события прошлого как действия и слова конкретных людей, т. е. как живую действительность, которую можно наблюдать совершенно так же, как человек может наблюдать то, что находится перед его глазами и в пределах его слуха. Иллюзии присутствия при событиях, которые описываются в „Круге Земном“, способствует еще и то, что, поскольку события не комментируются, читателю приходится самому догадываться, что скрывается за теми или иными действиями или словами, подобно тому как это обычно приходится делать непосредственному наблюдателю событий».

быть впредь. Как пишет В. В. Малявин, „нельзя не поражаться особой двойственностью традиционной цивилизации Китая: при наличии резкого разрыва с мифологией, почти без остатка вытесненной историческим — точнее, псевдоисторическим — сознанием, а также индивидуалистических тенденций в культуре, высокой степени рационализации государственного устройства, развитой научной и технической мысли эта цивилизация восприняла фундаментальные черты архаического сознания, в том числе отождествление власти с родом (государство по-прежнему сводилось к „телу династии“), восприятие мира как живого тела, сакрализацию космоса, соединение магии и технических навыков управления. Даже приверженность древних китайцев к превращению мифа в историческое повествование не означала апелляции к истории в ее исконном греческом понимании, то есть как прошлого, которое еще сохраняется в памяти людей. Скорее, наоборот: их мысль устремлялась к тому, что прочно забыто и что, может быть, навсегда останется сокрытым пологом тайны, — к блаженным временам „Великого единства“, „Всепроницающей целостности“ древности. История по-китайски как „древность — современность“ предстает утопией, полемической оппозицией, выражением устремленности и побуждения к действию. Во всех этих качествах она выступает, по существу, мифом в исторических одеждах. Нелишне заметить, что китайская традиция не знала различия между понятиями „философия“ и „миф“, имевшего такое большое значение в античной цивилизации“.

Пожалуй, отношение конфуцианцев к архаическим мифам можно, в духе афоризмов „Луньюй“, сформулировать следующим образом: „Подражать богам и духам невозможно, следовать примерам предков — необходимо“. И это утверждение приводит нас к основе конфуцианского учения (разумеется, применительно к мифологии) — культу предков.

Конфуцианский культ предков восходит к архаическим временам, когда, собственно, из почитания умерших и развилось почитание предков. Причем архаическое отношение к предкам (ср. у М. Элиаде: „Воин, кем бы он ни был, имитирует какого-либо героя и стремится приблизиться к этой архетипической модели. Превращение умершего в Предка соответствует включению индивида в некоторую архетипическую категорию“) у конфуцианцев сохранилось, разве что сонм предков получил в учении Конфуция и его последователей „градацию по важности“: в самом низу находились личные предки конкретного простолюдина, далее шли предки отпрысков знатных родов, далее — предки наследственных аристократов, далее — предки правителя (вана или гуна); согласно трактату „Лицзи“ („Описание правил приличия и обрядов“), в клане вана имелось семь храмов предков, один посвящался родоначальнику и всем древним предкам, а остальные шесть — ближайшим предшественникам вана, которые делились на чжао (четных) и му (нечетных). Как пишет Л. С. Васильев, „алтари и храмы были обязательной принадлежностью каждой семьи. Даже самая бедная семья, не имевшая еще своего храма и бывшая, как правило, боковым ответвлением главной линии какого-либо родового культа, имела алтарь предков, располагавшийся на самом видном и почетном месте главной комнаты в доме. Другие же семьи, особенно семьи, олицетворявшие главную линию родового культа, обязательно имели специально выстроенные храмы предков, семейные и родовые. У группы родственных семей, чьи главы вели свое происхождение от общего прапрадеда, обычно существовал общий родовой храм. Этот храм соответствовал главной линии культа, хранителем которой выступал старший из этой группы родственников... В рамках семьи все ее главные события: рождение сына, брак, болезнь, смерть, получение ученой степени или должности и т. п. — обычно сообщались главе семейного культа, чаще всего умершему прадеду, основателю боковой линии. С ним советовались, ему в дни семейных и всеобщих праздников приносили положенные жертвы. Семейные предки играли огромную роль в жизни семьи. Без их согласия нельзя было решаться ни на одно серьезное дело“.

Конфуций. Статуэтка из слоновой кости (XVI в.).

Почитание предков проявлялось и в поклонении их могилам, причем внимание уделялось не только уходу за могилами, но и выбору „правильного“ участка для захоронения, поскольку считалось, что „правильное“ место благотворно действует на покойников и не менее благотворно сказывается на живых. Могильные земли поэтому считались неприкосновенной собственностью семьи, их нельзя было ни продать, ни заложить. Хоронили умерших обычно на каком-либо возвышенном месте, при этом старались выбрать холм, очертания которого напоминали бы то или иное священное животное, и т. д. На могилах совершались жертвоприношения — душе гуй и душе шэнь, улетевшей на небо. Позднее стали считать, что в момент совершения обряда жертвоприношения душа шэнь нисходит в специальную табличку с именем покойного,⁴⁶ хранившуюся в семейном или родовом храме.

Много сведений об обряде почитания предков можно почерпнуть из „Шицзин“. В одной из „малых од“ рассказывается о жертвоприношении предкам:

С почтеньем, с почтеньем достойным иду наконец
Для жертвы чистейших избрать и быков, и овец.
Я жертвы и в осень и в зиму вершу что ни год.
Кто шкуры сдирает, кто варит, а кто подает,
Кто мясо раскладывает, кто подносит скорей,
Стоит прорицатель, чтоб духов встречать у дверей.
И жертва готова, и блеском наполнен мой храм,
И званые предки явились в величии к нам!
И духохранитель поел, исполняя обряд,
И я, из потомков почтительный, счастлив и рад.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетьем безмерным дарят.

С почтеньем очаг возжигают — достойно хвалы,
И с жертвенным мясом готовят большие столы.
И жарят, кто мясо, кто печень, тогда на огне,
В смиреннии строгом присутствовать — старшей жене;
И много сосудов расставила ныне она.
Я званым гостям наливаю в их чары вина;
Ответные чары скрестились с различных сторон,
И весь мы исполним обряд, как предпишет закон.

Конфуций с учениками. Гравюра на дереве.

Улыбки и наша беседа пристойны вполне.
И духохранитель является ныне ко мне.
И счастьем великим меня награждают за труд,
На тысячи лет долголетием мне воздадут!

46 Это было не «повседневное», а «загробное» имя, которое для умершего выбирал обычно его старший сын. Этим «загробным», или храмовым, именем покойный назывался во время совершения обрядов в храме предков. По замечанию Л. С. Васильева, «подавляющее большинство китайских правителей древности и императоров известны нам именно под их храмовыми именами».

В служенье я силы свои истощил; говорят,
Что без упущений исполнен великий обряд.
Придет прорицатель искусный и скажет мне он:
„Потомок сыновнепочтительный, ты награжден.
Душисты сыновние жертвы во храме твоём,
И духи довольны весьма и едой и питьём.
И сотнями благ, возвещают, тебе воздадим,
И в срок надлежащий, по правилам строгим твоим.
И в жертву ты ныне и просо принес, и зерно,
И в должном порядке разложено было оно.
За это ты примешь немало великих наград
И благ мириады — десятки таких мириад!“

Вот входят в покой музыканты, я слышу игру —
Тогда насладись величием здесь, на пиру.
И подали яства твои, и расставили в ряд,
Здесь нет недовольных, здесь каждый и счастлив, и рад:
Он вдоволь напился, и яством насытился он.
И малый и старый встают, отдавая поклон:
„Все духи довольны весьма и едой и питьём.
Тебе, государь, долголетие в доме твоём!
Ты жертвы принес по порядку за все времена,
Сыновний свой долг, как и надо, свершил ты сполна.
Сыны за сынами, за внуками внуки подряд
Твои приношенья своими надолго продлят“.

Логичным „продолжением“ культа предков стал культ семьи, точнее, культ клана (рода), позднее трансформировавшийся в культ семьи — сохранившийся по сей день, достаточно вспомнить стремление современных китайцев всюду и везде, даже за границей, по возможности поддерживать связи с семьей. Именно с этим культом — применительно к Поднебесной в целом — связано знаменитое высказывание Конфуция, которое часто цитируют в различных статьях: „Правитель должен быть правителем, чиновник — чиновником, отец — отцом, сын — сыном“. Эти слова — краткая формулировка конфуцианской доктрины отношений в семье и в государстве, понимаемом как большая семья; кроме того, в них отражен конфуцианский принцип „исправления имен“, то есть надлежащего исполнения каждым своих „врожденных“ обязанностей. К числу последних относилась и важнейшая обязанность детей — уважительно относиться к родителям. Конфуций много рассуждал о сыновней почтительности — сяо: „Сыновняя почтительность и любовь младшего брата к старшему — вот основа человечности“, „Служить родителям согласно правилам, хоронить их по правилам и приносить им жертвы по правилам — вот что такое почтительность сына“. По замечанию Л. С. Васильева, „на протяжении длительной истории Китая культ сяо всегда был одним из центральных и важнейших по значению. Некоторые специалисты считают сяо первым этическим принципом в Китае. Универсальность его, обязанность следовать его заветам для всех, от императора до последнего бедняка, действительно превратила сяо в своеобразную религию“.

Нижний мир. Похоронный стяг из раскопок Мавандуя. Шелк (середина II в. до н. э.).

С принципом сяо был неразрывно связан другой важнейший принцип конфуцианства — человечность (или гуманность), неотъемлемая характеристика совершенного человека

(цзюньцзы). Олицетворениями человечности и сыновней почтительности конфуцианцы представляли древних богов, „превратившихся“ в великих предков, — Юя, который завершил дело своего отца Гуня и усмирил потоп, Яо, Шуня, полубогочеловеческих правителей Вэнь-вана и Чжоу-гуна. Эти великие предки образовали своеобразный конфуцианский пантеон „этических божеств“: по ним полагалось сверять свои поступки, их примерам надлежало следовать. А во главе этого пантеона стояло могущественное, справедливое и беспристрастное Небо.

Это Небо (Тяньди) уже значительно отличалось от того Неба, которое мыслилось как верховное божество Шанди. Небо конфуцианцев отделилось от людей и утратило „личностные“ черты, превратилось в абстрактный регулирующий принцип, в Истину, Целесообразность, Абсолютный Порядок. Это Небо лишилось персонификации, обезличилось, с ним стало невозможно договориться (как с предками), людям доступно было только осознание его воли. Конфуций говорил о себе: „В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба“. Иными словами, родовое божество Шанди благодаря конфуцианской доктрине преобразилось в рационализированный этический эталон Тяньди, который правит вселенной в том смысле, в каком управляют ею физические законы, безличные и неоспоримые.

Храм Неба в Пекине.

„Представителем“ этого абстрактного Неба на земле считался правитель — „сын Неба“, получавший от верховного принципа мандат на правление (тянь мин) и совершавший необходимые жертвоприношения „благоподателю“ от лица государства. По конфуцианскому учению, этот мандат вручался Небом добродетельному государю и тем самым наделял своего обладателя почти божественным статусом; но если правитель совершал ошибки и „вел себя опрометчиво“, Небо могло лишить его своей милости и отобрать мандат. Именно это, согласно „Книге преданий“, произошло с последним правителем легендарной династии Ся, который — по воле Неба — уступил престол добродетельному правителю иньцев Чэн Тану. А несколько столетий спустя по той же причине последний иньский правитель Чжоу Синь, „развратный и недостойный“, был вынужден передать власть вождю чжоусцев Вэнь-вану — „справедливому, добродетельному и мудрому“, о котором в одах „Шицзин“ говорится:

Царь Просвещенный (Вэнь-ван. — *Ред.*) был полон усердия и сил,
Слава его бесконечной является нам.
Небо свои ниспослало на Чжоу дары —
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам,
Внукам Вэнь-вана, потомкам его и сынам —
Корню с ветвями, да жить им в веках и веках!

Впоследствии понятие „смены мандата“ — гэмин⁴⁷ — стало важнейшим орудием политической борьбы. Духовный наследник Конфуция Мэнцзы учил, что „самое ценное в стране — народ, затем уж следует власть, а наименьшую ценность имеет правитель“, поэтому если правитель недобродетелен, его можно и нужно сменить и передать власть в руки истинно добродетельного государя.

Но каков этот истинно добродетельный государь и как его узнать? Конфуций отвечал на это вопрос так: „Когда в Поднебесной следуют Дао-Пути, то правила, музыка, приказы выступить в поход исходят от Сына Неба. Когда в Поднебесной сошли с Дао-Пути, то

47 В современном китайском языке этим термином обозначается понятие «революция».

правила, музыка, приказы выступить в поход исходят от чжухоу (местных правителей. — *Ред.*). Когда [они] исходят от чжухоу, то редко так бывает, чтобы не утратили власть в течение [жизни] десяти поколений. Когда [они] исходят от дафу (родовой аристократии. — *Ред.*), то если власть не утратят в течение [жизни] пяти поколений, это редкость. Когда же судьба страны оказывается в руках пэйчэней — слуг вассалов, то редко бывает, чтобы не утратили власть в течение [жизни] трех поколений.

Когда в Поднебесной следуют Дао-Пути, то дафу не занимаются правлением. Когда в Поднебесной следуют Дао-Пути, то простолюдины не осуждают [методы правления]“.

Иначе говоря, истинно добродетельный государь тот, кто следует Дао и соблюдает ритуал (или Ритуал, как пишут иногда, чтобы подчеркнуть „космическую“ значимость этого понятия в конфуцианстве).

Конфуцианское Дао отнюдь не тождественно Дао даосов. В конфуцианстве Дао — это путь нравственного совершенствования и правления на основе этических норм, тогда как в даосизме это высший первопринцип, источник бытия и всего сущего, то есть нечто наподобие конфуцианского Тяньди. Чтобы ощутить разницу этих двух мировоззрений, достаточно сравнить фрагменты канонических текстов — конфуцианского трактата „Луньюй“ и даосского трактата „Дао Дэ Цзин“. Первый гласит: „Учитель сказал: „Искренне люби [наше] учение; стой насмерть, совершенствуя [наш] Дао-Путь. Государство, где беспокойно, не посещай; в государстве, где царит хаос, не живи. Если в Поднебесной есть Дао-Путь, то прояви себя; если [в Поднебесной] нет Дао-Пути, скройся. В государстве, где царит Дао-Путь, стыдно быть бедным и незнатным. В государстве, лишенном Дао-Пути, стыдно быть богатым и знатным““. Во втором читаем: „Превращения невидимого [Дао] бесконечны. [Дао] — глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения — корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо... Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью“.⁴⁸

Лаоцзы встречает Конфуция. Гравюра (I в. до н. э.).

Подробнее о Дао в трактовке даосов будет сказано в следующей главе, применительно же к конфуцианству необходимо отметить, что в понимании конфуцианцев Дао — следование по пути великих предков, воспроизведение „инвариантных“ образцов, архетипов, то есть опять-таки мифологема „вечного возвращения“. И движение по этому пути невозможно без точного и сознательного следования Ритуалу (Ли).

Как пишет В. В. Малявин, „в Чжоу ритуал еще сохранял свою архаическую значимость: он был прежде всего обрядом жертвоприношения, способом непосредственного общения с предками, и сфера его действия ограничивалась, по существу, кланом чжоуского правителя. Со временем ритуал у чжоусцев все более терял связь с его культовым контекстом, и ритуальная коммуникация постепенно перемещалась в область внутреннего мира человека, приобретала значение нормы нравственной самооценки“. Конфуций воспринимал Ритуал как нечто исконное, существующее независимо от человека, как своего рода естественный закон. В „Луньюй“ говорится: „Дин-гун спросил: „Каким образом государь использует чиновников,

⁴⁸ Любопытна заочная полемика двух трактатов — во всяком случае, со стороны «Дао Дэ Цзин», в котором, в частности, говорится: «Когда устранили великое Дао, появились „человеколюбие“ и „справедливость“. Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются „сыновья почтительность“ и „отцовская любовь“. Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются „верные слуги“».

а чиновники служат государю?“ Учитель ответил: „Государь использует чиновников, следуя Ритуалу, а чиновники служат государю, основываясь на преданности“⁴⁴; и еще:

„Учитель сказал: „Когда мы говорим о Ритуале, имеем ли мы в виду лишь преподношение яшмы и парчи? Когда мы говорим о музыке, имеем ли мы в виду удары в колокола и барабаны?““ Ритуал для Конфуция — система взаимосвязей человека с миром, начиная от семьи и заканчивая Небом, система, которую надлежит всемерно сохранять и укреплять. В „Луньюй“ сказано: „Использование Ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. Путь древних правителей был прекрасен. Свои большие и малые дела они совершали в соответствии с Ритуалом. Совершать то, что нельзя делать, и при этом в интересах согласия стремиться к нему, не прибегая к Ритуалу для ограничения этого поступка, — так поступать нельзя“. „Воплощением“ же Ритуала как высшей упорядоченности и гармонии служила музыка.

О музыке как „космогоническом инструменте“ упоминалось еще в архаических мифах (вспомним хотя бы боевой барабан из кожи Куя, изготовленный по приказу Хуанди для войны с Чию, то есть борьбы порядка с хаосом). Конфуцианцы возвеличили роль музыки, тем более что пентатонный ряд китайской музыки⁴⁹ было логично „увязать“ с древним представлением о пяти первоэлементах, сочетание которых рождало гармонию. По „конфуцизированному“ мифу, великий предок Хуанди создал музыку, выражавшую всеобщее благоденствие, великий предок Яо — музыку, способствовавшую росту всего живого, а великий предок Шунь сотворил музыку всеобщего согласия. С точки зрения Ритуала музыка считалась его неотъемлемой частью, предназначенной помогать в „исправлении имен“, то есть в обуздании стихийности и дикости и в установлении порядка и гармонии. „Правильная“, „благородная“ музыка содействовала упорядочению мира (то есть миротворению), музыка же „дикая“, „неблагородная“ разрушала мир, и чтобы его восстановить, вновь требовалась „правильная“ музыка, которая возрождала Ритуал, так замыкался круг вечного возвращения.

Пожалуй, на этом рассказ о „вкладе“ конфуцианства в китайскую мифологию (именно в мифологию, поскольку этический и социально-политический аспекты учения Конфуция, собственно, и превратившие его в „религию вне религии“, имеют лишь косвенное отношение к нашей теме) можно было бы закончить, однако он будет неполным, если не остановиться на сугубо конфуцианских культах — культе грамотности в целом и классических сочинений в частности и культе самого Конфуция.

В 221 году до н. э. правитель царства Цинь, объединивший земли Древнего Китая, принял титул Цинь Шихуанди — „первый государь Цинь“. При этом правителе произошла крупнейшая катастрофа в истории конфуцианства: придерживавшийся взглядов легистов („законников“),⁵⁰ Цинь Шихуанди приказал закопать заживо 460 виднейших конфуцианцев и сжечь все конфуцианские сочинения, а также запретил изучение конфуцианской „ереси“. Тем не менее учение уцелело, и в начале эпохи Хань⁵¹ (с 206 г. до н. э.) началась работа по восстановлению утраченных сочинений: разыскивались случайно сохранившиеся копии,

49 Классические китайские ноты — гун, шан, цзяо, чжи и юи; они приблизительно соответствуют европейским до, ре, ми, соль и ля. Каждая из этих нот была связана со стороной света, временем года, цветом, элементом социальной структуры. Так, нота гун олицетворяла правителя, нота шан — чиновников, нота цзяо — простолюдинов, нота чжи — дела правления, а нота юи — животных, растения и камни. При первом чжоуском государе, по преданию, к пентатонному ряду были добавлены две дополнительные ноты.

50 В противовес конфуцианцам, утверждавшим, что править должно человечно, мудро и благородно, легисты требовали неукоснительного соблюдения суровых государственных законов.

51 Правление династии Хань представляло собой период «мифологического Ренессанса» на территории Китая, когда был фактически восстановлен древний пантеон — правда, «переосмысленный» на конфуцианский лад: так, женские божества стали мужскими и т. п.

записывались со слов стариков заученные ими фрагменты и т. д. В этой работе, к слову, принимали участие и знаменитые китайские историки Сыма Цянь, автор „Исторических записок“, и Бань Гу, автор истории первой династии Хань „Ханьшу“. Постепенно сложился канонический корпус конфуцианских текстов, который приобрел окончательный вид уже в эпоху Сун (X–XIII вв.), когда к канону были добавлены — в качестве самостоятельных произведений — две главы из трактата „Лицзи“.

Этот корпус текстов в итоге составили 13 текстов, 9 из которых считаются важнейшими, их знание обязательно для всякого образованного человека. Они входят в состав „Четырехкнижия“ („Сышу“) и „Пятикнижия“ („Уцзин“). К текстам „Четырехкнижия“ относятся трактаты „Луньюй“ и „Мэнцзы“, а также две отдельные главы из трактата „Лицзи“ — „Дасюэ“ и „Чжунъюн“. К „Пятикнижию“ причисляют отредактированные самим Конфуцием „Книгу песен“ („Шицзин“), „Книгу преданий“ (Шуцзин), трактат «Лицзи», историческую хронику «Чуньцю» (вместе с комментарием к ней «Цзочжуань»), а также «Книгу перемен» («И-цзин»), причем последнюю включили в состав канона лишь в эпоху Хань. Кроме того, к числу канонических конфуцианских сочинений принято относить трактаты «Чжоули» и «Или», словарь «Эрья» и «Книгу о сяо» («Сяоцзин»). Со временем все эти сочинения, которые активно изучались в ханьскую эпоху, «обросли» многочисленными комментариями, причем объем комментариев значительно превышает объем самих текстов. Как пишет Л. С. Васильев, «собранные воедино, откомментированные и растолкованные, конфуцианские каноны уже с эпохи Хань стали играть в Китае не только роль священных книг, но и, в сущности, единственных книг, источника мудрости на все случаи жизни. Все прочие сочинения — трактаты философов, рассуждения политиков и министров, исторические хроники и своды и т. п. — были отныне лишь второстепенными источниками более или менее ценных и полезных сведений, истолкованных чаще всего в духе конфуцианства. Даже относительная ценность всех этих второстепенных сочинений стала со временем измеряться степенью соответствия их тем основным канонам, принципам и изречениям, которые были собраны в главных конфуцианских книгах».

Великий Учитель Конфуций. Гравюра (XIX в.).

При этом, хотя многие изречения и цитаты из этих книг широко разошлись в народе и даже превратились в поговорки, изучение — и просто чтение — самих текстов оставалось делом людей как минимум грамотных, поскольку требовало знания древней письменности (гу-вэнь) и понимания древнего стиля. Не удивительно поэтому, что, цитируя Л. С. Васильева, «начиная с Хань именно чтение и изучение классических канонов и необычайное уважение ко всем тем, кто был в состоянии читать и понимать их, положили начало подлинному культу грамотности и образования».

Фактически культ грамотности в Китае зародился одновременно с конфуцианством. Основы этого учения, как, кстати, и основы даосизма, были сформулированы представителями сословия ши — грамотных «служивых мужей», из которого вышли в большинстве своем китайские философы и духовные просветители, в том числе Конфуций и Лао-цзы. Эти ши состояли на государственной службе, подвизались, например, в качестве хранителей амбаров и архивов, занимали другие чиновничьи должности, правители их отличали за умение четко и связно излагать мысли — «неприукрашенные слова»; в период Борющихся царств даже стали считать, что ши известны тайны мироздания и «истинные» способы управления Поднебесной, поэтому престиж сословия и грамотности чрезвычайно возрос. В эпоху же Хань образованные люди, занимавшие государственные посты, сделались своего рода «мирскими жрецами», владея различными знаниями и мудростью.⁵² Чиновников,

⁵² Например, умением писать иероглифами. «В условиях развитой иероглифической письменности Китая письменный язык... крайне усложненный и непонятный простому человеку, не имел ничего общего с устной

успешно сдавших экзамены на должность, почитали едва ли не как святых, причем это касалось и тех, кто обладал высшей, третьей ученой степенью (цзиньши), и тех, кто получал первую, низшую степень — шэньюань (или сюцай). Все эти люди входили в особое сословие шэньши, которое, собственно, и управляло страной, а благодаря последнему обстоятельству именно образованность и ученая степень представлялись наивысшими ценностями, с каковыми не шли в сравнение ни богатство, ни личная доблесть. Ученые-чиновники шэньши «были в глазах народа наследниками и хранителями древней и великой мудрости конфуцианства, защитниками незабываемых традиций. После смерти их деяния обрастали легендами. Нередко они сами затем подвергались деификации и становились духами-покровителями того города, где прежде управляли. И именно эти легенды о добродетельных чиновниках всегда поддерживали в народе культ мудрых и справедливых шэньши» (Васильев).

Конечно, почтительное отношение к носителям и хранителям знания отнюдь не является сугубо китайским феноменом, оно известно всем без исключения традиционным обществам, которые чтит жрецов, мудрецов и философов, но, пожалуй, только в конфуцианском Китае сформировался подлинный культ знаний, отправление которого было неразрывно связано с социальной деятельностью.

Логичным следствием этого культа стало обожествление самого Конфуция.⁵³ Вскоре после его смерти в городке Цюйфу в провинции Шаньдун, неподалеку от места захоронения мудреца, был воздвигнут храм, а в 195 году до н. э. первый ханьский император Лю Бан совершил на могиле Конфуция торжественное жертвоприношение тай-лао (тройственная жертва, когда закалывали быка, барана и борова, считалась в Китае наиглавнейшей). В 267 году императорским указом было установлено четырежды в год совершать жертвоприношение тай-лао в честь Конфуция как на императорском алтаре в столице, так и в храме в Цюйфу. В 555 году был обнародован указ о возведении храмов Конфуция в каждом городе страны и о регулярных жертвоприношениях в этих храмах (позднее под влиянием буддизма в этих храмах появились скульптурные изображения Конфуция — точнее, его предполагаемого облика, поскольку прижизненных изображений мудреца не сохранилось). А в эпоху Сун постановили, что каждый соискатель ученой степени и чиновничьей должности обязан совершать жертвоприношения Конфуцию в городском храме в его честь, и с того времени Конфуций сделался официально признанным покровителем учености и чиновников. По замечанию Л. С. Васильева, «не будет преувеличением сказать, что при всем обилии богов и героев в средневековом Китае первое место во всекитайском пантеоне обожествленных принадлежало именно Конфуцию. И при всем том нет оснований считать, что Конфуций в средневековом Китае стал божеством в полном смысле этого слова... Для основной части апологетов конфуцианства, для образованных конфуцианцев, для ученых-чиновников и учащихся Конфуций был великим человеком, чьей необъятной и недостижимой мудрости они покло нялись не в силу слепой веры, а вследствие воспитанной веками искренней убежденности в непревзойденном совершенстве его идей и идеалов».

Так обстояло дело в кругу образованных людей. В народе же Конфуция почитали как божество, окружили его жизнь множеством легенд (так, утверждалось, что форма головы новорожденного Конфуция сулила ему великую судьбу — на голове у младенца было несколько бугорков, а посредине вмятина, как у одного из великих предков, Фуси, который

речью. Вычурный и необычайно трудный для усвоения, он был фактически обожествлен в касте его знатоков-ученых, ревниво оберегавших свои привилегии и не помышлявших об его упрощении» (Л. С. Васильев).

53 При этом при жизни Конфуция практического осуществления его идеи не получили. «Следует помнить, что Конфуций вошел в историю ярчайшим примером того, что нет пророка в своем отечестве. Мудрец, слава которого пережила не только века, но и тысячелетия, оказался неспособным привлечь к себе внимание хотя бы одного из современных ему правителей. И если потомки оценили по достоинству мудрость рекомендаций Конфуция и попытались применить их для лечения китайских бед, не следует удивляться, что поколение, которое отказалось принять эти целебные средства, ввергло себя в катастрофу» (А. Тойнби).

создал иероглифы, научил людей писать, читать и считать и готовить пищу на огне). Слова и поступки мудреца приобрели статус божественных заповедей и идеальных действий, которые следовало воспроизводить каждому человеку. Со временем культ Конфуция «раздвоился»: мудреца стали отождествлять с богом долголетия Шоусином, которого изображали в образе убеленного сединами старца, окруженного детьми; это толковалось как объединение нации вокруг великого учителя и наглядное проявление сыновней почтительности сяо.

Жертвоприношение Учителю Кунцзы. Гравюра.

Еще одним следствием — и поистине глобальным по масштабам — культа знаний в целом и культа Конфуция и конфуцианства в частности стало возникновение и укрепление культа Поднебесной как центра мироздания. В известной степени этот культ можно сопоставить с культом Рима как Вечного города. В Риме, как писал Жорж Дюмезиль, «история от основания города заменяла мифологию людям, для которых все ценности определялись их городом, и ни окружающий его мир, ни времена, которые ему предшествовали, не представляли особого интереса». Не мир для древних римлян ужасался до пределов города, как было в Вавилоне, но город охватил собой весь мир. Пламя пожара, погубившего Трою, из которой бежал «родоначальник» Эней, было одновременно пламенем мирового пожара, уничтожившего прежнее мироздание и очистившего его от скверны. Из этого пламени, подобно фениксу, и возник Вечный город, наследник Трои и «зидитель устоев и мерило ценностей» — как себе, так и всей Ойкумене. По Титу Ливию, величие Рима в веках обеспечила римская доблесть (*virtus romana*), объединяющая в себе справедливость (*justitia*), верность (*fides*), мужество (*honor*), умеренность (*moderatio*) и благочестие (*pietas*). «Бессмертным богам, — писал Ливий, противопоставляя римлян этрускам и македонянам, — любезны благочестие и верность, коими достиг своего величия римский народ».

Схожие представления обнаруживаются и в конфуцианском Китае. Поднебесная — центр мироздания и венец творения, окруженный безграмотными варварами, которые обязаны почитать Сына Неба и приносить ему дань. «Любые взаимоотношения конфуцианского Китая с его соседями на протяжении почти двух тысячелетий всегда рассматривались только и именно сквозь эту призму. Как только представители какого-либо племени или соседнего государства прибывали в Китай, специальное управление, ведавшее сношениями с иностранцами, рассматривало прибывших как данников. Даже в 1793 году, когда в Китай прибыло первое английское посольство, на кораблях, везших миссию по китайским водам, развевались флаги с надписью „Носитель дани из английской страны“... Судя по многочисленным записям в китайских средневековых хрониках, все такие визиты в Китай всегда воспринимались и фиксировались именно как явления данников, признание зависимости» (Васильев). В ином качестве окружающий мир жителей Поднебесной не интересовал, чему немало удивлялись, например, Марко Поло и отцы-иезуиты, основавшие в Китае свои миссии.

Даже внешние завоевания (монголы, маньчжуры) оказались неспособными изменить восприятие Поднебесной как центра мироздания. Китайская традиция попросту «переваривала» завоевателей, «окитаивала» их и способствовала вдобавок, как пишет Л. С. Васильев, «формированию в умах конфуцианских лидеров не только убеждения в величии, превосходстве и совершенстве китайской цивилизации, но и привычки считать все соседние народы кандидатами в китайцы. Восприятие же этими народами отдельных элементов китайской цивилизации лишь подтверждало, в глазах конфуцианских лидеров Китая, абсолютную справедливость подобной точки зрения».

Основы величия Рима по Титу Ливию можно сопоставить с теми характеристиками, которыми, по Конфуцию, должен обладать совершенный человек цзюньцзы: человечность,

чувство долга, сыновняя почтительность, уважение к древности, следование Дао и Ритуалу. Эти идеалы, ставшие со временем для китайцев заповедями наподобие Моисеевых, и сформировали конфуцианскую цивилизацию Китая — цивилизацию, о которой выдающийся английский историк Арнольд Тойнби писал: «Двухтысячелетняя посмертная власть Конфуция выдержала междуцарствие, последовавшее за падением империи Хань, вторжение варваров, победоносное шествие махаяны по новому дальневосточному миру и варварское вторжение более поздних времен. Единственной силой, которая может серьезно соперничать с конфуцианством за власть над китайскими умами, оказалась цивилизация Запада, насильственно вторгающаяся в жизнь Китая. Возможно, на некоторое время западное влияние действительно лишило Конфуция его трона, но, даже официально отстраненный, непобедимый мудрец продолжает властвовать инкогнито.⁵⁴ Ибо сущность конфуцианской социальной системы, учрежденной две тысячи лет назад, — это правление под эгидой учителя, авторитет которого с веками только возрастал и давно уже стал непререкаемым. Даже сейчас мы не можем утверждать, что настал конец его многовекового царства, без всяких ухищрений завоеванного древнекитайским мудрецом, после того как он потерял свой официальный пост в маленьком княжестве Лу».

Дракон, изображенный на парадном одеянии императора. Эпоха Цин.

Конфуцианство господствовало в Китае на протяжении тысячелетий и до известной степени продолжает господствовать и по сей день. Однако наряду с ним в стране существовали и продолжают существовать иные мифорелигиозные традиции, к числу которых принадлежит и принципиальный противник конфуцианства — даосизм.

Глава 3 НЕБЕСНОЕ ДАО: даосская традиция в мифологии

Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей.

Дао Дэ Цзин

Конфуцианство и даосизм. — Шаманические корни даосизма. — Трактат «Дао Дэ Цзин». — Дао и Дэ. — Мироздание даосов. — Паньгу. — Даосский пантеон. — Триада Сань хуан. — Хуанди. — Нефритовый император Юйди. — Лаоцзы. — Сиванму и Дунвангун. — Гора Куньлунь. — Царь обезьян Сунь Укун. — Бессмертие. — Духи тела. — Даосская алхимия. — Пилули бессмертия. — Бессмертные-сянь. — Восемь бессмертных. — Небесные девы. — Укротители демонов. — Бесы в даосизме. — Локальные божества и духи. — Представления о других народах. — Кумиры божеств. — Геомантия и фэн-шуй. — Даосизм и боевые искусства. — Даосские секты.

Подобно конфуцианству, даосизм в своем первоначальном, «исконном» виде являлся прежде всего философской системой. Однако если конфуцианство, пусть и оставаясь в среде мифологических представлений, практиковало сугубо прагматический, «земной» подход (вспомним хотя бы «превращение» древних богов в великих предков или лаконичный комментарий «Луньюй»: «Учитель не говорил о чудесах, силе, беспорядках и духах»), то учение даосов ab ovo являлось мистически-ориентированным, призывало к познанию Неведомого — первозданной полноты бытия, воплощенной в Великом Пути Дао. Прагматичность конфуцианства позволила этому учению со временем стать государственной

⁵⁴ Имеется в виду запрет конфуцианства как государственной идеологии, провозглашенный в 1912 г. вождем китайской революции Сунь Ятсеном.

идеологией, тогда как мистицизм даосов со временем оттеснил эту доктрину на периферию общественного сознания, фактически не позволил теориям даосов стать чем-то большим, нежели «духовной пищей для посвященных». При этом оба учения оказали и продолжают оказывать существенное влияние на китайскую культурную традицию; как пишет современный китайский исследователь, каждый китайский интеллигент, будучи в социальном плане конфуцианцем, в душе, подсознательно, всегда немного даос.

Даосский святой на облаках. Настенная роспись из храма Юнлэун.

Конфуцианство исповедовали прежде всего высшие слои общества и люди образованные, тогда как даосизм всегда был «ближе к народу», что и не удивительно: учение Конфуция изначально представляло собой «конструкт», намеренно созданную социально-этическую теорию управления государством, тогда как даосизм складывался в известной степени стихийно, вырастал из древних аскетических (если угодно, эскапистских), мантических, магических и шаманских практик и вбирал в себя бытовавшие «в обиходе» мифологические представления и суеверия. Именно стихийность и «народность» даосизма обеспечили ему популярность в массах — даже несмотря на различные метафизические и мистические «наслоения».

При внимательном рассмотрении в канонических даосских текстах и практиках нетрудно различить наследие архаической эпохи — в первую очередь шаманизма. Как писал Мирча Элиаде в работе «Шаманизм», «вполне вероятно, что даосы разработали и систематизировали шаманские идеологии и практики протоисторического Китая, и потому их следует считать более правомочными последователями шаманизма, чем заклинателей и медиумов. Даосизм ассимилировал значительно больше архаических техник экстаза (вхождения в шаманский транс. — *Ред.*), чем йога и буддизм, особенно если речь идет о позднем даосизме, сильно искаженном магическими элементами». Не меньшие влияния на формирование даосского учения оказали гадательные практики, квинтэссенцией которых стала знаменитая «Книга перемен» («И-цзин»), позднее причисленная к конфуцианскому канону, но разительно отличающаяся от других его сочинений.

Например, как не отметить сходство между описаниями Дао в «Дао Дэ Цзин» и таким афоризмом из «Книги перемен»: «Возврат исходит из Пути. Какая может быть в этом хула? Счастье!»

С точки зрения мифологии даосизм также выступает «наследником» шаманизма; в мифах даосов отчетливо прослеживаются характерные черты шаманской мифологии, суммированные в работах многих исследователей. Так, по Е. С. Новик (статья «Шаманская мифология» в энциклопедии «Мифы народов мира»), «центральная фигура шаманской мифологии — шаман, осуществляющий посредничество, медиацию между людьми и духами. В распоряжении шамана находится особая категория духов-помощников... Нередко духи-помощники выступают в образе птиц, рыб или наземных животных — символов различных сфер мироздания». В мифологии даосов аналогичную роль исполняют бессмертные (сянь), которым помогают птицы, звери и даже драконы. Вознесение бессмертных на небо вполне соотносится с шаманскими «странствиями души»; целительные способности шаманов также были «восприняты» даосизмом. Кроме того, даосизм, подобно конфуцианству, опирался на архаические мифы; но если конфуцианцы видели в древних богах великих предков, деяния и слова которых подлежат обязательному воспроизведению, даосы сохранили представление о богах — и значительно его расширили. Вдобавок даосизм, в отличие от конфуцианства, создал собственную мифологию, из которой впоследствии во многом выросла народная мифология средневекового Китая.

«Идеологическая» основа даосской мифологии изложена в трех знаменитых трактатах, которые считаются фундаментом даосского канона. Это трактаты «Дао Дэ Цзин»,

«Чжуанцзы» и «Лецзы». Авторство первого трактата традиция приписывает легендарному мудрецу Лаоцзы, старшему современнику Конфуция; два других трактата были написаны столетием или двумя позже. Именно в этих трактатах сформулировано представление о Дао — краеугольном камне даосской философии и даосской мифологии.

В «Дао Дэ Цзин» читаем: «Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О Лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной... Обозначая иероглифом, назову ее Дао; произвольно давая ей имя, назову ее Великим. Великое — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается к своему истоку... Человек следует законам земли. Земля следует законам Неба. Небо следует законам Дао, а Дао следует самому себе». Трактат «Лецзы» добавляет: «Не имеющее начала, но постоянно рождающее, — это Дао». Трактат «Чжуанцзы» гласит: «Существует начальное, существует еще не начавшееся начальное, существует и никогда не начинавшееся безначальное» (Дао).

Как упоминалось в предыдущей главе, представление о Дао сложилось в Китае в глубокой древности, упоминания о нем встречаются еще в «Книге перемен». Конфуцианцы трактовали Дао как путь морального совершенствования, олицетворение верховных законов Неба, которые предписывают создание в обществе определенного порядка. Согласно же учению даосов, Дао — всеобщий закон природы, «одно, все и ничто», которое проявляется в «материальной форме» через Дэ — буквально «добродетель».

Схема взаимного преобразования Беспредельного и Великого Предела. Рисунок из средневекового даосского трактата.

Будучи «всем и ничем», Дао создает мир. Процесс миротворения в «Дао Дэ Цзин» описан весьма лаконично: «Дао рождает одно, одно рождает два, два рожают три, а три рожают все существа. Все существа носят в себе Инь и Ян, наполнены Ци и образуют гармонию». Этот весьма темный по смыслу афоризм обычно толкуется следующим образом. Дао порождает космическую энергию Ци, из которой состоит все в мире. Из энергии Ци возникают мужское и женское начала — Ян и Инь. Ян и Инь, в свою очередь, создают три «базовых элемента» мироздания — Небо, Землю и Человека, из сочетания которых и происходит мир. Причем все эти метаморфозы возможны только благодаря Дэ, поскольку «Дао рождает вещи, Дэ вскармливает их, взращивает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их».

Гармоничный мир — социальный идеал даосов, их «золотой век», главная отличительная черта которого — не мудрость древних великих предков, как у конфуцианцев, а природная простота и естественность. Как писал видный отечественный синолог Е. А. Торчинов, «каждая вещь, дойдя до предела своего созревания, возвращается в сокровенную глубину первопринципа Дао. Однако человек может с этого Пути, отступать от него, нарушая первозаданную простоту естественности как своего бытия, так и вселенной. Проявляется это и в приверженности к многознанию, созданию усложненных социальных институтов».

Что касается «зримой» структуры мироздания, рожденной Дао и воплощенной Дэ, эта структура зафиксировала шаманские представления о трех сферах — верхнем мире (Небо), земле и нижнем мире (подземный мир). Эти три сферы связаны между собой мировой горой Куньлунь, которая у даосов считалась местопребыванием первого бессмертного Хуанди и местом жительства Владычицы Запада Сиванму. Также мировой горой считалась гора Тайшань, владыка которой хранил золотые шкатулки с нефритовыми пластинами, содержащими записи о сроках жизни людей. Известны также мифы о трех горах-островах Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан. Согласно трактату «Лецзы», «к востоку от залива Бохай, в

скольких миллиардах ли — неведомо, есть огромная пропасть, пучина, поистине бездонная. У нее не было дна, и называлась она Гуйсуй. В нее стекали все воды — со всех восьми сторон света, девяти пустынь и Небесной реки, а она [пучина] все не увеличивалась и не уменьшалась. Там пять Гор. Первая называлась Колесница Преемства (Дайюй), вторая — Круглая Вершина (Юаньцзяо), третья — Квадратная Чаша (Фанху), четвертая — Обитель Красавиц (Инчжоу), пятая — Приют Презревших Блага (Пэнлай). Окружность каждой горы сверху донизу — тридцать тысяч ли, плато на вершине — девять тысяч ли, расстояние между горами — семьдесят тысяч ли, а [горы] считались соседями. Там все башни и террасы — из золота и нефрита, все птицы и звери — из белого шелка, деревья — из жемчуга и белых кораллов растут кущами, у цветов и плодов чудесный аромат и вкус. Кто их отвеживал — не старился, не умирал. Жили там все бессмертные, мудрые. Сколько их там за день и за ночь друг к другу летало, нельзя и сосчитать. Основание же пяти Гор ничем не укреплялось. [Они] двигались вверх и вниз, туда и сюда по волнам вместе с приливом, не останавливаясь даже на время. От этого бессмертные и мудрые заболели и стали жаловаться богу. Боясь, как бы [острова] не уплыли на крайний запад и не исчезла обитель мудрых, бог приказал Обезьяне-силачу (бог Юйцян „Каталога гор и морей“. — *Ред.*) отправить пятнадцать гигантских черепах, чтобы держали на головах горы; [приготовить] три смены, каждая по шестьдесят тысяч лет. Тогда только пять гор встали неколебимо. Но тут великан из царства Лунбо поднял ногу и полного шага не сделал, как очутился у пяти Гор. На один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил всех вместе на спину и пошел. Унес в свою страну и обжег их панцири для гадания. И тогда две горы — Колесница Преемства и Круглая Вершина — уплыли на северный край [полнос] и погрузились в океан. Тьмы бессмертных и мудрых остались без пристанища. В большом гневе бог уменьшил царство Лунбо, чтоб страдали от тесноты; уменьшил и народ Лунбо, сделал людей короче. Во времена же Готовящего Жертвенное Мясо и Священного Земледельца жители этой страны еще были ростом в несколько десятков чжанов». Эти горы трактовались как плавающие в океане обители бессмертных, причем вера в их существование была настолько сильна, что император Цинь Шихуанди — тот самый, который приказал сжечь конфуцианские сочинения, — отправил на поиски гор-островов целую экспедицию; ей вменялось в обязанность найти острова и добыть снадобье бессмертия. Позже найти эти острова — и тоже безуспешно — пытался и император У-ди.

Карта очищения сердца и возврата энергии во внутренние органы. Гравюра (XVII в.).

Под влиянием буддизма в позднем даосизме сложилось представление о делении верхнего мира на три сферы («три чистоты», Сань Цин) — Юйцин («нефритовая чистота»), Шанцин («верхняя чистота») и Тайцин («великая чистота»).

Лаоцзы, основатель даосизма.

В сфере Юйцин обитают совершенномудрые (шэн), сфера Шанцин доступна святым (чжэнь), а в сферу Тайцин поднимаются бессмертные (сянь). Божество сферы Юйцин — Юаньши тяньцзунь («изначальный небесный владыка»); в народной мифологии его отождествляли с Нефритовым императором Юйди. Божество сферы Шанцин — Тайшан Даоцзунь («верховный государь Дао»), оно управляет временем и взаимодействием сил Инь и Ян. Божество сферы Тайцин — Тайшань Лаоцзунь («верховный старый государь»); это божество отождествляли с Лаоцзы.

Наконец следует упомянуть о том, что именно в даосской традиции возник миф о Паньгу, из тела которого был сотворен мир (см. главу 1) и которого даосы почитали как члена

триады верховных богов, наряду с Хуанди (или Юйди) и Лаоцзы. По замечанию Л. С. Васильева, миф о Паньгу обнаруживает отчетливые параллели с афоризмом трактата «Дао Дэ Цзин», повествующим о миротворении. «Вначале был первозданный хаос. В этом хаосе самозародился великан Паньгу (Дао рождает одно). Прошло 18 000 лет и начала создаваться вселенная. Все легкое в хаосе, все чистое (Ян) поднялось наверх и образовало Небо, все мутное, тяжелое (Инь) опустилось вниз и превратилось в землю (одно рождает два). Небо со временем все выше поднималось над землей, и все более вырастал стоявший между небом и землей Паньгу (два рождает трех)». Миф о Паньгу, «единственный китайский миф о творении мира», по выражению современного исследователя, представляет собой продукт сознательного творчества, который со временем приобрел широкую популярность и стал восприниматься как «подлинный» миф. Не удивительно поэтому, что Паньгу со временем вошел в даосский пантеон и стал почитаться как один из верховных богов.

Пантеон даосизма складывался, образно выражаясь, одновременно «сверху» и «снизу»: с одной стороны, его составляли и пополняли «умозрительные», «философские» божества, которых прославляли ученые трактаты, а с другой — боги, «позаимствованные» у древней мифологии, равно как и бесчисленные святые, бессмертные, герои и духи. В итоге этот пантеон разросся до поистине гигантских размеров и включил в себя, по словам Л. С. Васильева, «богов высшего и среднего ранга, более мелких божеств, а также многочисленных бессмертных, святых, великих личностей прошлого и совершенно неисчислимых героев и духов-покровителей». Причем, как уточняет тот же источник, «в число даосских божеств и героев автоматически включались все хоть сколько-нибудь почтенные и почитаемые духи, мифические деятели, правители и герои древности, даосские проповедники и бессмертные, наконец, просто добродетельные или чем-то прославившиеся местные жители, чиновники и др. К ним принадлежали и все духи и мистические сверхъестественные силы, которые в обилии конструировались и обожеествлялись даосскими астрологами, медиками, алхимиками». Расширению пантеона немало способствовало и то обстоятельство, что «для канонизации всех этих духов, божеств и героев не требовалось ни вселенских соборов, ни благословения властей и авторитетов, ни даже обязательной всеобщей известности или всенародного одобрения. В сущности, обычное уважение к любой незаурядной личности или распространившиеся после смерти человека слухи об активности его духа (является кому-то во сне, содействует в чем-либо) служили вполне достаточным основанием для деификации умершего. В его честь строили храм, где помещали статую или иконографическое изображение обожеествленного. На алтарь приносили жертвы. Храм обслуживался даосским монахом. Так обычно и возникал новый культ. И хотя влияние такого локального божества или героя-покровителя не выходило, как правило, за пределы данной местности (иногда даже лиц определенной профессии — например, рыбаков или моряков прибрежного города), это нисколько не умаляло его достоинств и не снижало его значения».

Разумеется, такое обилие божеств, божественных и полубожественных персонажей существенно затрудняло их систематизацию и классификацию даже в древности. Известны несколько попыток классификации даосских божеств, зачастую противоречащих друг другу — верховные боги одной классификации, например, оказываются всего лишь «рядовыми» богами в другой системе, а родоначальник даосизма Лаоцзы признается то членом великой даосской триады, то не более чем легендарным героем древности. Так или иначе, даосский пантеон слишком огромен, разнообразен и аморфен, чтобы можно было упорядочить его в соответствующую иерархию (хорошо знакомую европейцам, к примеру, по классической мифологии — старшие боги, олимпийские боги, полубоги и герои). Тем не менее с известной степенью условности в этом чрезвычайно обширном и «разномастном» пантеоне можно вычленил три категории божеств — это высшие божества («абстрактные» боги и боги-«личности»), божества-бессмертные, а также «локальные» боги, святые и духи. В дальнейшем изложении мы будем придерживаться именно этой классификации, поскольку

она позволяет хотя бы в малой степени сориентироваться в «райской пестроте»⁵⁵ даосских божеств.

Божества даосов (XV в.).

С известной уверенностью можно утверждать, что во главе пантеона даосов стояла великая триада Сань хуан, то есть «три государя». В древнем Китае к Сань хуан причисляли богов Нюйва, Фуси и Шэньнуна; впрочем, имелись и другие варианты триады, неизменным членом которой оставался лишь Фуси, а в его «товарищах» выступали и Суйжэнь (легендарный изобретатель огня), и бог вод Гунгун, и бог пламени Чжунун. В даосизме первоначально сложилось представление о «трех единственных» — абстрактных божествах, олицетворявших, подобно древнеиранским Ахура-Мазде и Амеша Спента, некие трансценденции: к «трем единственным» (Сань и) относили небесное начало Тянь-и, земное начало Ди-и и высшее начало Тай-и. Последнее божество, как комментирует Б. Л. Рифтин, «в даосских сочинениях выступало отцом Дао, предшествующим небу и земле, находящимся над всеми девятью небесами, в великой чистоте. Это — некое первоначальное дыхание, дающее миру и всем существам жизнь. Несмотря на такое абстрактное понимание, божество описывали как существо с телом петуха и человеческой головой».

Несложно предположить, что Тай-и и подобные ему «умозрительные» боги оставались божествами философских и алхимических трактатов; в народном же даосизме, который с течением времени приобретал все большую популярность, эти абстракции очеловечивались и тем самым становились ближе и понятнее людям. Так возникли боги-«личности». Применительно к Сань хуан это «очеловечивание» выразилось в возникновении представления о властителях неба, земли и людей — Тянь-хуане, Ди-хуане и Жэнь-хуане. У Тяньхуана 13 голов, у Ди-хуана — 11, у Жэнь-хуана — 9 голов (возможно, количество голов каждого божества равно числу сфер его влияния). Любопытно, что в трактате «Сокровенная книга о восьми государях — пещерных духах» упоминаются уже не три, а девять правителей: это древнейшие владыки Чу тянь хуан цзюнь («первый владыка — государь неба»), Чу ди хуан цзюнь («первый владыка — государь земли») и Чу жэнь хуан цзюнь («первый владыка — государь людей»); затем идут «средние» правители — Чжун тянь хуан цзюнь («средний владыка — небесный государь»), Чжун ди хуан цзюнь («средний владыка — государь земли») и Чжун жэнь хуан цзюнь («средний владыка — государь людей»); замыкают список Хоу тянь хуан цзюнь («поздний владыка — государь неба»), Хоу ди хуан цзюнь («поздний владыка — государь земли») и Хоу жэнь хуан цзюнь («поздний владыка — государь людей»)⁵⁶. «Средние» владыки унаследовали архаическую зооморфность и многоголовость первой «очеловеченной» триады властителей — у Чжун тянь хуан цзюня змеиное тело и 13 человеческих голов, у Чжун ди хуан цзюня тело змеи и 11 человеческих голов, у Чжун жэнь хуан цзюня тело дракона и 9 человеческих голов. Именно «средним» владыкам трактат приписывает власть над духами и бесами: в подчинении у государя неба 100 миллионов 9 тысяч небесных воинов и 12 тысяч бесов, государю земли подвластны 100 миллионов 9 тысяч горных воинов, а также все драконы, змеи, крокодилы и черепахи, государь людей повелевает 100 миллионами 9 тысячами земных воинов, душами всех предков семи поколений и душами людей, погибших насильственной смертью. Кроме того, Чжун жэнь хуан цзюню подчинялись три чиновника Сань гуань — Тянь-гуань, или Небесный чиновник,

55 Г. Гессе употребил это выражение применительно к индуистскому пантеону, однако и в контексте даосской мифологии оно более чем уместно.

56 Эти «поздние» владыки отождествлялись соответственно с Фуси, Нюйва и Шэньнуном. У двух первых змеиные тела и человеческие головы, а у третьего тело человека и голова быка.

Дигуань, или Земной чиновник, и Шуй-гуань, или Водный чиновник. Этих чиновников соотносили с представлением о Сань юань — трех началах, то есть небе, земле и воде. Считалось, что Тянь-гуань дарует счастье, Ди-гуань отпускает грехи, а Шуй-гуань отводит беды; чиновников Сань гуань обычно изображали вместе, в чиновничьих нарядах и с дощечками для записей в руках.

Дальнейшая «конкретизация» абстрактных представлений о властителях Сань хуан привела к тому, что великую триаду стали составлять не «умозрительные» божества, а легендарные обожествленные предки — Лаоцзы, Хуанди и Паньгу; позднее место Хуанди занял Нефритовый император Юйди (или Юйхуан шанди). Лаоцзы в этой триаде иногда звался именем Лаоцзюнь Тайшань — властитель священной горы Тайшань, а Паньгу вытесняли такие боги, как Тай-ши или Тай-и.

Принадлежность Паньгу к даосской великой триаде Сань хуан, очевидно, объясняется тем, что культ этого божества как творца мироздания широко распространился в народном даосизме. Нетрудно объяснить и принадлежность к этой триаде Лаоцзы — родоначальника учения даосов. А вот присутствие в триаде Сань хуан Желтого предка Хуанди вызывает некоторое недоумение. Конфуцианская традиция, как говорилось в предыдущей главе, превратила древнего небесного бога в мифического первопредка, культурного героя, изобретателя одежды, стрел, лука, иероглифической письменности и календаря, мудрого правителя, олицетворявшего собой «золотой век». Даосы, вероятнее всего, обратились к мифам о Хуанди, культ которого сохранял широкую популярность, в поисках «инструмента» для распространения своего учения. Они «вернули» Хуанди божественность и провозгласили его первым бессмертным, который постиг Дао и улетел на драконе на небеса, а также покровителем даосского учения наряду с Лаоцзы. Это представление со временем стало широко известным, и, к примеру, у Сыма Цяня говорится, что даосские философы «изучали учение Хуан-Лао (то есть Хуанди и Лаоцзы. — Ред.) о Дао и Дэ».

Лаоцзы с символами Инь и Ян. Китайская народная картина.

В трактате «Хуайнаньцзы» о временах правления Хуанди говорится: «Некогда Желтый предок управлял Поднебесной, а помогали ему Лиму и Тайшань-цзи. Они упорядочили движение солнца и луны, урегулировали [чередование] эфира Инь и Ян, расчленили границы четырех сезонов, определили календарный счет, провели различие между мужчиной и женщиной, обозначили разницу между самками и самцами, внесли ясность в положение высших и низших, установили деление на благородных и худородных, повелели сильным не нападать на слабых, многим не чинить бесчинств над немногими. И тогда народ сохранял свою жизнь и не умирал преждевременно. Урожай вовремя созревал и не было стихийных бедствий. Все чиновники были справедливы и не знали корысти. Высшие и низшие жили в гармонии, и никто не превосходил другого. Законы и распоряжения были ясны и не было в них темного. Советники и приближенные радели об общем благе и не разделялись на партии. Владельцы полей не покушались на чужие межи, рыбаки не боролись за излучины, на дорогах не отнимали чужих вещей, на рынках торговали без запроса, крепостные и городские стены не запирались, а в городах не было разбойников и воров. Небогатые люди уступали друг другу свое имущество, а собаки и свиньи выблеивали бобы и зерно на дорогу. И не было в сердцах злобного соперничества. Тогда солнце и луна были кристально ясны, звезды и созвездия не сбивались в движении, ветры и дожди приходили вовремя, злаки вызревали, тигры и волки зря не кусались, хищные птицы зря не нападали. Фениксы спускались на подворье, единороги бродили в предместьях, сине-зеленого дракона впрягали в упряжку, фэйхуан (вид феникса. — Ред.) мирно склонялся над кормушкой, северные варвары не смели не прийти с данью». Трактат «Чжуанцзы» лаконично сообщает: «В старину Желтый предок встревожил сердца милосердием и справедливостью» — и вкладывает в уста Хуанди такое

изложение сути учения о Дао: «Мелодию я начал со страха, страх и вызывает наваждение. Затем я снова заиграл ленивее, ты предался бездействию, поэтому все и отступило. В заключение же я вызвал смятение. От смятения приходят к омрачению, от омрачения — к Пути. Путем можно наполниться и с ним пребывать».

Боги трех религий. Бумажная икона (мачжи) (XX в.).

В позднем даосизме Хуанди уступил место во главе пантеона Нефритовому (или Яшмовому) императору Юйди. Яшма с архаических времен считалась в Китае воплощением «предельного Ян», «семенем дракона» в земле. Китайцы верили также, что звучание яшмы способно немедленно возродить в человеке духовную гармонию. Поэтому не удивительно, что верховное божество пантеона получило имя Нефритового императора. Культ Юйди сложился на рубеже I и II тысячелетий нашей эры.⁵⁷ Известно, что танский император Чжэнцзун особым указом в 1012 году включил это божество в состав государственного пантеона. Юйди обычно изображали сидящим на троне в церемониальном императорском халате, расшитом драконами, и с нефритовой дощечкой в руках; при этом лицо его, как подобает истинно великому даосу, лишено всякого выражения. Обителю Юйди мыслился небесный дворец на высшей из всех сфер небосвода; из этого дворца Юйди управлял всеми небесами, землей и подземным миром, повелевал божествами и духами. В управлении ему помогали существовавшие при дворце управы — например, управа грома (Лэйбу), управа пяти священных пиков (У юэ) и т. п.

Как синкретическая фигура, Юйди «унаследовал» многое от своих предшественников во главе пантеона. В частности, легенда о его рождении заставляет вспомнить многочисленные упоминания о подобных случаях в «Каталоге гор и морей», а дидактический финал этой легенды представляет собой явный результат мифотворчества даосов. Согласно легенде, Нефритовый император — сын царицы некоего малого царства. Женщина долгое время не имела детей и молила Небо о милосердии. Однажды ночью ей привиделся сон: с небес к ней спустился бог Тайшань (или Лаоцзы) на пятицветном драконе. В руках у него был ребенок. Обрадовавшись, женщина попросила Тайшаня отдать младенца ей. Проснувшись, она обнаружила, что беременна. Через год родился мальчик. Став взрослым, он занял трон отца, покрыл свое имя славой, но потом ушел в горы, сделался отшельником и достиг бессмертия, после чего своими добродетелями и заслужил право занять Яшмовый престол в небесном дворце.

Впрочем, другая легенда, более ранней эпохи Сун, гласит, что некогда жил человек, владевший искусством магии и отличавшийся дурным поведением. После смерти он раскаялся и исправился и со временем был провозглашен Нефритовым императором, а затем явился в вещем сне одному из «земных» императоров, после чего его культ был объявлен государственным.

Три совершенных государя-первопредка. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Верхний ряд (слева направо): Хуанди, Фуси, Шэньнун. Внизу: духи-помощники.

Как пишет Л. С. Васильев, «Юйхуан шанди стал одним из наиболее видных и популярных божеств в стране и в народе. Его стали почитать в качестве главы всекитайского

⁵⁷ По замечанию Б. Л. Рифтина, образ Юйди, вероятно, сложился под определенным влиянием образа индийского громовника Индры (кит. Шиди), культ которого проник в Китай с буддизмом.

пантеона, причем даосы и буддисты боролись за то, чтобы считать его по происхождению „своим“. Видимо, именно в ходе этой борьбы стали рождаться новые легенды о происхождении Юйхуана. И, судя по всему, верх одержали даосы, которые объявили Юйхуана своим высшим божеством, а даосского патриарха — его земным заместителем и пророком».

Главенство Юйди в пантеоне иногда подвергалось сомнениям, а на культ этого божества устраивались гонения — прежде всего, по политическим соображениям. Так, в эпоху Мин (XIV–XVI вв.) культ Юйди был фактически отменен, а в эпоху Цин (XVII–XX вв.) — официально запрещен как еретический. Однако в народе поклонение Нефритовому императору сохранялось, день рождения божества — 9-е число 1-го месяца года — торжественно отмечался в городских храмах и в домашней обстановке.

Третьим членом даосской великой триады богов, наряду с Хуанди (Юйди) и Паньгу, считался основоположник даосизма Лаоцзы. Имя этого полубогородительного⁵⁸ философа можно перевести как «Старый ребенок»; существует легенда, объясняющая происхождение его имени. Согласно этой легенде, Лаоцзы провел в утробе матери несколько десятков лет (или даже 81 год) и родился уже седым старцем; причем зачат он был от пятицветной жемчужины, в которой была сконцентрирована космическая энергия Ци и которую проглотила его мать. Существует и множество других легенд о жизни, поступках и словах Лаоцзы, и все они говорят о его особом положении среди людей — особом настолько, что даже «совершенно мудрый» Конфуций считал себя обязанным учиться у «Старого ребенка». В «Исторических записках» Сыма Цяня этот эпизод описан так: «Конфуций отправился в Чжоу, чтобы осведомиться о ритуале у Лаоцзы. Лаоцзы сказал: „Того, о чем вы спрашиваете, уже почти не осталось. Так от человека остается гниющий труп и [когда-то] произнесенные речи. К этому добавлю: в благоприятные времена совершенно мудрый разъезжает на колеснице, а в неблагоприятные — ходит пешком с тяжелой поклажей. Я слышал, что хороший торговец прячет подальше [свои товары], как будто [у него] ничего нет, а совершенно мудрый, обладающий многими добродетелями, внешне стремится выглядеть глуповатым. Отбросьте вашу заносчивость и необузданные желания, [откажитесь] от напыщенных манер и низменных страстей — все это не принесет вам пользы. Вот и все, что я хочу вам сказать“. [Конфуций] ушел [и] сказал ученикам: „Я знаю, что птица умеет летать, что рыба умеет плавать, а дикий зверь умеет бегать. Бегающих можно поймать в капкан, плавающих выловить сетью, летающих сбить стрелой. Что же касается дракона, то я не могу понять, как он, оседлав ветер и пронзая облака, устремляется к небесам. Я сегодня виделся с Лаоцзы, который подобен дракону!“» В эпоху острого соперничества даосизма с буддизмом появилась легенда о том, что Лаоцзы побывал в Индии и чудесным образом оплодотворил спавшую мать принца Гаутамы, вследствие чего на свет родился Будда.⁵⁹ По замечанию Л. С. Васильева, «все эти легенды и описания встреч построены и поданы таким образом, что очень напоминают намеренные интерполяции и потому не заслуживают большого доверия». (Впрочем, это точка зрения ученого; применительно к божественному статусу той или иной фигуры единственным критерием истинности может служить — и служит — только вера.) Так или иначе, культ Лаоцзы сложился уже в раннем даосизме, и основоположник даосского учения был признан одним из верховных божеств пантеона.

Широко известно предание об отъезде Лаоцзы «на запад», случившемся в конце долгой, почти двухсотлетней жизни мудреца. По этому преданию, начальник пограничной заставы обратился к Лаоцзы с просьбой оставить по себе на память хоть что-нибудь. И Лаоцзы, вняв просьбе, оставил трактат «Дао Дэ Цзин», «Книгу о Дао и Дэ»; записанная на бамбуковых планках, она занимала три телеги и составляла 5000 иероглифов.

58 В отличие от Конфуция, историческая реальность которого не подлежит сомнению.

59 В царствование монгольского хана Хубилая (XIII в.) китайские буддисты добились указа о запрещении и сожжении книги «Лаоцзы обращает варваров», в которой излагалась эта легенда.

В отличие от боговдохновенных Библии и Корана, трактат «Дао Дэ Цзин» не является священной книгой; это философский трактат, пусть и составленный божественным (или обожествленным) существом. В нем не содержится ни божественных заповедей, ни предписаний Ритуала (в конфуцианском смысле этого термина); это «всего лишь», по выражению французского сиолога А. Масперо, размышления «меланхолического мистика». Тем не менее этот трактат стал идеологической основой философского и — позднее — религиозного даосизма (или сянь-даосизма, то есть даосизма, связанного с поисками бессмертия).

В даосском пантеоне Лаоцзы присутствовал одновременно в двух ипостасях: как верховное божество, олицетворявшее Дао (Тай-чу — Великое Начало), и как обожествленный мудрец (в этой ипостаси он звался собственным именем или именем Тайшань Лаоцзюнь — бессмертный дух-покровитель горы Тайшань). При этом его место в великой триаде богов было неоспоримо: если Хуанди «чередовался» с Юйди, а Паньгу мог «подменяться» Тай-ши, Лаоцзы (или Лаоцзюнь) непременно упоминался как постоянный член триады.

Каменное изваяние Лаоцзы. Провинция Фуцзянь.

Помимо божеств великой триады, к верховным богам даосского пантеона относились и такие фигуры, как Владычица Запада Сиванму⁶⁰ и ее супруг Дунвангун. Подобно Хуанди, Сиванму — архаическое божество, образ которого был переосмыслен даосами. В «Каталоге гор и морей» о Владычице Запада говорится, что она «похожа на человека, но с хвостом барса, клыками как у тигра, любит свистеть; на всклокоченных волосах надеты украшения. Она управляет небесными эпидемиями и пятью наказаниями» и живет в пещере на священной горе Куньлунь. Лаоцзы говорил, что этой богине подвластны все люди, кроме мудрецов, святых и даосов. Именно к этой архаической богине отправился за снадобьем бессмертия Лучник И. Юань Кэ комментирует этот сюжет следующим образом: «Почему же Сиванму, насылавшая мор и ведавшая наказаниями, имела снадобье бессмертия? Человеческая жизнь зависела от болезней и наказаний. Сиванму могла отнять жизнь, но могла и подарить ее. И в древнегреческих мифах бог солнца Аполлон не только распространял болезни, но и исцелял их. Поэтому люди верили, что у Сиванму хранится снадобье бессмертия, и счастливцев, добывший и проглотивший его, может жить вечно». Вполне вероятно, что миф наделил Сиванму обладанием снадобьем бессмертия по той причине, что местом жительства богини считалась гора Куньлунь, где, согласно тому же «Каталогу гор и морей», росло дерево бессмертия. Так или иначе, архаический образ зооморфной богини, владеющей плодами вечной жизни, бытовал в китайской традиции на

⁶⁰ Французский сиолог А. Форке отождествлял Сиванму с библейской царицей Савской — на том основании, что царица Савская правила «к западу» от Китая. А по замечанию отечественного сиолога А. А. Маслова, «предположительно ранний „дикий“ облик Сиванму соотносится с каким-то древним не китайским племенем, обитавшим на западе от основного очага китайской культуры. Речь может идти не о „западе“, что встречается в имени Сиванму (иероглиф „си“), а о народе си — скифах, которые жили в северном Причерноморье. Точно так же в словаре „Эръя“ образ Сиванму ассоциируется с некими отдаленными пространствами на Западе, где жили народности, говорящие на иранских языках, в том числе и некие сэ, предположительно сака на персидском. Считается, что сэ происходили из окрестностей гор Цзянь, что в нынешней провинции Ганьсу, а затем постепенно переместились западнее, окончательно утратив всякую связь собственно с легендой о Сиванму. Существует еще один указатель на возможное родство сэ с Сиванму. Как считалось, именно сэ были как-то связаны с Древним Вавилоном и впервые принесли архитектуру знаменитых висячих садов Вавилона. А по китайским преданиям, на высших отрогах Куньлуна, где обитала Сиванму, существовали именно висячие сады. По другим предположениям, вполне возможно, что китайская богиня Сиванму была не кем иной, как одной из правительниц царства Куши из Мероэ, где найдены захоронения по крайней мере пяти правительниц, царствовавших в период от III в. до н. э. до I в. н. э.».

протяжении столетий, причем Владычице Запада поклонялись прежде всего как богине болезней и эпидемий. По мнению американского синолога Г. Дабса, «популярность культа Сиванму способствовала тому, что даосы превратили ее в свою богиню, придав ей несколько иную „специализацию“, превратив ее в богиню бессмертия».

Владычица Запада Сиванму. Изображение эпохи Хань.

Трансформация представлений о Сиванму случилась приблизительно на рубеже нашей эры. В историческом сочинении «Жизнеописание сына Неба Му» подробно описывается путешествие на запад чжоуского правителя Му-вана: он достиг горы Куньлунь и повстречался с богиней, которая уже лишилась зооморфного облика и превратилась в писаную красавицу, наделенную изяществом манер: «В день и-чоу император угощал вином Сиванму на берегу Яшмового пруда. Сиванму спела императору песню, он ответил ей. Потом император поднялся на гору Яньшань и там записал свои деяния на камне. Он посадил там акацию, а на краю камня написал: „Гора Сиванму“. Вернувшись с горы Сиванму, он погрузился в печаль и прочитал об этом стихи». Сиванму стали считать воплощением «женской» (иньской) составляющей космической энергии Ци. Ее часто изображали рядом с зайцами, толкущими в ступах снадобье бессмертия; это снадобье, согласно преданиям, получается из персиков бессмертия, растущих в саду на горе Куньлунь.

Владычица Запада Сиванму. Рельеф из Сычуани. Эпоха Хань.

Как воплощению Инь богине Сиванму требовалась пара-Ян. Так у богини появился супруг — бог востока Дунвангун, или Дунванфу (Сиванму, напомним, считалась хозяйкой запада). Если Сиванму, как владычица запада, покровительствовала металлам, то Дунвангун считался владыкой дерева (в схеме взаимосвязей пяти первоэлементов запад соотносился с металлом, а восток — с деревом). Некоторые исследователи видят в Дунвангуне «преображенного» правителя Мувана — того самого, который беседовал с Сиванму на берегу Яшмового пруда. Обычно Дунвангуна изображали рядом с Сиванму, но если богиню рисовали писаной красавицей с заколками в волосах, то бог, как правило, представлял в получеловеческом-полузверином облике — человеческое тело, птичья голова и тигриный хвост.

О саде на горе Куньлунь замечательно сказал великий китайский поэт Ли Бо:

Стремнина персиковых лепестков,
Летящих с обрыва в ущелье теней.
Лишь здесь — небеса, и земля — только здесь,
А не среди людей!⁶¹

Первоначально дарующими бессмертие считались не персиковые, а некие особые деревья, растущие в саду Сиванму: они цвели единожды в три тысячи лет, и из их плодов и готовили эликсир бессмертия. Однако со временем эти деревья были отождествлены с персиковыми, и так сложилось представление о паньтао, или саньтао, — чудесном персике бессмертия, хозяйкой которого является Сиванму, угощающая персиками других божеств и бессмертных. В знаменитом эпическом романе У Чэнъэня «Путешествие на Запад» рассказывается о множестве чудесных деревьев в саду Сиванму:

61 Вопрос и ответ в горах. Перевод Э. В. Балашова.

«— Сколько же здесь деревьев? — спросил Великий Мудрец.

— Деревьев здесь три тысячи шестьсот, — отвечал Дух. — В начале сада растут деревья с мелкими цветами и небольшими плодами, их всего тысяча двести. Плоды на них созревают раз в три тысячи лет. Тот, кто вкусит эти плоды, превращается в бессмертного, познавшего истину; тело его становится крепким и легким. В центре сада растет еще тысяча двести деревьев. Цветут они в несколько слоев и имеют сладкие плоды, которые созревают раз в шесть тысяч лет. Тот, кто отведает этих плодов, остается навечно юным; он может свободно подниматься на облаках и туманах. И в конце сада вы увидите еще тысячу двести деревьев. Плоды у них пурпурного цвета, с бледно-желтыми косточками. Созревают они раз в девять тысяч лет, и тот, кто отведает этих плодов, становится равным небу и земле, вечным, как солнце и луна».

Гора счастья, море долголетия. Китайская народная картина из коллекции академика В. Л. Комарова. Даос-бессмертный (вероятнее всего, Дунфан Шо) плывет к острову Пэнлай — обители бессмертных.

Согласно мифам, добиться благосклонности богини и получить эти плоды в дар удалось Лучнику И, а вот обманом завладевали персиками даосский святой Дунфан Шо и главный герой романа «Путешествие на Запад» царь обезьян Сунь Укун. Дунфан Шо — божество звезды Суйсин (планеты Венера); в качестве советника он служил императору У-ди и прославился своими познаниями в магии. Когда богиня Сиванму, желая отметить величие У-ди, нанесла императору визит, Дунфан Шо исхитрился похитить у нее персик бессмертия, чтобы поразить своего господина; за эту провинность он был на время изгнан с небес. Что касается Сунь Укуна, этого персонажа следует отнести к категории «фольклорных божеств» (термин В. В. Малявина⁶²). В романе «Путешествие на Запад» он выступает как спутник ученого монаха Сюань-цзана, однако описаниям его походов уделено столько места, что нередко именно Сунь Укуна считают главным героем этого романа. По преданию, Сунь Укун нанялся в услужение к Нефритовому императору, который поставил его охранять персиковый сад богини Сиванму. В канун пира, который богиня устраивала для других божеств и бессмертных, Сунь Укун съел все персики в саду, потом обманом проник в небесный дворец и выпил приготовленный для небожителей эликсир бессмертия; обуздать возгордившегося царя обезьян сумел только бог воды Эрлан — «исключительно благодаря милости Неба и отваге небесного воинства». Сунь Укуна доставили в небесный дворец, где он попытался вырваться на свободу, но был схвачен, низвергнут на землю и придавлен горой Усиншань, причем это деяние совершил не кто иной, как Будда:⁶³ «Только было он [Сунь Укун] собрался совершить прыжок, как Будда неожиданно перевернул ладонь и вытолкнул царя обезьян прямо к Западным воротам неба. После этого он превратил пять своих пальцев в пять элементов: металл, дерево, воду, огонь и землю, а из этих пяти элементов сделал гору, состоящую из пяти пиков и с пятью вершинами и назвал ее Усиншань, что значит Гора пяти элементов. Гора в момент накрыла Сунь Укуна». Об этом подвиге Будды сложили такие стихи:

Когда-то под влиянием природы
Царь обезьян родился из яйца.
Усовершенствовать себя хотел он

62 «Фольклорными божествами условно названы персонажи народного пантеона, которые не имели своих организованных культов, зато оказали заметное воздействие на искусство и литературу Китая».

63 О влиянии буддизма на китайскую мифологию см. следующую главу.

И степени достигнуть мудреца.

Навеки, несмотря на все старанья,
Без измененья оставался он,
Теперь же пожелал он измениться,
Но был в беде бессильем поражен.

Хотел нарушить он законы Неба
И захватить в небесном царстве власть,
Он обманул бесстыдно Лаоцзюня,
Чтоб эликсир бессмертия украсть.

Но чаша переполнилась терпенья,
И безнаказанным не будет зло,
Возможно ли отныне возрожденье,
Когда возмездье за грехи пришло?⁶⁴

Царь обезьян Сунь Укун с персиком бессмертия в лапах. Китайская народная картина из коллекции Г. Лю-Кандарели.

Впоследствии Сунь Укуна извлекли из-под горы и, чтобы стало «возможно возрожденье» направили сопровождать Сюань-цзана в путешествии последнего на Запад. Выдержав множество испытаний, герои романа вернулись в Китай, после чего Сюань-цзан и Сунь Укун вознеслись на небеса и стали буддами.

Похищение Дунфан Шо и царем обезьян персиков бессмертия — фольклорно-мифологическая трансформация фундаментальной идеи религиозного даосизма, возможности обретения личного бессмертия. Это состояние толковалось как достижение великого Дао, слияние с ним, доступное только праведным; как пишет Л. С. Васильев, «этот мистический акт трансформации телесной оболочки человека в нечто нематериальное был доступен фактически лишь тем немногим, чья жизнь была подлинным подвигом. В то же время этот акт был настолько великим и возвышенным, настолько окутанным ореолом святости, что его просто никто не мог видеть, о нем никто не мог знать ничего достоверного. Просто был человек — и нет его. Он не умер, он исчез, вознесся на небо и либо остался там, либо обрел новую телесную оболочку, теперь уже вечную».

Согласно даосскому канону, первым, кто обрел бессмертие, считался Желтый предок Хуанди, которого Небо таким образом вознаградило за грандиозные свершения. Впрочем, как уже упоминалось, Хуанди был не совсем человеком, изначально имел божественный статус и состоял в «родстве» с теми тысячами небожителей, которые населяли баснословные острова в океане и на поиски которых (а фактически — на поиски бессмертия) снаряжали экспедиции императоры Цинь Шихуанди и У-ди. То же самое можно сказать о Лаоцзы, о легендарных правителях Яо, Шуне, Юе и о других даосских «патриархах»; все они принадлежали к небожителям, то есть обладали заведомыми «небесными» преимуществами перед обычными людьми. Что же касается последних, им поначалу сулили только потенциальное долголетие; лишь позднее сложились представления о том, что и обычный человек способен достичь святости и стать бессмертным.

В трактате «Дао Дэ Цзин» вскользь упоминается о том, что человек, «знающий меру», может прожить очень долго и что тот, кто сумел овладеть жизнью, не знает, что такое смерть. В трактате «Чжуанцзы» приводится ряд примеров долголетия, которое достигается

64 Перевод под ред. А. Е. Адалис и И. Голубева.

мудростью, размеренностью, надежностью и следованием прочим даосским добродетелям, которым дается следующая обобщающая характеристика: «[У него] способности мудрого, но нет пути мудрого; у меня же есть путь мудрого, но нет способностей мудрого. Я хотела бы научить его, он поистине смог бы стать мудрым. Но и помимо него тому, кто обладает путем мудрого, легко передать путь обладающему способностями мудрого. Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня [он] сумел бы [познать] отчужденность от Поднебесной. После того как [он] познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от вещей. После того как познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней [он] сумел бы [познать] отчужденность от жизни. [Познав же] отчужденность от жизни, был бы способен стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев же единое, сумел бы забыть о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить [туда, где] нет ни жизни, ни смерти. [Ведь] то, что убивает жизнь, не умирает; то, что рождает жизнь, не рождается».⁶⁵ Образцом долголетия считался Пэнцзу («старец Пэн»), потомок легендарного государя Чжуаньсюя. В «Вопросах небу» Цюй Юаня говорится, что Пэнцзу поднес фазаний суп другому легендарному правителю — Яо — и за это получил в награду долгую жизнь; по легенде, он прожил более 800 лет. Даосские трактаты приписывали Пэнцзу отказ от мирских удовольствий и учение о правильном дыхании, которое позволяет достичь долголетия.

Позднее сложилось убеждение в том, что соответствующие образ мыслей и образ жизни, тренировка дыхания, правильное питание и иные «физиологические» методы способны принести уже не долголетие, но бессмертие. Л. С. Васильев, ссылаясь на исследования французского синолога А. Масперо, так формулирует даосскую «теорию достижения бессмертия»: «Тело каждого человека, своеобразный микрокосм, следует уподоблять вселенной, макрокосму. И там и здесь действует множество духов, чье присутствие имеет огромное значение для нормального функционирования и сохранения организма. В теле человека активно функционируют 36 тыс. различных духов, которые подразделяются на 3 большие группы, 6 меньших, 120 отделений и т. д. Эти же 36 тыс. духов соответствуют 360 дням лунного года и разделены на 24 секции соответственно числу полумесяцев. Каждая из этих групп во главе с соответствующим „управителем“ проходит по определенному „ведомству“ организма человека, связана с его 5 основными внутренними органами, 12 венами, многочисленными костями, мышцами и т. п. — в области анатомии у даосов были неплохие познания. Наивысшую роль в этом сонме духов микрокосма играют владыки трех главных групп — трех основных частей, на которые подразделялось тело человека (голова и руки, грудь, живот и ноги).

Диаграмма восхождения и нисхождения жизненной энергии в человеческом теле, представленном как гора. Гравюра (XIII в.).

65 В другой главе «Чжуанцзы» уточняется: «Понимающий сущность жизни не занимается бесполезным; понимающий сущность судьбы не занимается тем, к чему незачем прилагать знаний. Для поддержания тела прежде всего необходимы вещи, но бывает, что тело не поддерживают, [хотя] вещей в избытке. Чтобы жить, следует прежде всего не расставаться с телом, но бывает, что теряют жизнь и не расставаясь с телом. От прихода жизни нельзя отказаться, ее ухода не остановить. Увы! Ведь в мире считают, что пропитания тела достаточно для поддержания жизни, хотя пропитания тела, разумеется, недостаточно для поддержания жизни. Почему же в мире считают это достаточным? И [почему] неизбежно все так поступают, хотя этого и недостаточно? Ведь тому, кто хочет избежать забот о теле, лучше всего уйти от мира. Уйдя от мира, избавляешься от бремени. Избавившись от бремени, становишься прямым и ровным. Став прямым и ровным, вместе с другими обновись. Обновившись же, станешь близок Дао».

Обычный человек ничего не знает обо всех этих духах и не заботится о них. Но тот, кто хочет добиться бессмертия, должен прежде всего постигнуть основные закономерности и связи всех этих многочисленных духов с соответствующими частями человеческого тела (ведь ни один из этих 36 тыс. не толчется без дела — у каждого духа свой участок работы, свои обязанности) и, главное, помешать им покинуть тело. Если самыми разнообразными средствами и методами воздействовать на духов в нужном направлении и не дать им уйти из тела, то сила духов внутри тела будет постепенно расти, а вместе с тем будет меняться и субстанция тела. Когда этот процесс пойдет достаточно далеко, именно духи станут преобладающим элементом в человеке, тело его дематериализуется и он, став бессмертным, вознесется на небо».

Собрание богов. Китайская народная картина из собрания академика В. М. Алексеева. Верхний ряд: Нефритовый император Юйди, Чжан Небесный наставник (крайний слева), Сюанью (крайний справа). Средний ряд (слева направо): бог очага Цзаован, помощник Гуаньинь Чжоу Цан, бог войны Гуаньди, даосский бог Юаньши. Нижний ряд (слева направо): бог Эрлан, будда грядущего Майтрейя с двумя слугами, богиня Бися Юаньцзюнь и богиня Гуаньинь. По правому краю (сверху вниз): «государь» неба, земли и воды Тяньгуань, Дигуань и Шуйгуань.

Впоследствии эта доктрина все более усложнялась. Появилось представление о том, что одна половина 36 000 духов ведаёт «материальной оболочкой тела» и их возможно улучшить физическими мерами (правильное питание, дыхание и т. д.). Другая же половина ответственна за «нематериальное» — к примеру, это духи, ведающие добродетелями, несчастьями, болезнями и прочее; умиловать этих духов возможно лишь подобающим поведением и строем мыслей. Сам статус бессмертного получил несколько градаций: низшая ступень — земное бессмертие, для достижения которого необходимо совершить не менее 300 добродетельных поступков. А чтобы добиться высшего «ранга», то есть бессмертия небесного, требуется уже не менее 1200 добродетельных поступков, причем если совершить 1199 таких поступков и всего один недобродетельный, последний перечеркнет все усилия — и проявится в виде болезни или какого-либо неприятного события. В. В. Малявин описывает даосскую теорию бессмертия следующим образом: «Технически суть духовной практики в даосизме заключалась в том, чтобы взрастить в себе вечно живое „алмазное“ тело, которому соответствует незамутненное, „прочное как алмаз“ сознание. Принято различать три аспекта даосской практики: „регулирование тела“ (тяо шэнь), „регулирование дыхания“ (тяо си) и „регулирование сердца“ (тяо синь). „Регулирование тела“ включало в себя различные способы физического и химического воздействия на организм: гимнастические комплексы и прочие виды физических упражнений, употребление различных снадобий с целью улучшения жизненной субстанции организма. Под „регулированием дыхания“ понимаются системы дыхательных упражнений, призванные гармонизировать физиологические и психические процессы в организме. Во всех случаях дыхание, согласно даосским принципам, должно быть „ровным, глубоким, плавным, легким, медленным“. Наконец, понятие „регулирование сердца“ относится к приемам и методам умственного сосредоточения и самоконтроля. Со временем в даосской традиции сложилась обширная система понятий, устанавливавшая соответствия между химическими, физиологическими и психологическими процессами в организме и личности подвижника. Главным требованием даосской практики было воспроизведение в своем теле взаимодействия сил Инь — Ян и „пяти стихий“. Для того чтобы породить в себе „эликсир бессмертия“, или „внутренний эликсир“, подвижник Дао должен был достичь гармонического соединения в себе Воды (функция почек) и Огня (функция сердца), ибо, согласно даосской медицине, почки — корень, а сердце — цветок человеческой природы.

Встреча Воды и Огня должна происходить в рамках более широкого противостояния Неба (ассоциировавшегося с головой) и Земли (телесным коррелятом которой считались ноги). Местом же зарождения эликсира вечной жизни считалась таинственная полость, располагавшаяся в самом центре физического тела и ассоциировавшаяся с Сокровенной Женщиной (сюань пинь) — метафорическим наименованием пустоты. Пустота Сокровенной Женщины имеет свой ритм „открытия и закрытия Небесных врат“, определяемый чередованием вдохов и выдохов. В позднее Средневековье даосы уже различали два измерения Великого Пути: одно из них относилось к состоянию мира „до форм“ и именовалось „прежде небесным“ (сянь тянь), другое соответствовало опытному и умопостигаемому миру форм и носило название „после небесного“ (хоу тянь). „Прежде небесное“ знаменует возвращение к „семенам“ вещей. „После небесное“ соответствует эволюции, естественному биологическому развитию живых организмов. Учение о „прежде небесной“ реальности служило теоретическим обоснованием даосских концепций „повертывания вспять“ жизненных процессов, совершенствования как омоложения, возврата к эмбриональному, „прежде небесному“ состоянию, что дало жизнь популярным образам святых старцев-даосов с розовыми щеками и ясным взором младенца. Естественно, даосы придавали большое значение взаимодействию в человеческом организме „внутренней“, или „прежде небесной“, энергии с энергией „после небесной“. Существовало понятие „подлинной энергии“, „изначальной энергии“, каковыми обозначались жизненные свойства, данные человеку от рождения. В ходе биологической эволюции запасы „подлинной энергии“ неумолимо сокращаются, что ведет к старению, болезням и смерти.

В то же время человек, вдыхая воздух, принимая пищу и т. д., получает из окружающего мира дополнительную, восстанавливаемую энергию, которая относится к разряду „внешней“, или „грязной“. Эти два вида энергии именуются также „питающей“ и „защитной“. Первая сосредоточена внутри меридианов, образующих энергетическую систему организма; вторая „пребывает в коже и мышцах, рассеивается в груди и животе“. Смысл же самосовершенствования в даосизме состоит в том, чтобы с помощью „после небесной“ энергии пополнить запас энергии „прежде небесной“. Очищение жизненной субстанции организма осуществлялось посредством направленной циркуляции энергии в теле. Собственно, своеобразие отдельных даосских школ как раз и определялось принятыми в них системами „работы с энергией“. Различались два метода, две стадии „работы с энергией“. Первая стадия — так называемый „малый небесный круговорот“ (сяо чжоутянь), который предполагает, что жизненная энергия организма поднимается по позвоночному столбу в область темени и оттуда через переднюю часть головы и грудь опускается в живот, где располагается Нижнее Киноварное поле — место сосредоточения энергии низшего уровня. В даосской практике „малый небесный круговорот“ соответствует суточному циклу и „после небесному“ состоянию. Вторая стадия совершенствования жизненной энергии — это „большой небесный круговорот“ (да чжоутянь), воплощение „прежде небесного“ состояния и прообраз годового цикла. В рамках „большого небесного круговорота“ управляемая циркуляция жизненной силы захватывала также конечности тела, а само течение энергии осуществлялось в противоположном, так называемом попятном направлении. В самом общем виде совершенствование даосского подвижника толковалось в категориях превращений так называемых трех сокровищ, или трех главных жизненных субстратов человеческого тела: семени (цзин), собственно энергии, или дыхания (ци) и духа (шэнь). Смысл духовной практики в позднейшей даосской литературе описывается следующей формулой: „Упражняй семя, дабы оно превратилось в дыхание; упражняй дыхание, дабы оно превратилось в дух; упражняй дух, дабы он возвратился в Пустоту“. Каждой стадии совершенствования соответствовал определенный метод дыхания. Низшему этапу „превращения семени в энергию“ сопутствовало дыхание естественное (но проникающее через диафрагму), при котором „кончик языка касается верхнего неба, рот как будто открыт, но не открыт, вдохи и выдохи свершаются естественно, и внимание на них не сосредоточено“. Вторая стадия совершенствования требовала так называемого утробного

дыхания (тай си) или „сердечного дыхания“ (синь си), когда деятельность органов дыхания как бы приостанавливалась и человек начинал дышать „утробой“. Третий, наивысший, способ дыхания соответствует такому состоянию, когда „дыхание, хотя и есть, но как бы отсутствует, о нем не забывают, но и не помнят, и это есть сокровенное действие превращений духа“. В даосских школах боевых искусств трем ступеням совершенствования энергии и дыхания соответствовали три метаморфозы тела: „изменение костей“, „изменение сухожилий“ и „изменение костного мозга“, а также три вида применения силы: „раскрытие“ (проявление жесткости в ударе), „сокрытие“ (качество мягкости, уступчивости в силе) и „превращение“, означавшее способность перенять в схватке силу противника и придать ей новое качество. Этим трем способам „применения силы“ соответствовали три сустава руки: запястье, локоть и плечо».

У Фан Шэнь. Гравюра из книги «Иллюстрированные записки о поисках духов (трех религий)».

Такова была теория, которую, впрочем, изучали весьма немногие. Большинство людей осваивало «практику бессмертия» — применение талисманов, снадобий, эликсиров, пилюль и иных магических способов обретения вечной жизни. Широкую популярность приобрела алхимия, претендовавшая на обладание секретом составления «пилюль Сиванму», то есть пилюль бессмертия.⁶⁶ Основным элементом этих пилюль считалась киноварь — сернистая ртуть, наделенная чудодейственными возможностями. В алхимическом трактате «Бао Пуцзы» о киновари и «золотом растворе» (жидком золоте) говорится: «Золото и киноварь — это такие вещи, что чем больше их накачивают, тем все более сокровенны их превращения. Когда желтое золото помещают в огонь, то оно не разрушается и через сотню переплавок, а когда его погребают, то оно не сгниет до скончания дней. Когда эти два вещества принимаешь внутрь, то закаляешь свое тело, и это дает человеку возможность не стареть, не умирать. Это означает заимствование силы внешних вещей для укрепления самого себя. Это похоже на питание огня жиром: если питаешь его, то он не гаснет. Или если медной синью покрывать ноги, то, войдя в воду, они не сгниют. Это означает использование силы меди для защиты плоти. Золотой раствор и перегнанная киноварь, войдя в тело, впитываются им и великолепно защищают его, не то что медная синь, защищающая тело только снаружи...» Баопу-цзы сказал: «В „Книге духовной киновари девяти треножников императора Хуанди“ говорится, что Хуанди „принял эликсир и вознесся к бессмертным“. Кроме того, там сказано, что хотя дыхательные и гимнастические упражнения, а также прием снадобий из растений могут продлить годы жизни, но от смерти не избавят. Прием же внутрь одушевленной киновари дарует человеку долголетие без границ, подобное вечности Неба и Земли. Тогда он сможет мчаться на облаках, взлетать и опускаться, оседлав драконов в Величайшей чистоте. Хуанди передал это учение Сюань-цзы, наставляя его так: „Этот способ самый важный, и его следует сообщать только мудрецу, а если такового нет, то пусть он собрал даже горы нефрита,

⁶⁶ Первоначально практиковалась алхимия вай-дань («внешних средств»), которую сменила сложившаяся под влиянием буддизма алхимия нэй-дань («внутренних средств», или «даосская йога»). Как писал Е. А. Торчинов, «истoki внешней лабораторной алхимии восходят к эпохе Чжань-го и к поискам долголетия и бессмертия ханьского времени. Ее расцвет приходится на период Шести династий (Лю-чао, III–VI вв.) и первую половину танской эпохи, после чего она постепенно приходит в упадок и исчезает, уступив место своему психопрактическому двойнику — „даосской йоге“, внутренней алхимии, имевшей более древние корни, но обретшей систематичность и терминологичность именно благодаря лабораторной практике искателей эликсира бессмертия. мода на лабораторную алхимию вернулась при династии Мин (XVI в., особенно в правление „даосского императора“ Цзяцзина / Ши-цзуна, 1521–1566), но это была уже именно мода, имевшая поверхностный и достаточно дилетантский характер, да и оказавшаяся к тому же весьма эфемерной. Многие алхимики и в период расцвета своей традиции практиковали „внутренние“ методы „хранения Одного“, по существу готовя окончательный переход от лабораторного делания к духовной трансмутации».

нельзя сообщать ему, каков этот способ. И пусть воспринимающий этот путь бросит в воды, текущие на восток, золотого человечка и золотую рыбу, чтобы скрепить клятву, и смажет губы кровью, чтобы заключить союз, но, не имея костей святого-бессмертного, он все равно не будет достоин узреть этот путь“. Смешивать киноварь должно в знаменитых горах, в месте, где нет людей. Путников должно быть не более трех человек. Прежде следует сто дней поститься и умащиваться пятью благовониями, пока не достигнешь полного очищения. Нельзя приближаться к нечистотам и бродить туда-сюда с обывателями. Кроме того, не следует, чтобы не верящие в дао-Путь знали об этом деле. Они злословием разрушат одушевленное снадобье и снадобье не получится. Когда снадобье получилось, то тогда не только ты сам, но и вся твоя семья обретет бессмертие. Мирские люди не смешивают духовную киноварь, но, напротив, верят в снадобья из трав и растений. Однако когда снадобья из трав и растений закапывают в землю, то они сгнивают, когда их подогревают, то они разрушаются, когда их раскаляют, то они сгорают. Они не могут даже себе дать жизнь, как же они могут дать жизнь человеку?! Девять киноварных эликсиров необходимы для продления жизни, но обычно людям никогда не должно их ни видеть, ни слышать о них». В трактате подробно характеризуются эти девять эликсиров, каждый из которых дарует бессмертие — один через сто дней после употребления, другие через два дня и даже в тот же день.

При этом «достаточно принять лишь один из этих девяти киноварных эликсиров, чтобы стать бессмертным. Не нужно готовить все эти эликсиры, достаточно выбрать один, тот, который больше нравится, и все. Принявший девять киноварных эликсиров может, если хочет, воспарить в небесную высь или может остаться жить среди людей. Он может по своему желанию исчезать и мгновенно появляться вновь. Ничто не может причинить ему вреда. Баопу-цзы сказал: „Существует еще одушевленная киноварь Великой Чистоты. Ее способ восходит к Изначальному государю Юань-цзюнь. Изначальный государь — это учитель самого Лаоцзы. „Книга Созерцания Неба Величайшей Чистоты“ содержит девять частей. Первым трем частям нельзя обучить. Средние три части таковы, что мир недостойн воспринять их. Поэтому они скрыты в бездне под Тремя источниками. Последние три части как раз и являются „Книгой киновари“. Всего в ней три цзюани: вводная, средняя и заключительная. Изначальный государь — это великий человек, святой-бессмертный. Он может приводить в гармонию силы Инь — Ян, повелевать духами и демонами. Властвовать над ветром и дождем, управлять колесницей, запряженной девятью драконами и двенадцатью белыми тиграми. Ему подчинены все бессмертные Поднебесья. Но таким он стал, по его же словам, благодаря глубокому проникновению в суть Дао-Пути и приготовлению киноварного эликсира, а не по своей природе“».

Даосские алхимики пытались применять все эти рецепты в повседневной практике, тем паче что недостатка в клиентах они не испытывали (известно, например, что тот же император У-ди принимал «пилюли бессмертия»), однако с годами алхимия становилась все более теоретической, все более «внутренней», а процесс достижения бессмертия все более мифологизировался, благодаря чему в даосском пантеоне сложилась самая, пожалуй, многочисленная категория божеств — категория сянь, или бессмертных.

Как уже упоминалось, божества-сянь делились на бессмертных небесных (или небожителей) и земных. Первые были бессмертными «по статусу»; в трактате «Чжуанцзы» о таких бессмертных (тяньсянь) сказано, что они не едят злаков, пьют росу, вдыхают ветер, ездят на облаках, управляют крылатыми драконами и странствуют за пределами Четырех морей (то есть Китая). Живут тяньсянь на чудесных островах или плавучих горах в море — или на горе Куньлунь. Земные же бессмертные (дисянь) — это обожествленные люди, достигшие бессмертия, причем, по замечанию Л. С. Васильева, «с течением времени большинство героев-бессмертных, генетически восходивших к реальным прототипам и историческим деятелям, превращались в легендарных божеств, о чьих приключениях говорилось в народных сказаниях». Таким бессмертным можно было стать по воле Неба,

награждавшего бессмертием за праведную жизнь, или уединившись в одном из 24 горных «скитов» (чжи) и предавшись отшельнической аскезе. Земные бессмертные умели путешествовать на облаках, но чаще использовали в качестве средства передвижения журавлей; этих птиц так и называли — журавли бессмертных (сяньхэ).

К числу таких божеств принадлежит, к примеру, Чжан — Небесный Учитель (Чжан Даолин), которого традиция признает основоположником даосской религии наряду с Лаоцзы. Он вернул себе молодость, приняв пилюлю бессмертия, умирал многочисленных демонов (его обычно изображают верхом на белом тигре и с заклинанием против демонов в руке), совершал различные магические подвиги и сумел передать чудесные способности своим потомкам.

Число земных бессмертных множилось на протяжении столетий, и постепенно эта категория даосского пантеона стала насчитывать многие сотни и даже тысячи персонажей, о каждом из которых складывались легенды и рассказывались сказки. Особой популярностью пользовались — и продолжают пользоваться по сей день — предания о Ба сянь — Восьми бессмертных. Как пишет Л. С. Васильев, «рассказы о Восьми бессмертных необычайно популярны в Китае. Это один из самых распространенных в народе фольклорно-мифологических сюжетов. О них упоминается в рассказах, романах и драмах, изображения этих Восьми — излюбленная тема художников и скульпторов. Легенды о Ба сянь, начавшие складываться в основном примерно с эпохи Тан, от века к веку обрастали все новыми и новыми деталями и подробностями. И только в позднем Средневековье повествование о Восьми бессмертных, некогда бывших обычными людьми, а затем ставших божествами, героями, гениями-покровителями различных групп или профессий, приобрело свой законченный, ныне хрестоматийный облик».

Восемь бессмертных. Картина (XVIII в.).

Первым из Восьми следует назвать Чжунли Цюаня (или Хань Чжунли), старейшего из восьмерки, который первые семь дней после своего появления на свет ни разу не заплакал и ничего не ел. Он прославился как полководец, одержал ряд громких побед, но в сражении с тибетскими племенами по воле Небес был разгромлен и бежал в пустынные земли. Там ему повстречался отшельник-даос, который отвел Чжунли к Владыке Востока Цанди, покровителю всех бессмертных мужского пола. Цанди дал Чжунли совет отказаться от бранных подвигов и обратиться к поискам Дао; Чжунли занялся алхимией, научился превращать медь в золото и в голодные годы раздавал это золото беднякам. Однажды ему было небесное знамение, перед ним распахнулась каменная стена, и в пещере он обнаружил нефритовую шкатулку, а в ней — наставление, как сделаться бессмертным. Когда он исполнил в точности это наставление, к нему спустился журавль сяньхэ и унес Чжунли на небо. Обычно этого бессмертного изображают с веером в руке; считается, что этим веером он может возвращать жизнь умершим.

Второй из Восьми — Чжан Голао (или Чжан Го), человек, который «никогда не рождался» — его никто не знал ребенком, никто не встречал его родственников; по одной из легенд, маг Шэ Фашан поведал танскому императору Сюаньцзуну, при дворе которого подвизался Чжан, что этот даос — дух белой летучей мыши, возникшей из хаоса в пору сотворения мира. О Чжане рассказывали, что он время от времени умирал, его оплакивали и хоронили, но потом его гроб чудесным образом оказывался пустым и он воскресал. Чжан ездил на белом муле, способном пробежать за день 10 000 ли (приблизительно 5000 км), причем сидел он на своем животном лицом к хвосту. В конце дневного пути Чжан слезал с мула и складывал животное в бамбуковую трубочку, как если бы оно было из бумаги, а не из плоти и крови. Следующим утром он доставал сложеного мула из трубочки, брызгал на него водой — и мул оживал. Чжану приписывались способности предвидеть будущее и помнить о

событиях далекого прошлого, поэтому со временем он стал почитаться как покровитель молодоженов (хранитель народной памяти, воплощенной в браке и детях). Обычно его изображают сидящим на муле с бамбуковой трещоткой в руках — или подносящим младенца; такие изображения принято было вешать в покоях молодых.

Третьим по порядку — а у Восьми бессмертных имеется собственная внутренняя иерархия — идет Люй Дунбинь (или Люй Янь). По легенде, в момент зачатия к его матери спустился белый журавль, благодаря чему Люй «от рождения имел шею журавля, спину обезьяны, туловище тигра, лик дракона, глаза феникса, густые брови и черную родинку под левой бровью». Он с детства отличался необычайными способностями — в частности, мог запоминать в день по 10 000 иероглифов. Однажды он встретил Чжунли Цюаня, который десять раз испытал Люя, признал своим учеником и стал учить магии, фехтованию и искусству становиться невидимым. Во сне на некоем постоялом дворе Люй увидел грядущие события собственной жизни, в основном трагические, и этот сон заставил его стать отшельником. Он владел чудесным мечом, с помощью которого усмирал и карал демонов, притеснявших простой народ, побеждал драконов и тигров. В 1111 году Люй Дунбиня официально канонизировали. Обычно его изображают с мечом в одной руке и мухойкой — атрибутом беспечного бессмертного — в другой. Также встречаются изображения Люя с младенцем на руках; такие картины означают пожелания иметь сыновей.

Чжан Голао, один из Восьми бессмертных. Слоновая кость (XVIII в.).

В области Жуй находится храм Чонян (или Юнле), известный в народе как храм Люй Дунбиня. Этот храм состоит из нескольких залов: зала Изначального, зала поклонения Люй Дунбиню и других. В зале Изначального помещается знаменитая фреска Чаоюань, на которой изображены тридцать два небесных смотрителя, которые определяют тридцать два порядка алхимических превращений, связанных с Небом. Также на фреске изображены Восемь бессмертных, стоящих над тремястами другими бессмертными, и Нефритовый император, олицетворяющий образ Единого начала. Фрески на других стенах этого зала символически изображают алхимический процесс достижения бессмертия, причем среди участников этого процесса — супруга Нефритового императора, управитель знаниями Вэнь Чандисинь, боги Сиванму и Дунвангун, силы Инь и Ян, триграммы Ба гуа, легендарные предки Лаоцзы и Фуси и т. д. Фрески в зале Люй Дунбиня изображают пятьдесят два эпизода его жизни, в том числе — десять испытаний, которым подверг Люя Хань Чжунли.

Люй Дунбинь, один из Восьми бессмертных. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Четвертый из восьмерки — один из наиболее популярных персонажей народного даосизма Ли Тегуай (или Тегуай Ли, иначе Ли Железный Посох). По преданию, при жизни он был даосом, который, познав Дао, отправился на Небо на встречу с Лаоцзы, а свою телесную оболочку оставил на попечение ученика; перед уходом он предупредил, что будет отсутствовать семь дней, а если не вернется, его тело следует сжечь. Ученик ждал шесть дней, но на седьмой получил известие о тяжелой болезни своей матери; как и подобает почтительному сыну, он поспешил домой, а тело учителя сжег. Тем временем Ли возвратился и, не найдя своего тела, вселился в телесную оболочку только что умершего хромого нищего. Поэтому его обычно изображают и описывают хромцом. Железный посох Ли мог превращаться в различные предметы и в животных: так, когда Ли переплывал реку на листке бамбука, посох превратился в дракона и вынес своего хозяина на берег. Еще одним

постоянным атрибутом Ли служила тыква-горлянка; в этой тыкве он носил чудесные снадобья и лекарства, излечивавшие от всех болезней. Ли Тегуая почитали как покровителя аптекарей и магов, а его изображения использовались как вывески аптекарских лавок.

Восемь бессмертных пьют вино. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Верхний ряд (слева направо): Лань Цайхэ, Чжан Голао, Люй Дунбинь, Чжунли Цюань, Цао Гоцзю, Хань Сянцзы. Нижний ряд (слева направо): Ли Тегуай, Хэ Сяньгу.

Пятый из Ба сянъ — Хань Сянцзы (или Хань Сян), племянник поэта эпохи Тан, конфуцианца Хань Юя. По преданию, он с детства увлекался алхимией и стремился подражать Чжунли Цюаню. Однажды он пытался взобраться на священное дерево за персиком бессмертия, однако упал и разбился — и в тот же миг превратился в бессмертного. Большинство легенд о Хань Сянцзы повествуют о том, как он пытался убедить своего дядю-конфуцианца в подлинности различных чудес и знамений. По одной из легенд, Хань Сян однажды во время пира на глазах у гостей вырастил в тазу с землей два прекрасных цветка, на которых виднелись золотые иероглифы, образующие двестише:

Чредой облака над Циньлином бегут, дом нынче в какой стороне?
Застава Ланьгуань утопает в снегу, проехать нельзя на коне.⁶⁷

Пророческий смысл этих строк сделался понятен Хань Юю, когда он оказался на заставе Ланьгуань по дороге в южную ссылку (его сослали за выступление против буддизма). Явившийся ему в облике даоса Хань Сян всю ночь рассказывал дяде о даосских таинствах, убеждая в превосходстве своего учения. Подарив Хань Юю на прощание сосуд из тыквы-горлянки с пилюлями от малярии, Хань Сян скрылся навсегда. Его обычно изображают с корзиной цветов в руках и почитают как покровителя садовников.

Шестой из Восьми — Цао Гоцзю, сын первого министра при сунском императоре Жэньцзуне и младший брат императрицы. Он жил при дворе, но мечтал о познании Дао и однажды отправился странствовать по свету. Император дал ему с собой золотую пластину, на которой значилось: «Гоцзю везде может проходить, как сам государь». При переправе через реку он предъявил эту пластину лодочнику, требовавшему с него уплату за проезд, но даос, также сидевший в лодке (это был Люй Дунбинь) укорил Цао за гордыню; тогда Цао швырнул пластину в реку, а Люй пригласил его в ученики. Обычно Цао изображают с кастаньетами (пайбань) в руках и в костюме чиновника; его почитают как покровителя актеров.

Седьмой из Восьми бессмертных — Лань Цайхэ, вечно юный юродивый, бродивший по рынкам, просивший милостыню и распевавший песни, которых он знал великое множество. По одной версии предания, в прежней «земной» жизни он был сановником Чэнь Тао, по другой — актером Сюй Цзянем. Монеты, собранные как подаяние, он нанизывал на веревку и тащил за собой по земле, а потом раздавал встречным или пропивал в винных лавках. Однажды, когда он кутил в лавке близ озера Хаолян, с неба спустился журавль, и Лань

⁶⁷ «Разжалован и сослан, доехав до заставы Ланьгуань, даю наказ внучатому племяннику Сяну». (Перевод В. В. Мещерякова). О причине своего изгнания Хань Юй говорит так:

С утра, мой доклад, обличавший изьян, на Небе Девятом прочли.
Под вечер, приказано ехать в Чаоян, в изгнание за тысячи ли.
Чтоб вычистил ересь Верховный Мудрец, я с тайной надеждой просил,
А вышло встречать этой жизни конец, исчахнув от хворей, без сил.

поднялся на облако, сбросив наземь свой единственный сапог и рваное синее платье. Обычно его изображают с корзиной хризантем, веток бамбука или персиков (символов бессмертия); почитается он как покровитель музыкантов и садовников.

Замыкает восьмерку бессмертных единственная среди них женщина — Хэ Сяньгу. В раннем детстве она увидела вещий сон: некое божество посоветовало ей питаться слюдяной мукой, чтобы подготовить тело к обретению бессмертия. Повзрослев, она покинула дом и отправилась странствовать по свету, ревниво блюла девственность и однажды среди бела дня вознеслась на небеса, причем помог ей в этом Люй Дунбинь.

Десять красавиц рисуют изображения Восьми бессмертных. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

На небе она служила подметальщицей персиковых лепестков у ворот Пэнлай: там росло персиковое дерево, которое цвело раз в 300 лет, и лепестки в пору его цветения засыпали проход через небесные врата. По просьбе Люя Нефритовый император причислил Хэ к Восьми бессмертным, а Люй, спустившись на землю, наставил на истинный путь другого человека, который и заменил Хэ на ее небесной должности. Обычно Хэ Сяньгу изображают с цветком белого лотоса на длинном стебле, изогнутом подобно священному жезлу исполнения желаний. Также встречаются изображения Хэ с бамбуковым черпаком — одна из легенд гласит, что девушка усердно трудилась на кухне, когда ее забрали на небеса. Хэ Сяньгу почитают как покровительницу домашнего хозяйства, как богиню девственности и чистоты и как покровительницу садоводства.

Следует отметить, что во многом образ Хэ Сяньгу близок более позднему образу небесных дев сяньной (обычно это слово переводится как «фея»). По замечанию Б. Л. Рифтина, «в устной народной традиции образ сяньной, первоначально связанный с даосским учением о бессмертии и бессмертных, слился с архаическими образами хозяек стихий и чудесных жен или заместил их». Прежде всего здесь можно вспомнить фею реки Ло, с которой, по мифу, повстречался в своих странствиях Лучник И, небесных ткачих, истории о связи которых со смертными возлюбленными столь популярны в китайском фольклоре, и других небесных дев, в том числе и представлявших буддийский пантеон. Облик сяньной настолько привлекателен, что невозможно отвести взгляд; вот что говорит о фее реки Ло поэт Цао Чжи:

Прекрасный этот облик вот какой:
Легко, как лебедь вспугнутый, парит,
А гибкостью — летающий дракон!

Небесная фея приносит сына. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Небесная дева сяньной сидит верхом на цилине.

Осенней хризантемы в ней покой,
Весенняя сосна не так пышна!
Видна же неотчетливо, как сон...
Как месяц, но за облачком, она...
Мелькнет, вспорхнет, — и вот не удержать:
Снежинкой в ветре закружилась!..

«Но какова же издали?» — спроси!

— Она, как солнце ясное, светла,
Что в тонкой дымке утренней встает!
А ежели разглядывать вблизи, —
Свежо сверкает пламя красоты,
Как лотос из зеленой тени вод,
Где вся прохлада притаилась!
Гармония — вот истинный закон
Той красоты, что в небе родилась:
Связь тонкости и плотности частей,
Высокого с коротким, круглым связь...
Как выточены плечи красоты!
Как тонко талия округлена!
Стан — сверток шелка белого точь-в-точь...
Затылок хрупок, шея так стройна!
Прозрачна кожа, прозрачны черты!
Зачем помада? Пудра не нужна, —
Краса нам без прикрас явилась!

Прическа взбита очень высоко,
Длина ее изогнутых бровей
И тонкость — изумительны! Глаза
Блестят великолепно — звезд живеи!
Покой царит на яшмовом лице,
И жесты благородны. Простота,
Непринужденность, ласковость манер
Пленяют, очаровывают мир:
В них — снисхождение и милость!⁶⁸

Эти небесные девы, «провозвестницей» которых была Хэ Сяньгу, стали в поздней китайской мифологии и фольклоре одними из наиболее популярных персонажей, наряду с оборотнями-цзин⁶⁹ и земными бессмертными.

Сяньньюй. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Чжункуй. Лубок с пожеланием счастья в новом году (XVI в.).

Помимо многочисленных сюжетов, связанных с каждым из Восьми бессмертных в отдельности, известны, если можно так выразиться, «совокупные» предания, повествующие о совместных походах восьмерки — в частности, об их путешествии к богине Сиванму. Эти

68 Перевод А. Е. Адалис.

69 Небесных дев сяньньюй часто отождествляли с оборотнями цзин (прежде всего с лисами-оборотнями). Характеристика, которую дает фее реки Ло поэт Цюй Юань, вполне приложима и к оборотням:

Фу-фэй красу лелеет горделиво,
Усладам и забавам предана.
Она хоть и красива, но порочна.

(«Скорбь отрешенного». Перевод А. А. Ахматовой.)

предания легли в основу романа У Юньтая «Путешествие Восьми бессмертных на Восток», перекликающегося по названию и содержанию с романом У Чэньэня «Путешествие на Запад», о котором говорилось выше. Кроме того, как пишет В. В. Малявин, «компания Восьми бессмертных — один из самых распространенных сюжетов в китайской живописи, декоративном искусстве и театральных представлениях. Например, в деревнях перед началом спектакля нередко разыгрывалась благожелательная сцена: актеры в костюмах Восьми бессмертных рассаживались так, чтобы составить иероглиф „долголетие“... При этом легендарная восьмерка блаженных не была в Китае объектом культа. Исключение составляли „водяные люди“ Гуандуна, которые держали статуэтки Восьми бессмертных на своих домашних алтарях». Тем не менее в Сиани существует даосский монастырь Восьми бессмертных, монахи которого занимаются в том числе предсказаниями от имени своих «патронов».

Из других бессмертных необходимо упомянуть такую их категорию, как укротители и повелители бесов и демонов. К таким бессмертным нередко причисляли Люй Дунбиня и Чжан Даолина, но особенную известность в этом качестве получили такие персонажи, как Чжункуй и Цзян Тайгун.

Ученый муж Чжункуй, по преданию, несколько раз пытался выдержать экзамен на должность придворного чиновника, но его постоянно отвергали по причине уродливой внешности. В отчаянии он покончил с собой, но Нефритовый император сжалился над ним и назначил его повелителем бесов. Другое предание гласит, что однажды Чжункуй явился во сне танскому императору Сюаньцзуну, и тот повелел придворному художнику запечатлеть киноварью — краской, отгоняющей нечисть, — образ повелителя демонов.⁷⁰ Неизменный атрибут Чжункуя — меч, которым он разит демонов. Обычно картинки с изображением этого бога вешали на створки дверей в качестве охранительного амулета. В поздней традиции Чжункуя нередко отождествляли с Паньгуанем — властелином и усмирителем нечисти (см. следующие главы).

Даосский патриарх Люй с мечом, разящим демонов. Рисунок эпохи Цин.

Что касается Цзян Тайгуна, он при жизни был советником и полководцем первого чжоуского правителя Вэнь-вана и помог последнему разгромить войско правителя Инь. За это небо наделило его бессмертием и назначило повелевать демонами и бесами. Впрочем, в романе «Возвышение в ранг духов» Цзян Тайгун — помощник Небесного императора, распределяющий должности среди богов и духов. Так или иначе, на народных картинах Цзян Тайгуна обычно изображали верхом на чудовище и с жезлом исполнения желаний в руке; считалось, что эти картины отваживают злых духов.

Демоны, которых усмиряли Чжункуй, Цзян Тайгун и другие «укротители», не были демонами в том смысле, который вкладывает в это слово, скажем, христианская традиция. Скорее, это были стихийные духи, кровожадные и злобные лишь в той мере, в какой может быть дикой, неуправляемой и сокрушительной сама природа.⁷¹ Именно о таких духах, чаще

⁷⁰ По замечанию В. В. Малявина, «в действительности облик и даже имя Чжункуя наследовали образу заклинателя демонов, который в древности рисовали на деревянных дощечках в качестве оберега».

⁷¹ Согласно трактату «Гуань-инь-цзы», демоны и бесы отличаются от людей и тем более божеств своей неспособностью познать Дао: «Без Дао-Пути нельзя было бы говорить, но то, о чем нельзя сказать, и есть Дао-Путь. Без Дао-Пути нельзя было бы мыслить, но то, о чем нельзя мыслить, и есть Дао-Путь. Небо и сущее крутятся в бурлящем водовороте, люди и их дела спутаны и переплетены, во множестве кружатся в коловращенье, со звоном сталкиваются, борясь друг с другом. Молниеносно сменяются — как будто есть и вот уже исчезли. Однако они ратоборствуют с ним, они латами защищаются от него, поносят его, кричат на него, уходят от него и нуждаются в нем. Говорить о нем — как дуть на тень, думать о нем — как разрезать пылинки. Совершенная мудрость и ум порождают заблуждение, демоны и духи не обладают сознанием. Только то, что нельзя соединять, чего нельзя достичь, нельзя измерить, нельзя разделить, называют Небом, называют судьбой,

всего зооморфных, неоднократно упоминается, например, в «Каталоге гор и морей»: «Там водится животное, похожее на лису, но с девятью хвостами; звук его голоса напоминает плач ребенка. Оно может сожрать человека. Там встречается животное, напоминающее собаку, но с человеческим лицом. Умеет бросать камни. Как увидит человека, сразу смеется. Его называют горный хуэй. Он быстр как ветер. Когда появляется, в Поднебесной поднимается ураган... Там водятся животные, похожие на лису, но у них по девять голов и девять хвостов, когти как у тигра, их имя лунчжи. Их крик подобен плачу ребенка. Они пожирают людей».

Китайские демоны. Разработка Г. Доре.

О том же говорит и Гэ Хун в трактате «Баопуцзы»: «Во всех горах, больших и малых, живут шэнь и лин. В больших горах обитают большие шэнь, а в маленьких горах — малые. Если в горы придет человек, не знающий приемов, как защититься от них, ему не миновать вреда или даже гибели. Он обязательно заболеет или будет ранен, испуган или приведен в замешательство, или же он увидит огни и тени, или же почувствует странный запах. Одни существа заставляют падать деревья при полном отсутствии ветра или камни без всякой видимой причины; они обрушиваются на людей и убивают их. Другие дурачат людей, заставляя их метаться, потеряв разум, и бросаться в пропасть. Третьи насылают на людей тигров, волков или гремучих змей. Вот почему никому не следует идти в горы без крайней необходимости. Совершать путешествие нужно в третьем либо девятом месяце, ибо в эти месяцы горы доступны. Кроме того, даже в эти месяцы необходимо выбирать благоприятный день и час; но, если же как следует подготовиться нет времени или обстоятельства делают отсрочку путешествия невозможной и необходимо отправляться немедленно, может оказаться достаточным выбрать только благоприятный день и час. Но все те, кому предстоит идти в горы, должны прежде попоститься и очиститься и в течение семи дней воздерживаться от всего грязного и низкого...

Голова Чжункуня. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Духи, живущие в горах, похожи на детей и имеют по одной ноге. Когда они бегут, они поворачивают голову назад. Приносить вред — большая радость для них. Если проходящий в горах путешественник вдруг услышит в темноте громкий человеческий голос, значит, он столкнулся с существом, которое зовется чжи; если он знает это имя и громко выкрикнет его, существо не причинит ему никакого вреда. Пусть он также произнесет слово жэ-жоу, которым также зовутся эти существа. Кроме того, есть еще и горные цзин, подобные барабану, красного цвета и с одной ногой, известные под именем хуэй. Другие, которых зовут цзинь-лэй, походят на людей, ростом в девять чи и носят меховую одежду и шапки из бамбука. Есть еще и так называемые фэй-фэй, напоминающие пятицветных драконов с красными рогами. Ни одно из этих существ не сможет причинить вред человеку, если он, только завидев их, выкрикнет их имя... Если же увидишь в горах приближающегося призрака, непрерывно просящего еду, брось в него белую траву, и он немедленно умрет. Очень часто призраки в горах настолько смущают людей, что те сбиваются с пути; однако, если в них бросить стебли речного тростника, они тут же погибнут».

называют духом, называют изначальным, а все это вместе называют Дао-Путем».

Чжункуй, изгоняющий бесов. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Единственными «прообразами» демонов в привычном нам значении этого слова могут выступать, пожалуй, «внутренние» духи болезней. Представление о бесах как о бесах, наряду с представлениями о преисподней и ее хозяине, сложилось в китайской культуре лишь под влиянием буддизма (подробнее см. следующую главу).

Наконец, третью категорию божеств даосского пантеона — и самую многочисленную, если не сказать бесчисленную, — составляют локальные божества и духи. Прежде всего это так называемые «земные достопочтенные» (дичжи), к которым относятся боги определенных местностей, городов, гор, лесов, рек, морей, божества земли (тушэнь), боги — стражи ворот (мэньшэнь), боги домашнего очага (цзаошэнь), боги родников, источников и колодцев (цзиншэнь), божества отхожих мест (цэшэнь) и др. Кроме того, к этой же категории принадлежат и некоторые «разновидности» бессмертных, например, шицзесянь, или бессмертные, «освободившиеся от трупа», то есть умершие и впоследствии воскресшие, а также жэньсянь — бессмертные, пребывающие среди людей, и чжэньжэнь — «истинные люди», постигнувшие Дао, но не стремящиеся к бессмертию. О последних много говорится, к примеру, в трактате «Чжуанцзы»: «Настоящий человек не шел против малого, не хвалился подвигами, не входил в число мужей, представляющих замыслы. Поэтому, ошибаясь, не раскаивался, а поступив правильно, не впадал в самодовольство. Такой человек мог подняться на вершину и не утрашиться, войти в воду и не промокнуть, вступить в огонь и не обжечься. Своим познанием он, даже умирая, мог восходить к Пути. Настоящий человек спал без сновидений, просыпаясь, не печалился, вкушая пищу, не наслаждался. Дыхание у него было глубоким, исходило из пят, а у обычных людей идет из горла». Общей для всех этих божеств и духов была «локальность» их культов, географическая, племенная и даже семейная: зачастую культ конкретного персонажа бытовал в пределах только данной народности, данной местности или, что бывало нередко, в пределах данного рода или большой семьи.

Локальный «характер» этих божеств и духов определял отношение к ним населения той или иной местности: «своим» божествам и духам поклонялись и считали их могущественными, иногда суровыми, но справедливыми, тогда как «чужих» представляли дикими, необузданными и кровожадными и верили, что с ними, в отличие от «своих», вряд ли возможно о чем-либо договориться. Конечно, подобное восприятие «чужих» богов свойственно не только Китаю: достаточно вспомнить, к примеру, отношение древних греков к божествам Ближнего Востока или более позднее соперничество приверженцев «старых богов» и верующих в Белого Христа. Однако в Китае это деление на «своих» и «чужих» проявлялось особенно ярко — вероятно, во многом благодаря «локусной», семейно-родовой организации общества. Соседний род, пускай он жил всего лишь на противоположном берегу той же реки, был уже «другим», а следовательно, «чужим», почитал иных предков и отправлял иные культы; что уж говорить о родах, племенах и народностях более отдаленных! Чем дальше от места обитания конкретного рода или семьи, тем «чужероднее» становились божества и духи, а люди, поклонявшиеся этим божествам, казались совершенно фантастическими созданиями. Прочитав фрагменты «Каталога гор и морей», с которыми в буйстве фантазии не сравнятся, пожалуй, и сведения Геродота и Ктесия о народах, населяющих восточную оконечность древнегреческой Ойкумены: «Там у людей одна рука и одна нога вывернуты, коленка искривлена, ступня вывернута вверх... Эти люди обеими руками держат свои уши. Города их стоят на море, из воды его появляются удивительные твари и снова исчезают в ней. Люди там чернокожие, в каждой руке у них по змее. С левого уха свисает зеленая змея, с правого — красная змея. Иные говорят: к северу от десяти солнц живут люди с черным телом, человеческим лицом, в каждой руке держат по черепахе. У

людей-тигров на теле татуировка, изображающая тигра; вместо ног у них руки... В Великой Пустыне высится гора под названием гора Великой Пустыни. Сюда заходят солнце и луна. Там обитают люди с тремя лицами. У них по три лица и по одной руке. Трехлицые люди не умирают».

Так или иначе, число локальных божеств и духов, «воспринятых» даосизмом, было весьма велико. Возможно, причина жизнестойкости даосского учения как религии, невзирая на всю его абстрактность и «возвышенность», заключается именно в этой «всеядности», в стремлении не подавлять, но поглощать и «осваивать». Это «освоение», как правило, выражалось в создании и освящении даосским жрецом или монахом статуи локального божества, зримого воплощения божественной силы. В работе современного исследователя Вэнь Цзяня кратко описана процедура освящения: «Сотворение статуи непременно сопровождается соответствующими религиозными обрядами. В один из благополучных дней перед началом работы проводят обряды поклонения бессмертным. Затем по верхней части заготовки наносят три или семь легких ударов топором, символизируя этим привнесение в дерево трех душ хунь или семи душ по. Когда работа практически завершена, совершается обряд „вложения органов“ в специально приготовленную на спине идола четырехугольную нишу. Чаще всего туда помещают следующие предметы:

- канонические тексты, отражающие разум и духовность;
- зеркало, символизирующее способность бессмертного безошибочно определять добро и зло;
- календарь — для охраны благоприятной погоды;
- пять знаков — для увеличения плодородия земли;
- алойное дерево, киноварь и сандарак — для защиты от злых духов;
- пятицветные нити, отражающие полноту пяти первоэлементов;
- золото, серебро или другие драгоценности как залог достатка и благополучия;
- даосские амулеты и пепел курительных палочек, символизирующие способность кумира сотворять чудеса.

Чудотворные духи рек. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Вверху в центре — владыка драконов Цзунтун Хэшень-чжи лунван, крайний справа — царь драконов Лунван. Внизу — божества вод.

По окончании работы проводится обряд „открытия и просветления глаз“, во время которого Высокий достопочтенный (даос, руководящий церемонией. — *Ред.*) сбрасывает со статуи красное полотно, оттирает лик, а затем новой кистью наносит киноварь или кровь петуха на зрачки, рот и уши. Другой служитель культа, находясь вне зала, направляет зеркалом солнечный луч в глаза статуи. По представлениям даосов, именно в этот момент вновь сотворенный кумир обретает всевидящее око».⁷²

⁷² Тот же источник приводит любопытные сведения о нынешнем отношении к «кумирам»: «„Культурная революция“ принесла огромные бедствия стране и ее народу. Идеологический фанатизм, жажда наживы и бесчинства экзальтированной толпы привели к безвозвратным потерям произведений искусства, культовых предметов, построек, значительная часть которых имела многовековую историю. Огромное количество монастырей и кумирен было разрушено и разграблено, даосские скульптуры уничтожались бесчисленно. Часть культурного достояния даосов удалось спасти только благодаря мужеству, преданности и находчивости служителей культа и отдельных мирян. Так, известная во всем мире мраморная статуя Лаоцзы династии Тан была спасена монахами, которые на время скрыли ее в земле. Ныне она находится в столичном монастыре Байюнь-гуань. А на горах Цинчэншань толпы хунвэйбинов были остановлены плакатами с цитатами Мао Цзэдуна, которыми даосы закрыли большие статуи кумиров.

В современном Китае повсеместно набирает силу обратный процесс — восстановления утраченных культурных ценностей. Многое приходится создавать заново. Так, 9 сентября 1999 г. в горах Тайшань с большой торжественностью был проведен обряд „открытия и просветления глаз“ вновь сотворенным даосским кумирам. На церемонии были представлены 990 замечательных позолоченных статуй ручной работы. В июле 2000 г. в

Вплоть до сегодняшнего дня большинство локальных божеств и духов сохранили «местный» характер и именно в этом качестве вошли в поздний народный пантеон, объединивший божеств, героев, бессмертных и духов «трех религий» — конфуцианства, даосизма и буддизма.

Выше кратко говорилось о даосской алхимии и медицине, имеющих непосредственное отношение к религиозно-мифологической составляющей даосизма. Не менее тесно связана с этой составляющей и такая магическая практика, как гадания, прежде всего геомантия — основа столь популярного ныне в западной культуре учения фэн-шуй (абсолютно десакрализованного и превратившегося в модное поветрие).

Гадательная практика в Китае восходит к архаическим временам — вспомним «Книгу перемен» и ее знаменитые триграммы, — однако именно даосы поставили гадания «на поток»: составляли гороскопы, астрологические календари, гадательные книги и пособия, а даосские гадатели и предсказатели со временем сделали профессиональной кастой — по выражению Л. С. Васильева, «монополистами в сфере оккультных наук», заняв положение древних шаманов. Многочисленные даосские трактаты соотносили те или иные явления в человеческом организме и те или иные поступки с взаимодействием пяти первоэлементов и сил Инь и Ян, с расположением светил (и «настроением» олицетворявших их божеств), с необходимостью умиловать или, наоборот, наказать того или иного бога (например, поколотить его кумир). Все эти предсказания и толкования подкреплялись ссылками на волю Нефритового императора или на заповеди «великих бессмертных» — Хуанди, Лаоцзы и других.

То же самое верно и в отношении искусства фэн-шуй (буквально «вода и ветер»),⁷³ основа которого — древняя геомантия, учение о подборе «правильных» мест для захоронений и для строительства. Как пишет Л. С. Васильев, даосы «связали законы земной сферы с небесными явлениями, разработали сложную систему взаимовлияний, в которой активнейшее участие принимали звезды, планеты, созвездия, знаки зодиака, сезоны года, пять первоэлементов, силы Инь и Ян и т. д. Эти небесные и мистические силы в различных местах и в разное время действовали неодинаково, поэтому для уточнения их поведения и для соотнесения всех сил необходима была точная ориентация на месте. И именно для этих нужд было сделано одно из величайших изобретений китайцев — компас (лопань)... Кроме ориентации и числовых соответствий важную роль в фэн-шуй играют рельеф местности, ее очертания, характерное для нее направление ветров и вод. Все это, вместе взятое, должно определить, насколько данная местность подходит для поселения, строительства дома, храма, деревни, города или закладки могильника. Местность может быть благоприятной лишь в том случае, если соотношение сил способствует добрым веяниям „космического дыхания“ или просто „дыхания природы“. Гадания и предсказания геомантов имеют своей главной целью уберечь человека от влияния злых духов, неблагоприятных для него воздействий природных и сверхъестественных сил».

Благоприятная местность. Гравюра из древнего руководства по фэн-шуй.

горах Цинчэншань автор наблюдал работу группы скульпторов из пригорода Чэнду, изготавливающих храмовые статуи Трех чистейших для одноименного зала в монастыре Шанцингун. Мастера работают артелью. Подобные заказы, по их словам, поступают из разных мест провинции постоянно».

⁷³ Как писал китайский натурфилософ Го Пу в трактате «Цзаншу»: «Ци (жизненная энергия. — *Ред.*) передвигается, оседлав ветер, и рассеивается, но сохраняется при встрече с водой. Древние собирали ее, чтобы предотвратить рассеивание, направляли его, чтобы обеспечить сохранение. Таким образом, это стали называть фэн-шуй».

С учением фэн-шуй неразрывно связано такое явление, как широко распространенное употребление оберегов и благожелательных символов. Эта практика вошла в обиход опять-таки благодаря даосам.⁷⁴ Обереги и символы принято вешать во всем доме, начиная с входной двери и заканчивая стеной над кроватью. Даосы популяризировали и бронзовые магические зеркала, известные еще с эпохи Чжоу. Во многих даосских трактатах рассказывается о способности этих зеркал показать «истинное лицо» духов и защитить дом и его владельца.

И, конечно, говоря об «ответвлениях» даосизма в целом и даосской мифологии (ведь мифология — это идеология) в частности, нельзя не упомянуть о таком феномене, как боевые искусства. Даосские «физиологические» практики достижения бессмертия предусматривали комплекс последовательных поз, в которых человек совершал строго определенные телодвижения. Из этих движений одни восходили к ритуальным телодвижениям шаманов, другие представляли собой подражание движениям различных животных. Так возникли «поза тигра», «поза лягушки», «поза медведя» и т. п. С этими даосскими «гимнастическими» генетически связаны такие системы боевых искусств, как Ба гуа чжан («ладонь восьми триграмм»), Тайцзиюань («кулак великого предела»), Син и цюань («кулак формы и воли») и другие. Все это «внутренние» стили ушу, которые противопоставляются «внешнему», буддийскому стилю; ярким воплощением последнего является система ушу монастыря Шаолинь. Идеологическая основа различных школ «даосского ушу» — постижение Дао и следование Пути, которое одно и способно даровать воину силу и победу.

Разумеется, при таком разнообразии воспринятых им культов, воззрений, учений, теорий и практик даосизм не был и не мог быть однородным. По замечанию В. В. Малявина, «организационно даосизм всегда был представлен обособленными, замкнутыми сектами». Эти секты расходились не в толковании основ даосского учения, но в методах практического воплощения идеалов. С точки зрения мифологии и мифотворчества наиболее интересными представляются такие секты, как Тайпиндао («Учение великого равенства») и Удоумидао («Учение о пяти доу риса»).

Секта Тайпиндао возникла в середине II века на территории провинции Шаньдун. Ее основатель Чжан Цзюэ в известной степени оказался провозвестником эсхатологии — учения о конце света, которого Китай не знал до распространения буддизма. Чжан учил, что «Синее Небо», воплощенное в императорской династии Хань, скоро погибнет, а на смену ему придет «Желтое Небо» — эра благоденствия и счастья. Сторонники Чжана носили желтые головные повязки, поэтому секта Тайпиндао известна в истории и как секта «желтых повязок». В 184 году «желтые повязки» восстали, однако их выступление было жестоко подавлено императорскими войсками. Тем не менее утопия выжила: бродячие проповедники предрекали неизбежное наступление эпохи «людей-семян», которые будут жить в счастливом мире под властью «Совершенного государя». Эта утопия, во многом «протобуддийская» по характеру, опиралась на даосский трактат «Тайпинцзин», или «Книгу о великом равенстве». В «Тайпинцзин» говорилось о том, что рано или поздно в мир придет «божественный человек, не имеющий облика», который откроет «небесные письма» настоящим людям (чжэньжэнь), а те передадут усвоенное «правителю высочайшей добродетели». Пожалуй,

74 Любопытно, что в современном Китае практика фэн-шуй, наряду с некоторыми другими, официально запрещена, свидетельством чему служит, например, следующий пункт из цитируемого Вэнь Цзянем устава даосов школы Чжэньи, живущих в миру: «Законной религиозной деятельностью, гарантируемой государством и проводимой даосами школы Правильного единства, проживающими в миру, согласно традициям этой школы являются: чтение ритуальных текстов, проведение утренних и вечерних молебнов, толкование канонов и изложение сущности ритуалов, принесение жертвоприношений, совершение даосских служб и других ритуалов.

Подлежат строгому запрету: гадание — вопрошение духа (фу цзи), ритуал выплясывания духа (тяо шэнь), предсказания судьбы (суань мин), физиогномика, изгнание бесов (гань гуй), геомантия (фэн-шуй) и другие виды деятельности, связанные с феодальными суевериями, нарушающие общественный порядок, наносящие вред телесному и духовному здоровью населения».

именно в этом трактате впервые на китайской почве идея божественного откровения, столь популярная в конфуцианстве и даосизме, оказалась связанной с эсхатологическими мотивами.

После разгрома секты Тайпиндао уцелевшие ее члены бежали на запад, где на стыке провинций Шэньсу и Сычуань действовала секта Удоумидао. Своим названием она была обязана ежегодной подати в размере пяти доу (около 50 килограммов) риса, установленной для членов секты ее основателем Чжан Даолином. Это тот самый Чжан Даолин, которого почитали как бессмертного и укротителя демонов и который имел прозвище Небесный Учитель. По преданию, он еще в детстве изучил все даосские тексты, в том числе загадочную «Книгу рецептов Хуанди», благодаря которой сумел создать пилюли бессмертия и в 60 лет вернул себе молодость. Другая легенда гласит, что Чжан учился мудрости у самого Лаоцзы и что последний назначил Чжана своим наместником на земле. Внук Чжан Даолина Чжан Лу создал на основе секты теократическое государство, граждане которого делились на даосских мужей (даоши), посвященных в таинства бессмертия, и даосский народ (даоинь), учившийся у даоши. В. В. Малявин добавляет: «Чжан Лу разбил подвластную ему территорию на 24 округа, а низшее звено его духовной администрации составляли так называемые чиновники-духи и управляющие грешниками, занятые воспитательной работой с „провинившимися“, то есть больными (болезнь толковалась как результат совершенного ранее проступка. — *Ред.*). Заболевших отправляли в особые дома, своего рода тюрьмы, и, когда они раскаивались в своих грехах, пастыри писали имя и просьбу больного на трех полосках бумаги, предназначенных для духов трех мировых стихий — Неба, Земли и Воды». Государство даосов просуществовало до 1927 года, а даосского патриарха (или папу — тяньши) из рода Чжан продолжают назначать до сих пор на Тайване.⁷⁵

Даосский бессмертный. Дерево.

Существовали во множестве и другие секты, однако они, в отличие от двух вышеназванных, не внесли сколько-нибудь значительного вклада в мифологию даосизма, поскольку ориентировались прежде всего на медитацию и этику. Исключение составляет только секта Шэньсяодао («Учение божественных небес»), возникшая в XII веке на юге Китая. Ее основатель даос Линь Линсу проповедовал веру в высшее и срединное небо Шэньсяо и его могущественные божества. При этом императора он провозгласил воплотившимся на земле для установления даосского правления во всем мире старшим сыном Нефритового императора, Государем Вечной Жизни и правителем Шэньсяо. Других членов императорской фамилии и сановников также отождествили с божествами небес Шэньсяо, а самого себя Линь называл небесным чиновником Чу Хуэем. Кроме того, при Линь Линсу произошла реформа буддийской обрядности, которая представляла собой «даосизацию» буддизма; как писал Е. А. Торчинов, «буддийские монахи должны были отныне называться „дэши“ (что указывало на их низший по сравнению с даосами — „даоши“ — статус, поскольку Дэ, „благо“, представляет собой сущность, зависимую от Дао и подчиненную ему). Им предписывалось одеваться в даосскую одежду и зваться мирскими именами. Будда был переименован в „Золотого бессмертного великого пробуждения“, архаты — в бессмертных, Бодхисаттвы — в „великих мужей“». Впрочем, реформа оказалась недолговечной и была отменена еще при жизни Линь Линсу, но культ божественности

⁷⁵ «Ревизией» учения Чжана стала реформа Коу Цзяньжи, советника правителя царства Северное Вэй. Коу утверждал, что в 415 г. ему явился сам Лаоцзы и повелел искоренить практику взимания подати, а обещание прихода «мессии» назвал ересью. В столице царства был воздвигнут храм с фигурами Почтенных Неба (этих бессмертных можно до определенной степени сопоставить с буддийскими бодхисаттвами). Этот реформированный даосизм, испытавший явное влияние буддизма, некоторое время являлся государственной религией Вэй.

императора сохранился, поскольку он вполне соответствовал древнему учению о правителе как Сыне Неба.

Позднейшие секты и школы даосизма опирались в своей идеологии (в широком смысле слова) на принцип «сань цзяо» — единения трех религий. Применительно к религиозно-мифологической сфере этот принцип означал объединение в пантеоне божеств и других персонажей конфуцианства, даосизма и буддизма. Именно влияние последнего радикально изменило китайскую мифологию и привело в конце концов к возникновению в Китае феномена «синтетической мифологии».

Глава 4 «СЕРДЦЕ И ЕСТЬ БУДДА»: мифология китайского буддизма

Ученик победит землю, мир Ямы и этот мир богов.
Дхаммапада

Китай и иноземные влияния. — Мировые религии в Китае. — Проникновение буддизма. — Первые переводчики сутр. — Хинаяна и Махаяна. — «Китаизация» буддизма. — Ваджраяна. — Буддизм и китайская традиция. — Концепция посмертного воздаяния (карма). — Диной. — Император Тайцзун в преисподней. — Буддийский рай. — «Чистые земли». — Сукхавати. — Потала. — Мировые циклы. — Будды. — Шакьямуни. — Бодхисаттвы. — Пратьека-будды. — Амитабха. — Амидизм. — Будда Вайрочана. — Учение о трех телах будды. — Майтрейя. — Толстобрюхий Милэ. — Будда Манджушри. — Бодхисаттва Гуаньинь. — Владыка преисподней Дицзанван. — Бодхисаттва Кшитигарбха как «прообраз» Дицзанвана. — Архаты (лохани). — Бог зла Мара и его присные. — «Голодные духи». — Яньло-ван. — Чань-буддизм (дзэн). — «Убей Будду». — Миф о Бодхидхарме. — «Загрязнение» буддизма. — Учение секты Фанлуньгун. — Буддийский след в народной мифологии.

Китайское сознание в полном соответствии с идеей Чжун го (самоназвание Китая, буквально «Срединное государство» или «Государство в центре мира») воспринимало окружающий мир как «варварскую периферию», которая не способна соперничать с цивилизацией Поднебесной. Поэтому не удивительно, что мировые религии, «иноземные» по своей природе, на китайской почве не прижились, а в той степени, в какой их адаптация все же состоялась, были «китаизированы»: так, приверженцы ислама находили родство между своей верой и конфуцианством⁷⁶ (надпись на стеле в Шэньси гласит: «Великий мудрец Запада Мухаммад жил в Аравии много позже Конфуция, мудреца Срединного государства. Хотя они разделены веками и землями, у них — один разум и одна истина»), а христианство — именно как религия, а не как церковь — пользовалась популярностью, к примеру, среди китайских революционеров (Сунь Ятсен говорил, что принадлежит «не к христианству церкви, но к христианству Христа, который был революционером»). Схожая судьба постигла и третью мировую религию — буддизм, причем эта религия «китаизировалась» настолько, что была воспринята в других странах Дальнего Востока, прежде всего в Корее и Японии, как сугубо китайская.⁷⁷ В самом же Китае буддизм, даже в его «китаизированной» форме, столкнулся с

⁷⁶ «Ученый-мусульманин XVIII в. в своем апологетическом сочинении утверждал, что Бог в исламе есть не что иное, как высшее божество китайской традиции — Шанди, поскольку все религии провозглашают почитание одного бога и одной истины. Другой исламский автор утверждал, что мифический первый правитель Китая Фуси был потомком Адама и что в глубокой древности все ученые были мусульманами. Примечательно, что апологеты ислама всячески подчеркивали сходство их религии с учением Конфуция, но третировали даосизм как вздорные суеверия» (В. В. Малявин).

⁷⁷ «Китайский буддизм, ставший, по существу, своеобразным продуктом синтеза китайской и индийской культур (последнюю и представлял буддизм в Китае), распространился из Китая по всем странам Дальнего Востока (Корея, Япония, Вьетнам), неся с собой не только китайскую иероглифическую письменность, но и те

сильным сопротивлением конфуцианства и даосизма, на недолгое время восторжествовал, но в конце концов был побежден (на государственном уровне) и трансформировался до неузнаваемости по сравнению с индийским «оригиналом». При этом буддизм оказал значительное влияние как на конфуцианство (во многом благодаря ему сложились доктрины неоконфуцианства), так и на даосизм и внес существенный вклад в формирование так называемой синкретической народной религии, а мифология буддизма органично вплелась в общекитайскую мифологию.

Буддизм проник в Китай в I веке нашей эры. Существует легенда, согласно которой в 56 году нашей эры ханьскому императору Мин-ди явился во сне некий святой, сияющий золотым блеском. Утром император созвал мудрых сановников, чтобы узнать, что это за святой. Все они были в недоумении, и только один мудрец сказал: «Ваш подданный слышал, что на Западе есть божество-шэнь, его называют Буддой. Это божество и явилось вашему величеству». Тогда император снарядил посольство в Западный край (Центральную Азию), и это посольство вернулось с буддийскими текстами и священными изображениями, которые везли на белом коне. Сопровождали этого коня два монаха — Дхармаратна и Кашьяпаматанга. В столице империи Лояне монахам были оказаны почести, вскоре там возвели первый буддийский монастырь — монастырь Белого Коня (Баймасы). В этом историческом анекдоте действительности соответствуют только два факта: во-первых, приблизительное время знакомства китайцев с буддийским вероучением, а во-вторых, географическое направление распространения буддизма — из Центральной Азии по Великому шелковому пути; все же прочее, как выразился когда-то Поль Верлен, — «литература».

Лян Кай. Будда, выходящий в мир (XIII в.).

Как писал Е. А. Торчинов, «первыми буддистами в Китае были центральноазиатские купцы. Торговые дома Западного Края, ведущие постоянную торговлю с Ханьской империей, основывали в Китае свои представительства, фактории, работники которых часто жили в Китае всю свою жизнь, для их детей и внуков китайский язык становился родным, и поэтому возникал вопрос о необходимости перевода для них (если они были буддистами) буддийских текстов на китайский язык». Причем по большей части это были тексты практического содержания (методики дыхательных упражнений и техник созерцания), из-за чего многие в Китае воспринимали буддизм как ответвление даосизма, уделявшего немало внимания схожим методикам. Сами даосы относились к буддизму как к «иноземному конкуренту» и прикладывали серьезные усилия к тому, чтобы низвести буддизм до уровня сектантского учения, «отпочковавшегося» от даосизма: так, их стараниями в обиход вошло предание о том, что Лаоцзы, удалившись на запад, в конце концов прибыл в Индию, где и стал наставником Будды. Это предание легло в основу теории «просвещения варваров» (хуа ху), подробно изложенной в апокрифическом сочинении «Канон просвещения варваров Лаоцзы»; в этом сочинении утверждалось, что все деяния, приписываемые буддийскими сутрами Будде, на самом деле совершил Лаоцзы. (В правление монгольской династии Юань «Канон» был признан еретическим сочинением и сожжен.)

Во многом восприятие буддизма как одного из направлений даосизма объяснялось деятельностью — точнее, творческими установками — первых переводчиков индийских сутр на китайский язык. Мало того, что, по замечанию Е. А. Торчинова, «каждый монах-

аспекты китайской культуры, которые к собственно буддизму непосредственного отношения не имели. Таким образом, именно распространение буддизма „за пределы четырех морей“ оказало решающее влияние на протекание там цивилизационного процесса и в конечном итоге на формирование дальневосточного историко-культурного региона» (Е. А. Торчинов).

переводчик переводил то, чем располагал, и на основании этих фрагментарных и эпизодических переводов и компиляций первые китайские буддисты были вынуждены формировать свое представление о буддизме как целом»; немаловажным являлось и то обстоятельство, что в китайской иероглифической письменности иероглифы передают не произношение, а смысл слова, из-за чего переводчики сталкивались с серьезными трудностями при передаче индийских понятий. Ситуация усугублялась еще и тем, что в китайской традиции уже существовал понятийный аппарат, разработанный конфуцианством и даосизмом, и, особенно на первых порах, переводчики пользовались этим аппаратом для объяснения буддийских терминов. По этой причине понятие «бодхи» (просветление) переводилось как «Дао», понятие «нирвана» — как «увэй» (недеяние), понятие «архат» (святой, достигший низшей ступени просветления) — как «сяньжэнь» (бессмертный);⁷⁸ по сообщению английского синолога Дж. Нидэма, даже индийское представление о четырех первоэлементах (земля, огонь, вода, ветер) было перетолковано как представление об усин — пяти первоэлементах (земля, вода, огонь, металл, дерево). В результате подобных переводческих «вольностей» буддийские тексты приобретали немалое сходство с даосскими трактатами.⁷⁹

Начало систематическому переводу буддийских текстов, причем не только сутр (притч — жизнеописаний Будды), но и шастр (философских сочинений), положила во II веке школа монаха Ань Шигао, выходца из Парфии. Эта школа опиралась в переводе именно на метод «подстановки», который нередко приводил к значительной терминологической путанице. В V веке был предложен метод «подбора значений» (гэ-и), который заключался в создании неологизмов по аналогии с санскритскими терминами: например, термин «сансара» отныне переводился как «лунь хуэй» (лунь — колесо, хунь — вращение). Также прибегали к транскрибированию санскритских слов, благодаря чему, к примеру, слово «бодхисаттва» превратилось на китайской почве в «путисадо», сокращенно «пуса». Этим методом пользовалась школа монаха Кумарадживы, переводы которой со временем получили статус канонических. В полном соответствии с китайским мировоззрением этот канон был признан не подлежащим изменениям, и в итоге намного более точные переводы знаменитого Сюаньцзана (VII в.), одного из героев романа «Путешествие на Запад», оказались невостребованными.

Из двух основных направлений буддизма — Хинаяны и Махаяны — в Китае «прижилась» и затем распространилась на другие страны Дальнего Востока именно Махаяна. Принципиальное различие между двумя этими направлениями заключается в том, что Хинаяна («Малая колесница», иначе Тхеравада — «Путь старших») учит о возможности достижения просветления только для монахов, избавившихся от оков сансары собственными усилиями (архатов); Махаяна же («Большая колесница») утверждает, что просветление доступно любому человеку, не только монаху, но и мирянину, смысл жизни которого — благими поступками достичь состояния бодхисаттвы. В отличие от архатов, уходящих в нирвану, бодхисаттвы остаются среди людей, чтобы помочь другим обрести спасение, «взойти на Большую колесницу». По замечанию Л. С. Васильева, «если в Хинаяне главной целью каждого верующего было приблизиться к состоянию будды индивидуально (так

78 Переосмыслению подвергались не только термины, но и целые фразы. Японский исследователь Х. Накамура приводит ряд примеров такого переосмысления: например, в оригинальном тексте «Жена заботится об удобствах для мужа» — в китайском переводе «Жена почитает мужа».

79 «Буддийская нирвана была сродни представлению даосов о бессмертии и в какой-то мере соприкасалась с известным даосским принципом увэй. Даосские поиски бессмертия и идеи о превращении людей в бессмертных и о возможном воплощении их снова в телесную оболочку были близки буддийскому тезису о непрерывных перерождениях всех живых существ. Наконец, даже многие практические рекомендации буддизма — медитации, ограничения в питании, аскетизм, элементы гимнастики, особенно упражнения дыхания — во многом перекликались с тем, что было характерно для даосских поисков бессмертия» (Л. С. Васильев).

сказать, каждый сам себе будда), то Махаяна ввела в обиход представление о бодхисаттве, от которого до будды, до спасения, лишь один последний шаг. Тому, кто достиг состояния бодхисаттвы, спасение практически обеспечено. Однако бодхисаттвы остаются в этом своем статусе и не погружаются в нирвану, не делают последнего шага к своему спасению. Это объясняется их альтруистическими побуждениями». Хинаяна требует отречения от мира, Махаяна же учит, что в этом нет необходимости, достаточно просто верить в возможность спасения. Вероятно, именно возможность «спасения для всех» привлекла первых китайских буддистов в Махаяне, поскольку она вполне согласовывалась с конфуцианским идеалом «совершенномудрого» и даосскими поисками бессмертия, то есть соответствовала устоявшемуся мировоззрению.

Впрочем, Хинаяна тоже пользовалась в Китае определенной популярностью, тем более что по хронологии разделение «изначального» буддизма на Хинаяну и Махаяну и проникновение учения Будды в Китай приблизительно совпадали. Среди первых переведенных буддийских текстов имелось достаточное количество «хинаянистских», в результате чего китайский буддизм, окончательно оформившись, приобрел — если рассуждать исключительно в рамках доктрины этого вероучения — «совокупный» характер с сильным уклоном в Махаяну.

В своем первоначальном виде буддизм на китайской почве просуществовал недолго, причем «китаизации» подверглась как теоретическая, так и практическая его сторона. Как писал Е. А. Торчинов, «в китайском обществе не было никаких аналогов института монашества, поэтому буддийские монахи обвинялись в нарушении не только основополагающих норм культуры и морали, но и вселенского, универсального порядка. Придерживаясь принципа безбрачия и меняя при постриге имя, монах, с китайской точки зрения, отрекался от своих предков, отказываясь от служения им и от продолжения рода. Это считалось аморальным деянием. Кроме того, поскольку само существование космоса обусловлено соединением полярных принципов Инь и Ян, их „браком“, а буддизм призывает к безбрачию, следовательно, он выступает против должного миропорядка и достоин осуждения.

Буддийский монашеский устав требовал от монаха полного отказа от собственности и проживания за счет милостыни, что было вполне естественным в индийских условиях. В Китае это давало повод для резких обвинений членов сангхи (монашеской общины. — *Ред.*) в тунеядстве и безделье. А подобные обвинения часто вели к антибуддийским акциям правительства.

Оправдываясь, буддийские апологеты обычно подчеркивали роль монашества в духовном совершенствовании народа и в деятельности, направленной на благо всех существ, а также, конечно, предков, карма которых улучшается благодаря благим деяниям их потомков-монахов. Буддисты доказывали, что их принципы служения предкам и сыновней почтительности глубже и шире традиционного китайского.

Бодхисаттва. Роспись на шелке (VIII в.).

Кроме того, в Китае сложилась концепция сакрального характера власти императора. Император рассматривался не только как самовластный повелитель своих подданных, но и как космократор, миродержец, управляющий силами вселенной и осуществляющий упорядочивающее воздействие на весь мир посредством присущей ему Благодати — Дэ. Китайское государство, персонифицированное в особе монарха, требовало полного подчинения ему буддийской сангхи: никаких независимых от государства общин или иных объединений в Китае не было.

Подобное требование встретило на первых порах определенное противодействие со стороны монашества. Знаменитый буддийский апологет Хуэй-юань (344–416 гг.), создавший

большую монастырскую общину на горе Лушань и впервые введший в Китае культ будды Амитабхи, в своем сочинении „Монах не должен почитать императора“, соглашаясь с традиционным пониманием императорской власти, утверждал, что монах по своему положению стоит выше императора, ибо все силы последнего „от мира сего“ и укоренены в сансаре, тогда как монах стремится к освобождению от сансары и реализации своей природы Будды, а следовательно, он „надмирен“ и неподвластен монарху-миродержцу.

Тем не менее в конечном счете сангха в Китае оказалась полностью подконтрольной государству, регламентировавшему все стороны ее деятельности, включая признание того или иного человека монашествующим (иногда для этого даже требовался экзамен на знание основных сутр) и регулирование численности монашества».

Третье основное направление буддизма — Ваджраяна («Алмазная колесница»), или тантрический буддизм, — осталось в Китае практически неизвестным, во всяком случае, не получило широкого распространения, несмотря на перевод в XI столетии основных тантрических текстов. При этом нельзя не заметить того влияния, какое тантрический буддизм оказал на иконографию буддизма китайского — и не только буддизма. Мифология Ваджраяны включает множество сюжетов, связанных с полуполюгендарными персонажами — великими гуру (духовными наставниками), основателями монастырей и т. д. В этом Ваджраяна близка даосизму с его культом бессмертных, поэтому на поздних изображениях даосских святых нередко встречаются тантрические символы и эмблемы.

Успешная «акклиматизация» буддизма в Китае, по словам В. В. Малявина, объясняется тем, что «индийская религия принесла в Среднюю империю не просто те или иные идеи и образы, а духовный опыт, в котором абсолютное знание сливается с безграничной любовью. Буддизм предложил китайцам сразу высшую истину (цзун чжи) и незыблемое основание моральной жизни. Более того, буддийский идеал представлял не только аналогом, но и альтернативой китайской мудрости. В лоне цивилизации, воздвигнутой на принципе иерархии и вообще не знавшей идеи абсолютного равенства людей, буддизм довольно скоро освободился от присущей ему поначалу идеи иерархии святости. Внутри культуры, которая акцентировала рациональный самоконтроль в ритуале и не требовала заполнять верой предписываемую ею „почтительную равноудаленность“ людей от богов, буддизм утверждал неистовство веры — вплоть до религиозных самоубийств. Важнейшие достижения китайского буддизма — это, без сомнения, доктрины „внезапного просветления“ и „поминания Будды“ (см. ниже о буддийских сектах. — *Ред.*). Перед нами сугубо китайские формы буддизма, однако исконно китайская традиция ничего подобного не знала. Надо признать, что движущим импульсом „китаизации“ буддизма были силы не только и даже не столько взаимного притяжения, сколько взаимного отталкивания и что иностранная вера была в той мере китайской, в какой она была как бы негативным слепком китайской традиции, своего рода китайским отрицанием китайского. Распространение буддизма привело к переоценке китайской традиции в свете противостояния „явленного“ и „сокровенного“ смысла последней: отличие буддизма от китайских учений, все очевидные признаки его чужеземного происхождения стали выдаваться китайскими буддистами за достоверные свидетельства его глубинного родства с китайской мудростью». В итоге в Китае сложилась система трех учений, или трех религий (сань цзяо), в которой все принципиальные различия между конфуцианством, даосизмом и буддизмом уже истолковывались как признаки их «глубинного» единства.

Буддизм оказал значительное влияние на китайское сознание и китайский образ жизни в целом; разумеется, это влияние не могло не затронуть и мифологию. Прежде всего буддийское влияние затронуло мифологические представления китайцев о мироздании. В архаическом Китае картина мира была трехуровневой — небо, земля и подземный мир; во всяком случае, именно такое деление изображают рисунки на шелковых полотнищах из Мавандуя (II в. до н. э.). Позднее, в основном стараниями даосов, мироздание «среднего уровня» — земли — расширилось по горизонтали (чудесный остров Пэнлай и другие

острова-горы), а небесная сфера «раздробилась» на несколько слоев, отличавшихся друг от друга степенью святости. Буддизм же привнес в китайскую традицию представление о подземном аде, неразрывно связанное с учением о карме.

Карма есть воздаяние за совершенные при жизни поступки. Она может быть благоприятной — и тогда в последующих перерождениях душу ожидают относительно «благие» воплощения («относительно» — поскольку все воплощения происходят в сансаре, обители страданий). Неблагоприятная же карма означает усугубление мучений в грядущих воплощениях — например, рождение не человеком, а животным или, хуже того, злым духом. Чем хуже карма, тем длиннее путь до нирваны — избавления от сансары.

Загробный суд и адские муки. Народный лубок (XX в.).

Это учение радикально изменило парадигму китайского мифологического мышления. До распространения буддизма у китайцев не существовало концепции посмертного воздаяния: считалось, что души наиболее выдающихся людей (или сами эти люди, еще при жизни) возносятся на небеса, а души прочих уходят после смерти в обитель духов, каковая есть также обитель душ предков, и пребывают там заодно с предыдущими поколениями и легендарными прародителями рода людского. Буддизм перенес на китайскую почву представление о загробном суде, который вершится в подземном чистилище — динюй. На загробный суд попадают все души умерших — и простых людей, и знатных, и даже императоров, — и каждой из них назначается наказание и местопребывание в зависимости от ее кармы.

Замечательное описание загробного суда и адских мук приводит У Чэньэнь в своем романе «Путешествие на Запад».⁸⁰ Император Тайцзун после смерти очутился в преддверии ада, к нему вышли десять владык смерти — начальники десяти адских управ, или канцелярий. Они заслушали объяснения Тайцзуна, установили, что он умер преждевременно, и вернули его в «царство света». Прежде чем император возвратился на землю, ему устроили «экскурсию» по преисподней; сопровождавший его сановник Цуй Цзюэ — этакий китайский Вергилий, если сопоставить «Путешествие на Запад» с «Божественной комедией» Данте, — говорит Тайцзуну: «В этом месте царства мрака есть только выход, войти же здесь невозможно. Сейчас, когда мы снова провожаем вас в царство света и вы проходите через колесо превращений для перерождения, мы хотим показать вам царство тьмы и, кроме того, вернуть вас к жизни через перевоплощение».

Император Тайцзун видел Гору теней и «еще много страшных мест, откуда доносились душераздирающие стоны», включая Город смерти, лицезрел переброшенные через бездну мосты — золотой для духов, серебряный для душ праведников и Мост страданий, «под которым завывал ледяной ветер и бушевали кровавые волны». Спутник императора описал этот мост в стихах:

В реке водовороты и пороги,
И грешники висят над крутизной,
Узка над бездной полоса дороги,
Людей пронзает ветер ледяной.

Внизу клокочет огненная лава,
Вскипает где-то яростный поток,
О нет, здесь невозможна переправа!

⁸⁰ Роман «Путешествие на Запад», безусловно, является литературным произведением, как и другие китайские классические романы, однако в изложении мифов и преданий его автор почти скрупулезно точен.

...С косматой головою, босоног,

Спасенья ищет грешник — бесполезно!
Ведь мост высок — немало сотен чи,
Нет поручней — летит несчастный в бездну,
И там его хватают палачи...

Невестки, не послушные свекрови,
Развратницы — без чести и стыда —
Для вас теперь бушуют волны крови,
От кары не уйти вам никуда!

Наги вы — платья брошены на сучья,
Здесь злобных духов вечен грозный вой,
Здесь псы и змеи будут падших мучить,
Здесь — демон зла с коровьей головой...⁸¹

Кроме того, император наблюдал и Мост шести превращений, китайский вариант чистилища. Как сказано в романе, «тот, кто совершает добро, превращается здесь в бессмертного праведника; кто доказал свою безграничную преданность, перерождается в более благородное существо, существо высшего порядка; проявивший почтительность к старшим возрождается к счастливой жизни; придерживающийся справедливости может снова стать человеком; тот, кто был добродетельным, возрождается к богатой жизни; и, наконец, творившие зло превращаются в демонов». По замечанию Б. Л. Рифтина, «согласно поздним представлениям о шести формах перерождения, те, кто творил только добро, рождаются вновь в облике князей, полководцев и сановников; менее добродетельные — в облике купцов, ученых, ремесленников и земледельцев либо вдовцов, бездетных, сирот.⁸² Затем следует наказание в виде рождения в облике животных, птиц и насекомых или пресмыкающихся».

Вернувшись на землю и очутившись в окружении придворных, император поведал им о своем путешествии в ад и о муках, уготованных грешникам: «Кто при жизни нарушил верность или был непочтителен к старшим, недостаточно учтив или несправедлив, кто вытапывал хлеб, лгал и обманывал, обвешивал, насильничал, разбойничал, занимался блудом и обманом, подвергается там всевозможным мучениям: его пропускают через мельничные жернова, предают огню, толкут и рассекают. Там и поджаривают, и варят, и подвешивают, и сдирают кожу. Наказаний там столько, что всех и не перечесть. Затем мне пришлось проходить через Город смерти невинно погибших, где находится бесчисленное множество бесприютных духов. Все это — либо разбойники из шестидесяти четырех наиболее известных мест и мятежники, либо души разбойников других семидесяти двух мест».

Самосовершенствование в трех перерождениях. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

81 Стихотворный пересказ В. Гордеева.

82 Если человек при жизни был хоть сколько-нибудь добродетелен, он перерождается в человеческом облике, пусть и в низшем статусе, поскольку только человеку, согласно буддийскому учению, возможно достигнуть просветления.

Как уже говорилось, диюй состоял из 10 управ, или канцелярий, каждую из которых возглавлял свой владыка (яньван). В синкретической народной мифологии эта классификация была разработана значительно подробнее (см. следующую главу).

Помимо внедрения в китайскую культуру представлений об аде, буддизм оказался причастным и к конкретизации представления о рае, который прежде мыслился как достаточно аморфные (пускай и многоуровневые) «небеса». При посредстве буддизма «небеса» превратились в рай, который обрел все характерные «райские» признаки — медовые реки, золотые деревья с необыкновенными плодами, вечную музыку, пение и блаженство. Особенность буддийского рая состояла в том, что в нем отсутствовали женщины; если они даже и удостоивались чести быть допущенными в рай, то сразу же превращались в мужчин. А с укреплением в Китае позиций Махаяны все большую популярность стала приобретать вера в множественность будд и множественность миров, которые творят эти будды. Среди неисчислимого множества этих миров, по Махаяне, имеются «чистые земли» — миры, где будды достигают просветления. В китайской традиции наибольшую известность получила «чистая земля» будды Амитабхи — Сукхавати, или Обитель предельного блаженства. В сутре «Сукхавативьюха» дается описание этого аналога рая:

«Страна предельного блаженства окружена семью рядами ограждений, семью рядами деревьев, семью рядами сетей с колокольчиками, и все они, прекрасные и красивые, сделаны из драгоценностей четырех видов; а именно из золота, серебра, ляпис-лазури и хрусталя.

Есть в Стране предельного блаженства лotosовые водоемы, сделанные из драгоценностей семи видов; а именно из золота, серебра, ляпис-лазури, хрусталя, рубина, халцедона и перламутра. Эти водоемы наполнены водой восьми замечательных качеств; дно каждого водоема покрыто золотым песком. И у этих лotosовых водоемов со всех четырех сторон поднимаются прекрасные, украшенные лестницы, сделанные из драгоценностей четырех видов; а именно из золота, серебра, ляпис-лазури и хрусталя. И вокруг этих лotosовых водоемов стоят прекрасные деревья из драгоценностей семи видов; а именно из золота, серебра, ляпис-лазури, хрусталя, рубина, халцедона и перламутра. И в этих лotosовых водоемах цветут удивительные лotosы разных цветов: синего цвета, синего сияния, синего знака; желтого цвета, желтого сияния, желтого знака; красного цвета, красного сияния, красного знака; белого цвета, белого сияния, белого знака; прекрасных цветов, прекрасных сияний, прекрасных знаков; размером с колесо повозки.

В этой земле вечно играют удивительные музыкальные инструменты и прекрасная земля там золотого цвета. И в той буддхакшетре („поле будды“, то есть „чистой земле“. — *Ред.*) трижды ночью и трижды днем идет цветочный дождь из небесных цветов мандаравы. В первой половине дня каждое живое существо, живущее там, сотни тысяч миллионов будд всех направлений почитает и, свой мир покинув, каждого Татхагату (будду. — *Ред.*), одного за другим, сотнями тысяч миллионов цветов обсыпав, снова в свой мир возвращаются и там наслаждаются.

В той буддхакшетре живут удивительные белые гуси, цапли, павлины. Они трижды ночью и трижды днем слетаются вместе и гармонично поют, каждый своим собственным голосом. Их голоса провозглашают силу просветления Бодхи. И тогда у тех людей, которые эти слова слышат, разум наполняется Буддой, разум наполняется дхармой (учением Будды. — *Ред.*), разум наполняется сангхой. Как ты думаешь, почему эти живые существа приняли облик птиц? Не следует думать, что из-за своих грехов. И на каком основании? Даже имени нет в той земле, ада, мира животных и мира Ямы (то есть неблагоприятных рождений. — *Ред.*). Это собрание птиц появилось в том мире по слову дхармы Татхагаты Амитаюса.

В той буддхакшетре, когда дуют приятные освежающие ветры, ряды драгоценных деревьев и драгоценных сетей с колокольчиками издают прекрасные звуки. Далее, там сотни тысяч миллионов небесных музыкальных инструментов сами собой играют и, вместе с рядами деревьев и сетей с колокольчиками, прекрасные звуки издают. И тогда те люди, которые эти звуки слышат, Будду вспомнив, тело устанавливают, дхарму вспомнив, тело

устанавливают, сангху вспомнив, тело устанавливают. Такими прекрасными качествами и достоинствами украшена эта буддхакшетра».

Вполне возможно, что популярность «чистой земли» будды Амитабхи на китайской почве объяснялась ее «соположением» с царством богини Сиванму: и рай Амитабхи, и обитель Сиванму, владычицы бессмертия, располагались где-то на западе. А поскольку вера в Сиванму бытовала с архаических времен — и была впоследствии «усугублена» даосами, — «западный рай» Амитабхи, вероятно, представлялся китайцам новой ипостасью царства богини бессмертия. Вдобавок широкое распространение в Китае получило учение буддийской школы Цзинту (школы «Чистой земли»), которая утверждала, что для личного спасения достаточно «поминания Будды», по-китайски «няньфо», то есть молитв будде Амитабхе и даже простого произнесения его имени.⁸³ Как писал Е. А. Торчинов, «из всех обетов Амитабхи особую важность приобрел один: а именно его обещание, что любой человек независимо от его поступков непременно обретет рождение в Земле Блаженства, если будет полностью уповать на Амитабху и с нерушимой верой повторять его имя. Может возникнуть вопрос о том, что же в таком случае происходит с законом кармы. Он продолжает действовать, хотя и трансформируется, в силу великих обетов будды и энергии его великого сострадания. Например, убийца, уверовавший в Амитабху, после смерти не попадет в ад, но он пробудет в бутоне лотоса столько времени, сколько нужно для исчерпания дурной кармы, содеянной убийством. После же своего рождения в Сукхавати он долгое время не будет допущен в сообщество святых и долго будет лишен возможности лицезреть будду Амитабху».

В известной степени к «чистым землям» можно отнести и Поталу — владения бодхисаттвы Авалокитешвары (Гуаньинь). Как правило, эту территорию упоминают в связи с буддизмом Тибета, однако она известна и в китайской традиции: Потала, или Путо, локализуют сразу в нескольких местах — на одноименном острове в Восточно-Китайском море, на горе Утай (провинция Шэньси) и в провинции Хэбэй. При этом считается, что бодхисаттва обитает в раю Сукхавати, а в Потале лишь появляется время от времени. В частности, именно в Потале будда Шакьямуни «произвел» Гуаньинь в бодхисаттвы.

Наконец, буддизм привнес в китайскую мифологию эсхатологические мотивы — представление о мировых циклах и конце света, знаменующем собой завершение очередного цикла. До буддизма эсхатология была китайцам неизвестна, считалось, что мир сотворен единожды и существует вечно. Согласно буддийскому учению, мировой цикл делится на несколько протяженных периодов — калпы; различаются калпы становления, существования, разрушения и отсутствия. Калпа разрушения знаменует собой приход в мир будды грядущего — Майтрейи (*кит.* Милэ). Ученый монах Фа Сянь так описывал эту калпу: «...Когда иссякнет учение Будды, срок жизни людей сократится до пяти лет, и в эти пять лет всего будет мало — и риса, и масла. Тогда народ, жестоко озлоблен, станет выдирать траву и деревья, но травы превратятся в ножи, а деревья — в палки; и все бросятся друг друга колотить, резать да убивать. Но останутся еще среди них достойные, и удалятся они в горы... Когда же в мир явится Майтрейя и начнет вращать колесо учения, то прежде всего спасет тех последователей учения, завещанного Шакьямуни, кто ушел от мира, кто принял три защиты, пять воздержаний и восемь обетов, кто приносил дары Трем драгоценностям

⁸³ В результате в китайском языке имя будды Амитабхи (*кит.* Амитофо) даже приобрело «эмоциональное» значение, превратилось в эмотикон (ср. русское «Господи!»). Ср. замечание К. Ю. Солонина: «В народном измерении Чистая Земля Амитофо лишается той минимальной степени метафизичности, которая была ей присуща изначально, и становится улучшенным земным миром. Имя будды Амитофо из философизированного и мистического символа превращается в инструмент практической магии, призванной доставить не столько метафизическое спасение, сколько практическое долголетие, успех в делах и избавление от страданий. Иллюстрацией этого может быть и то обстоятельство, что имя „Амитофо“ на Тайване во многих случаях заменяет приветствие и становится заменителем традиционного „здравствуйте“. Скорее всего, именно в приниженном по отношению к изначальному состоянию буддизм и смог в полной мере стать народной китайской религией».

(Будде, дхарме и сангхе. — *Ред.*). Во вторую же и в третью очередь он спасет тех, кто связан мирскими узами». После прихода Майтреи мир погибает, и утверждается бесконечное пространство пустоты (у) — мир без качеств и свойств, из которого постепенно «проявляется» новый мир реального (ю), мир бытия «десяти тысяч вещей» (вань у).

По замечанию В. В. Малявина, «буддизм принес в Китай представления о периодических мировых катастрофах, после которых мир появляется заново из „животворной пустоты“». ⁸⁴ При этом смена мировых эпох мыслилась китайцами в категориях естественной эволюции, протекающей совершенно равномерно, без скачков и аномалий».

Эволюция мироздания в китайской буддийской традиции протекает при непосредственном участии божеств — бодхисаттв и будд. Здесь следует упомянуть о том, что в буддизме наивысшее положение занимает человек, а божества и духи признаются не более чем порождениями человеческой психики, поэтому, с одной стороны, буддийский пантеон включает в себя множество локальных божеств, а с другой — ставит их в подчиненное положение; ⁸⁵ место богов архаических религий в нем занимают именно будды и бодхисаттвы. При этом в каждом регионе из тех, где утверждался буддизм, пантеон носил ярко выраженный «местный» характер — на передний план в культе выдвигались те будды и бодхисаттвы, которые имели принципиальное «идеологическое» значение для конкретной местности. Поэтому, например, будда Амитабха в Индии, на родине буддизма, оставался второстепенным божеством, а в Китае, Тибете и Японии его культ получил весьма широкое распространение. В результате подобной «локализации» чрезвычайно обширный общепантеон в каждом отдельно взятом регионе имел свои особенности.

Для Китая первой такой особенностью является скромное, «подчиненное» положение в пантеоне легендарного основателя буддизма принца Сиддхарты Гаутамы, после просветления ставшего буддой Шакьямуни — или просто Буддой. Даосы утверждали, что Будда был учеником Лаоцзы; сами китайские буддисты признавали «приоритет» Шакьямуни, однако, в полном соответствии с учением Махаяны, считали его всего лишь одним из множества будд. Японский синолог Д. Цукамото подсчитал, что в известном храмовом комплексе Лунмынь будде Шакьямуни посвящено 94 надписи, тогда как будде Амитабхе — 222 надписи, а бодхисаттве Гуаньинь — 197 надписей. По замечанию Л. С. Васильева, популярность в Китае приобрели «те будды и бодхисаттвы, с именами которых китайцы охотнее всего связывали свои надежды на светлое будущее, на счастливую жизнь и великие перемены. Все остальные персонажи буддийского пантеона занимали в Китае более чем скромное положение, и к их помощи и покровительству прибегали много реже, лишь в конкретных случаях (когда речь шла о покровительстве в сравнительно узкой сфере влияния данного божества)». При этом святые, связанные с Шакьямуни, — например, фаланга пальца Будды, находящаяся в храме Фамэнсы (провинция Шэньси), — истово почитаются верующими.

Прежде чем перейти к описанию наиболее почитаемых в Китае будд и бодхисаттв, необходимо «обратиться к истокам» — объяснить значение этих терминов и их китайскую специфику. Согласно толкованию «Мифологического словаря», будда — это человек, достигший наивысшего предела духовного развития. Всякий будда начинает с того, что

⁸⁴ В трактате средневекового ученого У Линьчуаня говорится: «По прошествии 5400 лет (после мировой катастрофы. — *Ред.*) твердое вещество, в которое обратилась Земля, утончается и рассеивается, соединяясь с тончайшим эфиром, из которого состояло Небо, и образуется единое вещество. Таков первоначальный хаос... После этого понемногу усиливается свет. По прошествии 5400 лет самые легкие частицы хаоса отделяются и образуют солнце, луну, планеты и звезды. В середине второго периода из твердого вещества появляются почва и камни, а из жидкого — вода; теплые же части жидкости образуют огонь. Вода, огонь, почва и камни имеют присущие им свойства и образуют землю. По прошествии еще 5400 лет между Небом и Землей появляются люди.»

⁸⁵ Боги могут достичь нирваны, только переродившись как люди.

принимает решение стать буддой, то есть выйти из сансары и спасти от страданий других живых существ; приняв такое решение, человек становится бодхисаттвой. В Хинаяне число бодхисаттв ограничено 26-ю, включая сюда будду настоящего времени Шакьямуни и будду грядущего Майтрею; в Махаяне же — из-за чего последнюю также называют Бодхисаттваяной, то есть «Колесницей бодхисаттв», — количество бодхисаттв бесконечно, как бесконечно число миров. Когда бодхисаттва достигает просветления, он становится буддой, переходит, если опираться на махаянистскую концепцию трикая («трех тел»), из «конкретного» (нирманакая) в «идеальное» (самбхогакая) тело; высшая ступень трикая — «абсолютное» тело (дхармакая), воплощенное в Ади-будде («первоначальном будде»), из которого эмануруют другие будды и бодхисаттвы. В «Сутре лотоса сокровенного закона» именно о дхармакае говорит Будда: «Все, кто внемлет мне с верой в могущество тайного чудесного проникновения Так Пришедшего! Небожители и люди, а также демоны-асура всех миров веруют в то, что настоящий Будда Шакьямуни оставил дворец рода Шакьев и неподалеку от города Гая воссел на Трон Пути, обретя ануттара-самьяк-самбодхи (истинное просветление. — *Ред.*). Меж тем, благие мужи, с тех пор как я воистину стал буддой, прошли несчетные, несметные сотни, тысячи, десятки тысяч, миллионы кальп... Благие мужи! Теперь я изложу подробно. Если, предположим, миры, в которые были брошены пылинки, и миры, в которые они не были брошены, растереть в пыль и считать одну пылинку кальпой, то время, когда я стал буддой, все равно тому предшествует. Ибо сотни, десятки тысяч, миллионы я неизменно пребываю в этом мире Саха, толкуя Дхарму-Закон и обращая в веру. К тому же в сотнях, тысячах, десятках тысяч, миллионах других стран я также вел ко благу живые существа. Благие мужи! Все это время я проповедовал о будде, Зажегшем светильник,⁸⁶ и других буддах, утверждая, что они вступили в нирвану. Благие мужи! Ввиду упований живых существ на ничтожный Закон и поелику их малых добродетелей и порочности, Так Пришедший проповедует: „Я в молодые годы оставил семью и обрел ануттара-самьяк-самбодхи“. Однако в действительности я стал буддой в незапамятные времена. Прибегая к приемлемым средствам, я обращаю существа на Путь Будды — так я осуществляю свою проповедь... Поскольку живые существа имеют различную природу, различные желания, различные поступки, различные помыслы и способность к различению, то, желая взрастить в них благие корни, я прибегаю к всевозможным уподоблениям и словесам и так различно проповедую Закон. Деяния на этом поприще я никогда не оставлю. Итак, с тех пор как я стал буддой, прошло очень большое время. Моя жизнь длится неисчислимы кальпы; она бесконечна и никогда не прекращается».

Задача будды состоит в проповеди дхармы — учения, исповедуя которое можно достичь нирваны. При этом каждый будда проповедует в собственной буддахшетре, или буддахшетре («поле будды»), но может и содействовать спасению живых существ от страданий в других буддахшетрах. Известна также особая категория будд — пратьека-будды (буквально «будды для самих себя»): эти будды достигли нирваны, но не проповедуют дхарму. Как писал Е. А. Торчинов, «пратьека-будды — категория достаточно загадочная, и до сих пор не совсем понятно, какие исторически существовавшие социальные группы или типы личности могут быть к ней отнесены. Само это выражение означает „уединенный“ или „отъединенный“ будда, „будда для себя“. Предполагалось, что пратьека-будды обретают нирвану самостоятельно, собственными усилиями, вне связи с сангхой и без опоры на учение Будды. Достигнув цели, они не проповедуют дхарму людям, оставаясь в уединении и полном отрешении от мира. По существу, Мара, искушая Будду призывом оставаться под Древом Бодхи и не ходить на проповедь,⁸⁷ стремился превратить Шакьямуни в пратьека-будду, что

86 Имеется в виду будда Дипанкара, первый из будд, при котором, по легенде, Шакьямуни принял решение стать буддой.

87 Имеется в виду знаменитая легенда о том, как бог зла и смерти Мара искушал будду Шакьямуни, ожидавшего просветления под деревом Бодхи.

ему, как мы знаем, не удалось. Считается, что пробуждение пратьека-будд заключается в постижении ими принципа причинно-зависимого происхождения (пратитья самутпада)». В народном буддизме идеология пратьека-будд трансформировалась в идею о том, что человек должен совершенствовать личную карму не ради спасения других живых существ, а чтобы переродиться снова человеком или, в худшем случае, божеством.

Все эти персонажи присутствуют в пантеоне китайского буддизма, причем среди будд особым уважением пользуются Амиабха (Амитофо), Вайрочана (Дажи) и Майтрейя (Милэ), а среди бодхисаттв — Авалокитешвара (Гуаньинь) и Кшитигарбха (Дицзанван). «Унаследованные» из Индии, эти образы с течением времени китаизировались настолько, что сегодня воспринимаются как сугубо «автохтонные».

Толстобрюхий Милэ. Рисунок (XVIII в.).

Будда Амиабха («неизмеримый свет») известен только Махаяне, Хинаяна его не знает. По легенде, до достижения просветления он был бодхисаттвой по имени Дхармакара. В сутре «Сукхавативьюха» он так объясняет свое решение стать буддой и создать «чистую землю» Сукхавати: «Дхармакара сказал: „Я желаю, чтобы Почитаемый Миром, являя великое сострадание, внимательно выслушал меня! Если я воистину обрету наивысшее бодхи и свершу истинное просветление, то в моей стране Будды, обладающей невообразимыми заслугами, добродетелями и великолепием, не будет адов, злых демонов, птиц и зверей, летающих и ползающих насекомых. Все живые существа, вплоть до обитателей мира Ямы и трех дурных миров, которые родятся в моей стране, будут преобразованы [силой] моей Дхармы, мгновенно достигнут аннутара самьяк самбодхи (истинного просветления) и не родятся вновь в дурных областях существования. Если я исполню этот обет, то стану Буддой. Если же я не исполню этот обет, то да не обрету я непревзойденное истинное просветление.

Когда я стану Буддой, то все живые существа десяти сторон света, которые родятся в моей стране, [обретут] тела цвета пурпурного блестящего истинного золота и тридцать два признака великого мужа. Их конечности будут прямы и чисты. Если их телесный облик будет чем-либо отличаться [от вышеописанного], если они будут обладать каким-либо уродством, тогда не обрету я истинное просветление.

Когда я стану Буддой, то все живые существа, которые родятся в моей стране, будут знать свою судьбу на протяжении бесчисленных [прошлых] кальп, [а также] будут знать содеянное [ими] добро и зло. Они будут способны прозревать и воспринимать на слух явления прошлого, будущего и настоящего в десяти сторонах света. Если я не исполню этот обет, то да не обрету я истинное просветление.

Когда я стану Буддой, то все живые существа, которые родятся в моей стране, обретут способность проникновения в чужое сознание. Если они не будут способны узнавать о мыслях и [содержании] сознания обитателей сотен тысяч земель [иных] Будд, то да не обрету я истинное просветление“».

Выполнив все принятые им на себя обеты, Дхармакара стал буддой по имени Амиабха, а его мир превратился в райскую землю. По замечанию Е. А. Торчинова, «в этом мире практически нет страданий, и даже рождение в нем обретают не из материнской утробы, а из цветка лотоса. Родившиеся в Земле Блаженства люди совершенствуются на пути Дхармы под руководством самого Амиабхи, а затем вступают прямо в окончательную нирвану».

Один из обетов Амиабхи — обещание, что любой человек независимо от своих поступков непременно обретет рождение в Земле Блаженства, если будет полностью уповать на Амиабху и с нерушимой верой повторять его имя, — стал основой школы китайского буддизма, известной как школа Чистой земли (Цзинту). Сам этот обет превратился в доктрину «поминания Будды», которая стала весьма популярной в народном буддизме — по причине чрезвычайной простоты достижения спасения.

Из Китая культ Амитабхи проник в Японию, где монах Синран создал школу Истинной веры Чистой земли (Дзедо син-сю), которая на сегодняшний день является самой популярной школой японского буддизма. Е. А. Торчинов писал: «Синран учил, что ныне люди выродились и им более недоступны сложные формы йогической медитации, принятые в других школах буддизма. Поэтому единственный путь к спасению для них — вера в Амитабху и его спасительные силы. Более ничего не нужно — ни длинных молитв, ни сложных методов созерцания, ни знания философии, ни даже соблюдения монашеских обетов, — все заменяет пламенная вера».

В новелле замечательного японского писателя Акутагавы Рюноске повествуется, как один самурай, свирепый и неукротимый воин, услышал проповедь монаха о Блаженной Земле Амитабхи. Он выхватил меч и, прижав его к горлу монаха, потребовал, чтобы тот сказал ему, где находится эта земля. «На западе, на западе», — прохрипел монах. Тогда самурай немедленно отправился на запад. Он шел дни и ночи и наконец дошел до берега океана. Лодки у самурая не было, и он залез на дерево, чтобы дальше видеть в западном направлении. Так самурай и сидел неподвижно сутки за сутками, вглядываясь в горизонт, пока не умер от голода и жажды. И тогда на том месте, где он сидел, расцвел огромный благоуханный белый цветок. Этот рассказ, японский по духу, прекрасно передает суть амидизма (веры в будду Амитабху, японское имя которого — Амида).

В буддизме Ваджраяны сложилось представление об особой ипостаси Амитабхи — Амитаюсе, будде бесконечной жизни. В Китае этот будда полностью отождествлялся с Амитабхой, тогда как в Тибете, например, ему поклонялись как самостоятельному божеству.

Будда Вайрочана в Китае считается Ади-буддой, то есть «первоначальным буддой». В комментариях к «Махавайрочана-сутре» говорится, что если исторический будда Шакьямуни передавал свои идеи большому количеству людей, употребляя понятные слова, то вселенский будда Вайрочана изрекал эзотерические истины, не ставя задачей их непосредственное широкое распространение. Школа Тяньтай считала Вайрочану олицетворением изначального, сокровенного знания, своего рода «первопринципом», который вдобавок содержит в себе как добро, так и зло. Гигантская статуя Вайрочаны, космического владыки вселенной, в храме Лунмынь буквально подавляет собой окружающие ее скульптуры канонизированных святых и духов-охранителей.

В Японии культ Вайрочаны пропагандировала школа Сингон, основатель школы Кукай представлял Вайрочану своего рода трансцендентным, «инвариантным» Буддой. В трактате «Значение звука, знака, истинно сущего» Кукай писал: «Татхагата [Махавайрочана] излагал учение непременно при посредстве знаков-письмен. Пребывание этих знаков — в теле Шести Загрязнений. Источник [появления и искоренения] Шести Загрязнений — в Трех Таинствах Дхармакая Будды. Три Таинства Дхармакая пребывают повсюду в мире дхарм, постоянны и неизменны. Пять Мудростей и Четыре Тела [Дхармакая] охватывают десять миров [и ни в чем] не имеют недостатка. Просветленные именуются Постигшими Великое; заблуждающиеся — живыми существами. Живые существа сластолюбивы и темны, не могут сами постичь [Великое]; Татхагата посредством привносимого и имеющегося показывает [им путь] возвращения к сути. Основа возвращения к сути не установится при отсутствии Великого Учения. Процветания Великого Учения не наступит при отсутствии Великого Учения. Процветания Великого Учения не наступит при отсутствии звуков и знаков. При ясно понятых звуках и знаках проявляется истинно сущее. То, что называют „звуком, знаком, истинно сущим“, есть Три Таинства Дхармакая — суть сущность основы бытия живых существ. По этой причине Татхагата Махавайрочана, излагая значения знака, звука, истинно сущего, тревожил уши долго спавших живых существ. Учения Закона — будь то явные, будь то тайные; внутренние ли, внешние ли — кто избежит входа в эти врата?» Как и в случае с Амитабхой, более поздний японский источник помогает лучше понять суть китайского «оригинала», здесь конкретно — его «надмирность» и всеприсутствие.

Культ будды грядущего Майтреи сложился в Китае усилиями одного из первых переводчиков буддийских сутр, монаха Даоаня. Как пишет Л. С. Васильев, «считалось, что

этот будда является покровителем всех буддийских ученых, толкователей и интерпретаторов священных текстов. Это обстоятельство, видимо, сыграло немаловажную роль в выборе Даоаня, который и принял решение ритуализировать этот буддийский культ по китайскому образцу, обожествить Майтрею. Как сообщают источники, Даоань с семьюдесятью своими ближайшими последователями совершил ритуальную церемонию преклонения перед специально воздвигнутым в его монастыре изображением Майтреи и высказал молитвенное пожелание переродиться на том небе, где обитает это божество. Хотя это был в то время религиозный акт, имевший узкопрактическое значение лишь для группы монахов, этим было положено начало получившему затем большую популярность в Китае культу Майтреи».

В V–VI веках, когда в Китае вновь вспыхнули политические междоусобицы, многие буддисты ожидали пришествия Майтреи, однако их ожидания не оправдались, и культ будды грядущего стал приходить в упадок — чтобы возродиться в эпоху Сун (X–XIII вв.). По преданию, в X веке некий монах прославился умением предсказывать погоду; о нем слагали все больше историй, а когда он таинственно исчез, этого монаха признали Майтрейей, спустившимся к людям. С этих пор будду грядущего все чаще стали изображать в образе улыбающегося монаха с огромным животом. Отныне его все чаще называли не Майтрейей, а Милэфо, или Толстобрюхим Милэ.⁸⁸ С приходом Милэ связывались чаяния, которые в христианской традиции связываются со вторым пришествием Христа, — установление порядка и справедливости, облегчение страданий и устранение неравенства в отношениях между людьми.

Эти мессианские мотивы привели к тому, что в стране начали возникать тайные общества, стремившиеся приблизить наступление царства Милэ, или царства Белого лотоса. Последний образ связан с тем, что в представлении приверженцев Майтреи мировая история делится на три периода (царства): царство Черного лотоса — прошлое, царство Красного лотоса — настоящее и царство Белого лотоса — будущее.

«Классический» Майтрея обитает на небе Тушита — одном из двадцати восьми небес буддийской мифологии, в мире желаний (камалока). Обитель китайского Милэ — небо Доушань, на котором пребывают бодхисаттвы перед воплощением среди людей; это небо также принадлежит миру желаний.

Помимо неизвестного загадочного монаха, с Майтрейей отождествляли других представителей китайского буддийского монашества. Кроме того, время от времени появляются «самопровозглашенные» Майтреи: в частности, не так давно буддой грядущего объявил себя основатель сайентологии американец Рон Л. Хаббард.

Среди бодхисаттв прежде всего следует упомянуть Манджушри (*кит.* Вэнь Шу) — ученика будды Шакьямуни, который решил оставаться в сансаре до тех пор, пока в ней имеется хотя бы одно живое существо, нуждающееся в спасении. Этот бодхисаттва воплощает собой познание и мудрость и является героем множества притч, сюжет которых аналогичен — Шакьямуни объясняет Манджушри тот или иной вопрос вероучения. Характерным примером таких притч может служить следующая:

Гуаньинь. Статуэтка эпохи Мин.

«Во времена Будды Шакьямуни Манджушри отправился на собрание всех будд. Однако ко времени его прибытия все будды уже разошлись. Только одна девушка все еще находилась в состоянии самадхи. Манджушри спросил у Будды, как смогла девушка достичь такой просветленности, которая даже ему была недоступна. „А ты верни девушку в чувство и спроси у нее сам“, — ответил Будда.

⁸⁸ Японский вариант Милэ — «смеющийся монах» Хотэй, один из семи богов счастья.

Манджушри трижды обошел вокруг девушки и щелкнул пальцами, но безрезультатно. Он вознес ее на вершину небес и употребил все свои божественные силы, но так ничего и не добился. Шакьямуни сказал: „Даже сто тысяч Манджушри не смогли бы вывести девушку из медитации. Но внизу, за пределами двенадцати сотен миллионов миров, находится бодхисаттва Неведения. Он сможет сделать это“. В тот же миг бодхисаттва Неведения вырос из-под земли и отвесил поклон Шакьямуни, а тот велел ему пробудить девушку. Бодхисаттва Неведения подошел к девушке, щелкнул пальцами, и девушка тотчас очнулась.

Умэнь заметит: Старик Шакьямуни разыграл плутовскую сцену и был не слишком разборчив в средствах. Спрошу вас: Если Манджушри, наставник семи будд, не смог вывести девушку из состояния самадхи, то как удалось это сделать бодхисаттве Неведения, самому низкому из бодхисаттв? Тот, кто поймет скрытый смысл этого рассказа, сможет войти в царство великого сосредоточения духа, живя в мире суетного». ⁸⁹

В «Сутре лотоса сокровенного закона» о Манджушри сказано:

Великий в мудрости и добродетели!
Отважный и стойкий!
Ты обратил и привел к спасению
Бесчисленное множество существ.
Теперь великое собрание,
Как и я сам,
Все видели это.
Ты объяснил смысл
Истинной сущности,
Являя Дхарму-Закон Единой Колесницы.
Ты повсеместно направляешь множество живых существ,
Побуждая их скоро достичь прозрения-бодхи. ⁹⁰

Как правило, Манджушри изображали в позиции «изучающего Закон» (дхарма чакрамуда), либо держащим эмблемы знания и мысли: в одной руке — меч знания, рассекающий тьму неведения, в другой — книгу. Существуют изображения Манджушри и верхом на льве, и с синим лотосом в руке. Некоторые предания утверждают, что он появился в мире из головы будды Амитабхи.

В тибетском буддизме воплощением Манджушри считается Цзонкапа — основатель философской школы гелугпа. В Непале рассказывают, что Манджушри победил водяных чудовищ из огромного горного озера, потом пробил мечом берег, вода схлынула — и на этом месте образовался Непал. А исследователь мифологии сибирских народов Л. Я. Штернберг упоминает о мифе, согласно которому, когда наступил миг сотворения земли, Манджушри вышел из чрева Черепахи-Прародительницы, принял собственный облик, поднялся ввысь и пустил в нее стрелу. Убитое животное погрузилось на дно, образовав подножие земли. По замечанию Е. Ю. Кнорозовой, «можно предположить, что буддийская фигура Манджушри-строителя наложилась на мифологического героя, творящего мир из водной стихии с помощью чудесного меча. Этот миф, вероятно, был популярен среди народов Юго-Восточной Азии».

Подобно Манджушри, бодхисаттва Гуаньинь появилась в мире из тела будды Амитабхи: она вышла из луча света, выпущенного Амитабхой из правого глаза. Это, пожалуй, наиболее популярное и почитаемое буддийское божество в Китае. Ее образ восходит к индийскому бодхисаттве Авалокитешваре, которого в Китае поначалу изображали в мужском облике (с усами), однако со временем он «сменил пол» (вероятно, под влиянием

89 Перевод В. В. Малявина.

90 Перевод А. Н. Игнатовича.

Ваджраяны, в мифологии которой женские персонажи занимают особое место; достаточно вспомнить, к примеру, тибетскую бодхисаттву Тару). Эта трансформация произошла приблизительно в VIII столетии; позже сложилось историческое предание, обосновывающее метаморфозу бодхисаттвы. Согласно, этому преданию, Гуаньинь в земной жизни звалась принцессой Мяошань и приходилась дочерью правителю одного из индийских княжеств. Вопреки воле отца, хотевшего отдать ее замуж, она ушла в монастырь, чтобы «приблизиться к Будде». Когда отец узнал о местопребывании Мяошань, он послал в отряд солдат, которые сожгли монастырь, а саму принцессу привезли домой. Отец предложил ей выбор — принять его условия или погибнуть. Мяошань предпочла сохранить веру и была задушена. Однако в подземном мире ей достался персик бессмертия, и владыка ада Яньло вернул принцессу в мир людей. На горе Сяншань на острове Путо она встретила будду Шакьямуни, который помог ей стать бодхисаттвой.

Сидящая Гуаньинь. Бронза (XII в.).

Как и ее индийский «прообраз» Авалокитешвара, Гуаньинь — спасительница от страданий. К ней обращаются с молитвами и верят в ее способность защитить от любой напасти; одна молитва гласит: «Слава милостивой Гуаньинь! Если бросят меня на грудь ножей — они мне не повредят. Если бросят меня в огненное озеро — оно меня не опалит. Если окружают меня голодные демоны — они меня не тронут. Если даже превращусь я в животное — все равно попаду на небеса. Слава милостивой Гуаньинь!» Считалось также, что она помогает душам умерших находить дорогу в рай своего «отца» будды Амитабхи. Будучи спасительным божеством и получив женский облик, Гуаньинь, что вполне естественно, стала почитаться и как женская богиня — покровительница, родовспомогательница, дарующая детей и их опекающая. В «Сутре лотоса сокровенного закона» говорится: «Если женщина желает иметь сына, пусть она с поклонами и почтением принесет свои мольбы Гуаньинь. И тогда через должный промежуток времени она родит сына, отмеченного счастьем, умом и добродетелью».

При этом Гуаньинь может быть не только милостивой, но и грозной. Когда ее изображают тысячерукой, на ладони каждой руки у нее имеется глаз, благодаря чему она одновременно видит всех попавших в беду в бесчисленных множествах миров; стоит ей заметить страдающего человека, как бодхисаттва спешит на помощь, карает неправедных, умиряет стихию (поэтому ей поклонялись моряки) и отгоняет демонов. В народной мифологии Гуаньинь нередко действует заодно с богом Эрланом, усмирителем водной стихии и победителем демонов.

Обычно Гуаньинь изображают в образе женщины с младенцем на руках. Еще она может держать в руках кувшин с веткой ивы, веревку (эмблему спасения), четки, посох или трезубец. Пальцы ее рук сложены в мудру — особую фигуру, имеющую символическое значение.⁹¹

По замечанию Л. С. Васильева, «для китайского крестьянина на первом месте всегда была именно близкая его сердцу божья заступница и покровительница, подательница сыновей Гуаньинь, а не более высокие по своему рангу боги и пророки. Можно без преувеличения сказать, что в системе религиозного синкретизма именно Гуаньинь занимала всегда одно из высших и самых важных мест, именно этой богине приписывалась наибольшая чудодейственная сила».

Роль спасителя выполняет и еще один весьма популярный в Китае бодхисаттва — Дицзанван (индийский Кшитигарбха), который из любви и сострадания извлекает души

⁹¹ Буддийские монахи практиковали язык мудр и, согласно легенде, часами могли спорить на теологические темы, не произнося ни слова и обходясь только мудрами.

умерших из подземного мира и переносит их на небеса, тем самым позволяя людям родиться вновь. В «Сутре основного обета бодхисаттвы Дицзана» будда Шакьямуни говорит, что если благие мужчины или женщины услышат имя этого бодхисаттвы, восхвалят его, будут его почитать и делать подношения его образу, то заслуги, обретенные ими, будут чрезвычайно велики. Еще Будда прибавляет, что в прошлом этот бодхисаттва дал обет не обретать состояния будды до тех пор, пока все живые существа не будут спасены.

Чадоподательница Гуаньинь. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Богиню окружают помощники и «матушки»-нянн.

Сутра утверждает, что Дицзанван пребывает одновременно в неисчислимом множестве миров (точнее — в неисчислимых преисподних этих миров) и неустанно спасает человеческие души, ибо ему до прихода Майтрейи суждено стремиться к тому, чтобы все живые существа могли «видеть Будду, слушать Дхарму и избавляться от страданий». Монахи учили, что если кто-либо, сложив руки, совершит поклоны перед изображением Дицзанвана и восхвалит его, такой человек сможет устранить дурную карму, накопленную на протяжении тридцати кальп. Если кто-либо изготовит из глины, камня, золота, серебра или меди статую Дицзанвана, такой человек будет сто раз рождаться в качестве обитателя неба. А если кто-либо станет почитать Дицзанвана, используя музыкальные инструменты и поднося его образу благовония и цветы, то днем и ночью такого человека будут охранять сотни и тысячи духов. В той же сутре сообщается, что, если человек не знает, где родились его умершие родственники, ему следует изготовить изображение Дицзанвана и сосредоточено поклоняться ему в течение от одного до семи дней. Тогда, если его родственники находятся в дурных формах существования, они непременно родятся среди людей или на небесах. Если же они уже находятся на небесах, то этот человек обретет неизмеримые заслуги. Также, если кто-либо сможет сосредоточенно поклоняться Дицзанвану, не прерываясь в течение двадцати одного дня, и повторит имя бодхисаттвы десять тысяч раз, то бодхисаттва явится ему сам и расскажет, где именно родились его умершие родственники. Если же тот человек сможет в течение тысячи дней повторять имя Дицзанвана по тысяче раз, то бодхисаттва велит духам местности в течение всей жизни охранять его и сделать так, что тот человек всегда будет иметь достаточное количество одежды, пищи и имущества и не будет подвержен болезням. Если какой-либо человек собирается отправиться в путь среди гор и лесов либо в путешествие по реке, то ему следует перед этим десять тысяч раз произнести имя Дицзанвана. Тогда все демоны и духи, которых он встретит на своем пути, будут охранять его.

Индийский «прообраз» Дицзанвана Кшитигарбха принадлежит к числу четырех великих бодхисаттв Махаяны, которые олицетворяют четыре главных качества бодхисаттвы. Наряду с Кшитигарбхой, в эту четверку входят Манджушри, Авалокитешвара и Самантабhadра. Манджушри символизирует великую мудрость, Авалокитешвара — великое сострадание, Самантабhadра — великие искусные средства (обучения и защиты веры), а Кшитигарбха — великие обеты. В Китае же, особенно в поздней народной мифологии, Дицзанван почитался не только как спаситель, исполняющий свой великий обет, но и как владыка преисподней, которому подвластны князья всех десяти подземных судилищ. Кроме того, ему поклонялись как божеству земли (само имя бодхисаттвы означает «сокровищница земли») и повелителю духов местности (тудишэнь). Как пишет Д. В. Половцев, в сутрах, посвященных этому бодхисаттве, «много раз упоминаются духи местности, покровительство которых обеспечивает безопасность. Разумеется, заступничество таких духов было намного понятнее простому народу, чем заступничество будд. Не случайно Шакьямуни говорил о себе, что ради спасения живых существ он не только являл тела царей, духов и драконов, но даже принимал вид гор, лесов, потоков и источников. Представления такого рода облегчали

адаптацию буддизмом самых разнообразных местных культов. Культы местных духов, таким образом, буддизировались и наполнялись новым содержанием. Хорошим примером такого синкретизма является отождествление в Японии Кшитигарбхи с божеством дорог Досодзином, так как одной из функций бодхисаттвы является защита путников. Разумеется, желание избавить умерших родственников из адов также было весьма важным фактором религиозной жизни в странах конфуцианской культуры, где культ предков играл главенствующую роль. Все это вместе взятое и сделало бодхисаттву Кшитигарбху одним из самых популярных божеств махаянского пантеона».

Среди других популярных бодхисаттв можно упомянуть Линцзи, повелителя второго надземного мира (китаизированный индийский бог Индра); небесного воителя Вэйто, которому подчиняются еча (инд. якши) — небесные стражи, охраняющие города, ворота и башни всех небес; небесных полководцев и защитников буддийской веры Довэня (Вайсравану), Чиго (Дритхастру), Ценчжана (Вирудаку) и Гуанмоу (Вирупакшу).

Помимо будд и бодхисаттв буддийский пантеон включает в себя таких божественных и полубожественных персонажей, как архаты; китайское название — лохань или алохань. Архат — человек, достигший наивысшего духовного развития; на китайской почве архатов нередко отождествляли с даосскими святыми, вследствие чего эта категория пантеона разрослась едва ли не до бесконечности. Известны 16 великих архатов — ближайших сподвижников будды Шакьямуни; в Китае чаще говорили о 18 лоханях, прибавляя к 16 ученикам Будды монаха-переводчика Кумарадживу и императора династии Лян У-ди, покровителя буддизма в стране (позднее вместо Кумарадживы и У-ди стали называть бодхисаттву Гуаньинь — принцессу Мяошань — и Толстобрюхого Милэ в его земном воплощении — монаха Ци-цы). По замечанию Л. С. Васильева, великие архаты «имели по 500-1500 своих архатов-последователей. Особым почитанием среди китайских буддистов пользовались так называемые 500 архатов, составлявших вторую группу святых этого ранга. По традиции 500 архатов считаются канонизированными историческими деятелями, монахами — участниками IV буддийского собора.⁹² Статуи 500 архатов, иногда именуемых „500 буддами“, можно встретить в некоторых известных буддийских храмах». Эти две категории лоханей также называют соответственно «лоханями без остатка», то есть погрузившимися в нирвану, и «лоханями с остатком», то есть оставшимися в мире и принимающими человеческий облик.

Божествам и святым в китайском буддизме противопоставлялись злые духи, подвластные богу зла Мовану (инд. Мара). Подобно европейским инкубам и суккубам, соблазнявшим монахов, Мара и его присные искушают и стараются сбить с пути прежде всего тех, кто решил помогать живым существам в избавлении от страданий, то есть собрался стать бодхисаттвой. Сам Мара, как гласит каноническая буддийская легенда, искушал Сиддхарту Гаутаму, сидевшего под деревом Бодхи, но не преуспел в своих намерениях. Маре подчиняются десять разрядов злых духов; каждый разряд олицетворяет ту или иную негативную эмоцию (вождеделение, ненависть и т. д.). Считается, что все мирские искушения и нарушения этических норм происходят под влиянием Мары и обитателей его мира — мира желаний и страстей.

Полководец — дух дверей. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

В народном буддизме (и поздней народной мифологии — под очевидным влиянием буддизма) олицетворением зла представлялись так называемые «голодные духи» (эгуй, инд.

92 На этом соборе, состоявшемся на рубеже I–II вв. н. э., Махаяна оформилась как самостоятельное направление буддизма, причем сами термины «Махаяна» и «Хинаяна» появились полтора столетия спустя.

прета). Согласно буддийскому канону, это духи, не способные удовлетворить своих желаний; в них перерождаются те люди, которые при жизни были жестокими, алчными и прожорливыми. В китайской традиции «голодные духи» — души мертвых, которые не получили полагающихся жертвоприношений и оттого сделались злобными и мстительными. Тем самым буддийский мотив воздаяния за грехи как бы «растворялся» в конфуцианских представлениях. И если в классическом буддизме претам отводится особая область сансары — преталока, то в Китае этих «голодных духов» традиция помещала в Гуй фан — «область призраков», расположенную где-то на севере (возможно, это отголоски архаических представлений; еще в «Каталоге гор и морей» упоминается некая северная область, населенная одноглазыми существами с человеческим лицом). Нидерландский синолог Я. М. де Гроот писал: «В этих таинственных землях, память о которых никогда не стиралась из народного фольклора, призраки и демоны ведут постоянную торговлю, и для этой цели у них есть даже специальные базары. На самом деле это, скорее всего, обычные рынки, распространенные среди горных племен, которых богатая фантазия китайцев превратила в призраков. В официальной истории династии Тан говорится: „В западных морях есть рынки, на которых торговцы, не видя друг друга, просто кладут за своим товаром запрашиваемую цену; эти рынки называются базарами призраков“. А уже более поздние сочинения свидетельствуют: „На морском побережье существуют базары призраков, где люди собираются в полночь, чтобы расстаться с первым криком петуха; на этих базарах люди часто приобретают редкие и необычные вещи“. Именно из этого царства под покровом ночи через воображаемые ворота, называемые гуй мэнь (ворота призраков), вылетают орды потусторонних существ. Днем ворота призраков закрыты, но на закате за ними раздаются человеческие голоса, а из них исходит свет голубого пламени... В народе существует поговорка, что из десяти людей, прошедших через ворота призраков, девять не возвращаются назад. При этом мир демонов и призраков, как правило, воспринимался в Китае как существующий в неразрывной связи с миром людей. В этом мире есть свой гуйван, демон-повелитель».

Как упоминалось выше, повелителем «голодных духов» и демонов в китайском буддизме считался Дицзанван, которому подчинялись князья десяти подземных судилищ. Однако наряду с ним был известен и Яньло-ван, или Яньван, — «трансформированный» индийский бог смерти Яма. Именно он выносит решение о том, заслуживает ли душа умершего попадания в рай, а если нет — в какой из адов ей надлежит отправиться.⁹³ Образ Яньло-вана обрел «полноту» и «жизненность» в поздней народной мифологии, однако в китайскую традицию этот образ проник именно благодаря буддизму.

В правление монгольской династии Юань в Китае распространился ламаизм — особая форма буддизма, своего рода синтез Махаяны, Ваджраяны и народных верований монгольских племен. Однако персонажи ламаистской мифологии остались вне общекитайского буддийского пантеона.

Вершиной в развитии китайского буддизма стал чань-буддизм, более известный в своем японском варианте как дзэн-буддизм. Именно это направление буддизма, абсолютно китайское по своей сути, оказало наибольшее влияние на китайскую — и не только китайскую — культуру. Как писал современный индийский мистик А. Кумарасвами, чань-буддизм настолько же отличается от классической Махаяны, насколько учение Христа отлично от догматов позднейшей христианской церкви, а сам чань-буддизм в сочетании с даосизмом является не просто религией, но сущностью культуры народов Дальнего Востока.

Знаменитый исследователь дзэн Д. Судзуки так характеризовал это направление буддизма: «Дзэн решительно не является системой, основанной на логическом анализе. Скорее он является антиподом логики, под которой я имею в виду дуалистический образ

⁹³ Ср., например, у Пу Сунлина: «Ван Лань из Лицзиня скоропостижно умер. Яньван, пересмотрев дело о его смерти, нашел, что это произошло по ошибке одного из бесов, и велел взять Вана из ада и вернуть к жизни».

мышления. Дзэн не лишен, конечно, умственного элемента, то есть дзэн — это ум в целом, и в нем мы находим много вещей; но ум этот не представляет собой нечто составное, разделяющееся на множество качеств и не оставляющее за собой ничего после такого разделения.

Дзэн не учит нас ничему в смысле умственного анализа, а также не предлагает никакой определенной доктрины в качестве руководства для своих последователей. В этом отношении дзэн, если можно так выразиться, произволен. Последователи дзэн могут иметь свои доктрины, но эти доктрины носят сугубо личный, индивидуальный характер и не обязаны своим возникновением дзэн. Поэтому дзэн не имеет дела с какими-либо „священными писаниями“ или догматами, а также не содержит в себе никаких символов, посредством которых раскрывалось бы его значение. В таком случае, если бы меня спросили, чему учит дзэн, я ответил бы, что он ничему не учит. Какие бы учения ни содержались в дзэн, они исходят только из умов их создателей. Мы сами себе создаем учения. Дзэн только указывает путь. Если этот факт сам по себе не есть учение, то в дзэн положительно нет никаких специально созданных принципиальных доктрин или какой-либо основной философской системы. Дзэн претендует на родство с буддизмом, но все буддийские учения, содержащиеся в сутрах и шастрах, с точки зрения дзэн не больше чем макулатура, польза которой состоит лишь в том, что с ее помощью можно только смахнуть пыль с интеллекта, но не больше. Не думайте, однако, что дзэн — это нигилизм. Всякий нигилизм — это самоуничтожение, не имеющее конца. Негативизм разумен как метод, но высшая истина — это утверждение. Когда говорят, что дзэн не имеет никакой философии, что он отрицает всякий авторитет, что он отбрасывает всю так называемую „священную литературу“, не следует забывать, что в самом этом отрицании уже содержится нечто совершенно положительное и бесконечно утверждающее.

Полководец — дух дверей. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Это не религия в популярном понимании, так как в дзэн нет бога, которому можно было бы поклоняться, нет также никаких церемониальных обрядов, ни земли обетованной для отошедших в мир иной, и, наконец, в дзэн нет также такого понятия, как душа, о благополучии которой должен заботиться кто-то посторонний, и бессмертие которой так сильно волнует некоторых людей. Дзэн свободен от всех этих догматических и религиозных затруднений.

Дзэн не имеет дела ни с утверждением, ни с отрицанием. Когда что-либо отрицается, то само отрицание уже включает в себя противоположный элемент. То же самое может быть сказано и об утверждении. В логике это неизбежно. Дзэн стремится подняться выше логики и найти высшее утверждение, не имеющее антитезы. Поэтому дзэн не отрицает бога, не утверждает его существования, так что в дзэн нет такого Бога, к которому привыкли еврейские и христианские умы. Дзэн в равной мере не является ни религией, ни философией.

Что касается тех различных изображений и статуй будд, бодхисаттв и других существ, которые можно встретить в храме дзэн, — это не больше чем куски дерева, камня или металла. Я их могу сравнить с прекрасными цветами в своем саду. Я могу выбрать, например, камелии в полном цвету и поклоняться им, если захочу, — дзэн вполне допускает это. В таком поклонении нисколько не меньше религии, чем в поклонении статуям различных буддийских богов, а также в ритуале омовений святой водой или символического вкушения плоти и крови Христа. Все эти церемонии считаются большинством так называемых „религиозных людей“ чем-то похвальным и священным, но в свете дзэн — это условности. Дзэн берет на себя смелость заявить: безупречные йоги не погружаются в нирвану, а нарушающие обет монахи не попадают в ад. Для обыкновенного ума это стоит в

противоречии с общепринятыми законами морали, но здесь также заключается истина и жизнь в дзэн. Дзэн — это дух человека. Дзэн верит во внутреннюю чистоту этого духа и его божественность. Все, что неестественно прибавляется или с силой вырывается, вредит целостности духа. Поэтому дзэн решительно против всяких религиозных условностей. Его религия, однако, налицо. Тот, кто поистине религиозен, с удивлением обнаружит, что, в конце концов, в варварских утверждениях дзэн содержится так много религии. Но сказать, что дзэн — это религия в том смысле, как ее понимают христиане или мусульмане, будет ошибкой».

Дзэн-буддизм (или чань-буддизм — в дальнейшем будем придерживаться китайского наименования) представляет собой «предельную форму» буддизма. Согласно учению чань-буддизма, нет необходимости думать о грядущем, стараться стать бодхисаттвой и совершать для этого аскетические подвиги; Будда — всегда и везде, вокруг человека и в нем самом. Поэтому следует жить здесь и сейчас, искать Будду в себе и в окружающем мире — отказываясь при этом от чрезмерного «умствования», от книжной мудрости, от интеллектуального анализа, который не способен проникнуть в глубь мироздания. Нужно уметь жить, понимать жизнь, воспринимать ее во всей полноте — и тогда придет просветление, подобное озарению (*яп.* сатори).⁹⁴ Все прочее — шелуха, прах, который следует поскорее отряхнуть; как учил проповедник чань монах Исюань: «Убивайте всех, кто стоит на вашем пути. Если встретишь Будду — убей Будду. Если встретишь патриарха — убей патриарха, если встретишь лоханя — убей лоханя». Иначе говоря, ничто не свято и не имеет цены «перед лицом великого сосредоточения и индивидуального просветления» (Л. С. Васильев). Н. В. Абаев приводил и другие примеры «чань-буддийского нигилизма»: «При всем при том необходимо иметь в виду, что собственные святыни, собственные идеи, обряды и институты сакрального характера чань-буддисты высмеивали и подвергали другим формам отрицания в гораздо большей степени, чем конфуцианские, и в этом заключается, пожалуй, самое существенное отличие чаньской психокультуры от даосской. Если ранние даосы эпатировали в основном конфуцианские ценности и мотив самоотрицания был развит в даосизме не столь сильно, то в чань-буддизме он стал одной из самых ведущих, устойчивых и характерных черт психокультуры, и в этом смысле она гораздо ближе к архаическим традициям, в том числе к народному празднику, чем к какому-либо развитому традиционному китайскому учению. Мотив ритуального срамословия божества и осквернения собственных святынь, имеющий очень архаичные истоки и сохранившийся в народной праздничной традиции, совершенно отчетливо звучит, например, в словах чаньского патриарха Юньмэня, на вопрос некоего монаха „Кто такой Будда?“ ответившего: „Палочка-подтирка!“; в знаменитом изречении Дэшаня „Будда — сухой кусок варварского дерьма“, в изощренном богохульстве Линьцзи, который назвал Будду „дырой в отхожем месте“, легендарного первооснователя школы чань Бодхидхарму — „бородатым варваром“, бодхи и нирвану — „столбом для привязи ослов“, „невольничьи оковы“, религиозную медитацию — „занятием для упрямых дураков“. К тому же разряду явлений относится появление Дэшаня в медитационном зале с миской для еды, непристойное поведение чаньских монахов во время религиозных церемоний, сожжение сутр и статуй Будды и многое другое.

94 В чань-буддизме различают две школы — Северную и Южную. Северная школа утверждала, что для достижения просветления необходимы длительные медитации под руководством опытного наставника. Южная школа, постепенно занявшая главенствующее положение и фактически уничтожившая Северную, отрицала необходимость длительного медитативного пребывания в неподвижности («сидячего созерцания»): просветление происходит как внезапное озарение, приходит к тому, кто его ищет, в любое время и в любом месте. Медитировать обязательно, но обречь себя на молитвы и размышления в неподвижности ни к чему. Стимулировать приход озарения призваны, в частности, коаны (гунань) — краткие изречения парадоксального характера, одно только постижение смысла которых способно привести к озарению.

Повелитель насекомых и рептилий Чун-ван. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Разумеется, чаньских учителей-наставников толкали на такие выходки не хулиганские побуждения и особая страсть к сквернословию, но сугубо психопропедевтические соображения, стремление вызвать в ученике прорыв к „просветлению“. При этом они исходили из основополагающего принципа чаньской психологии, согласно которому „просветленное“ состояние сознания изначально присутствует в обыденном сознании каждого человека, поэтому его следует искать не в религиозных символах и категориях, не в ритуальных, формах и предметах культа, а в „истинной природе“ человека, которая и есть „природа Будды“ — истинный источник и основа „просветления“. Чаньский патриарх Шэньсю говорил: „Все буддийские учения изначально присутствуют в сознании [каждого человека]. [Поэтому] если вы будете пытаться обрести это сознание вне себя, вы станете убегать от своего собственного отца“. То есть, как утверждали чань-буддисты, искать „просветление“ и „пробуждение“ вне себя, за пределами своего „первородного сознания“ (у учителей-наставников, в священных текстах и комментариях к ним, в религиозных церемониях и обрядах и т. д.) — значит не понимать истинную основу „просветления“, которая есть не что иное, как собственное „первородное сознание“ каждого человека: „Пробуждаясь от ложного мышления, человек постигает тело и сознание (Будды) и проникает в Изначальное Пробуждение. Пробуждение от ложного мышления есть Первичное Пробуждение; проникновение в [источник] тела и сознания [Будды] есть Изначальное Пробуждение. Первичное Пробуждение есть Путь Будды; Изначальное Пробуждение есть сам Будда“».

По учению чань, каждый человек сам себе будда, а чтобы понять это, необходимо постичь вселенскую пустоту (кун), ту самую, о которой говорится, например, в сутре «Праздника парамита-хрилая»: «О Шарипутра, всем вещам присуще свойство пустоты. Они не имеют ни начала ни конца. Они ни порочны, ни непорочны, ни совершенны, ни несовершенны. А потому, о Шарипутра, здесь, в этой пустоте, нет ни формы, ни восприятия, ни имени, ни понятий, ни знания. Здесь нет ни органов чувств, ни тела, ни ума. Нет формы, нет звука, нет запаха, нет вкуса, нет осязания, нет предметов. Нет знания, нет неведения, которое нужно устранить. Здесь нет разложения и смерти. Нет четырех благих истин, раскрывающих страдание, его происхождение, его устранение и пути к его устранению. Здесь нет представления о нирване, нет ее достижения или недостижения. Поэтому, о Шарипутра, ибо нет достижения нирваны, человек, приблизившийся к состоянию бодхисаттвы, пребывает в свободе в сознании. Когда оковы сознания спадают, оно освобождается от всякого страха, всякого ограничения и условности и наслаждается конечной нирваной». В этой пустоте заключена вся вселенная, время от времени эта пустота порождает бытие; будда подобен этой пустоте и познаваем лишь в миг озарения: «Пустота и есть будда. Будда и есть ты сам».

Постижение «буддической» природы самого себя было равносильно умиранию и возрождению, то есть фактически просветление представляло собой своего рода инициацию. Как писал Н. В. Абаев: «В психической культуре чань мы обнаруживаем, что перед внезапным прорывом к „просветлению“, которое означало переход на качественно новый психический уровень, чаньский адепт должен был пережить символическую смерть, когда хаотические душевные состояния, вызванные „великим сомнением“ (даи), достигали своего апогея. За „великой смертью“ (дасы) следовало „великое пробуждение“ (дацзюэ), т. е. возвращение к новой жизни, которое вполне закономерно знаменовалось „великой радостью“ (далэ), а радость совершенно естественно выражалось смехом. И поскольку, несмотря на символический характер „великой смерти“, чаньский адепт переживал ее очень реально и всерьез, то радовался он новой жизни искренне и глубоко, и смех его был искренним и жизнерадостным. Здесь важно подчеркнуть, что такая структура была общей для всего процесса переосознания адептом себя и окружающего мира в чаньской практике

психотренинга, о чем свидетельствует популярное чаньское изречение, авторство которого приписывается Цин-юаню (умер в 740 г.): „Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки — реками; когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки — реками; когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки — реками“».

Как всякое духовное учение, тем более столь популярное и столь влиятельное, чань-буддизм породил собственную мифологию. В центре этой мифологии — образ «бородатого варвара» Бодхидхармы (*kit.* Путидамо, Дамо), двадцать восьмого патриарха буддизма, легендарного основателя школы Чань.

Предание гласит, что Бодхидхарма пришел в Китай из Индии в VI веке — по одной легенде, он переплыл море в соломенной сандалиии. Д. Судзуки со ссылкой на японского монаха Догэна, автора трактата «История распространения света истины», так излагает предание о появлении Бодхидхармы: «Бодхидхарма, Учитель, провозгласивший новый закон, был третьим сыном великого брахмана и царем юго-западной Индии. Он был человеком удивительного ума, отличался пронизательностью, достигал самого глубокого понимания всего, что только ему приходилось когда-либо изучать. Самой заветной его целью было тщательное изучение Махаяны, он расстался с белой одеждой мирянина и облачился в рясу монаха, желая воспитать в себе святость. И мысли, и поступки его отличались предельной чистотой. Его чрезвычайно огорчал упадок буддийской веры в других, отдаленных краях. Наконец он решил отправиться в дальний путь в Китай, чтобы проповедовать свое учение в царстве Вэй. Страждущие духом с преданностью шли за ним, а люди ограниченные на него клеветали».

В китайских исторических хрониках сохранились упоминания о встрече Бодхидхармы с императором династии Лян У-ди. Император спросил мудреца, воздастся ли ему за то, что он строил монастыри и храмы, жертвовал на развитие монастырей, поддерживал переводчиков сутр. Бодхидхарма ответил, что все это не имеет значения, поскольку является «мирским», а следовательно, иллюзорным. Важна только «беспредельная пустота».

После долгих странствий Бодхидхарма пришел в монастырь Шаолинь, где монахи заучивали наизусть сутры, не понимая их смысла. Когда они не услышали его призыв «прозреть сердце Будды» (осознать Будду внутри себя), Бодхидхарма удалился в пещеру неподалеку и провел в ней девять лет, созерцая монастырскую стену и медитируя. За эти девять лет он заснул лишь единожды — и так рассердился на себя, проснувшись, что вырвал свои ресницы и бросил их наземь. Миф гласит, что сам будда Шакьямуни подобрал эти ресницы и посадил их в землю; из них выросли чайные кусты, листья которых, будучи заваренными, позволяли сохранять бодрость. Так было положено начало употреблению чая.⁹⁵ От девятилетнего пребывания в неподвижности тело Бодхидхармы задеревенело, однако он особыми физическими упражнениями восстановил способность двигаться — и заповедал монахам сочетать молчаливое созерцание с этими упражнениями. По замечанию А. А. Маслова, «считается, что эти упражнения представляли собой различные психотехники, воздействующие как на психику, так и на физическое тело, в том числе комплексы кулачного боя, различных боевых искусств, способов владения оружием. Монахи активно принялись за тренировки, а первым мастером этой системы физических упражнений стал сам Бодхидхарма».

Учение Бодхидхармы заключалось в «двух путях» и «четырех действиях». Два пути — это путь духовного проникновения (постижения своей истинной природы) и путь праведного поведения. Четыре действия состоят в следующем — не испытывать ненависти, быть покорным карме, не иметь желаний и пребывать в гармонии с дхармой (то есть с мирозданием). Кроме того, он учил, что истину нельзя ни выразить словами, ни объяснить письменно («не следует опираться на иероглифы»);⁹⁶ на нее можно лишь непосредственно

95 По другой легенде, выращивать чай и устраивать чайные церемонии людей научил Лаоцзы.

96 Ср. замечание Н. В. Абаева: «Если рассмотреть основные положения чань-буддизма в контексте философии и психологии буддизма махаяны (особенно в традиции школ мадхьямиков и йогачаров, заложивших

указать — в диалоге наставника и ученика, подразумевающим спонтанные ответы (так сказать, «прообразы» дзэнских коанов). По преданию, именно из таких непосредственных указаний состояло обучение монаха Хуэйкэ, преемника Бодхидхармы, который даже отрубил себе руку, чтобы доказать чистоту помыслов и решимость постигнуть истину.

Матушка горы Тайшань (Бися Юаньцзюнь). Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Легендами окружена и смерть Бодхидхармы. Так, утверждается, что тело патриарха сожгли по буддийскому обычаю, сохранилась лишь одна сандалия, которую как реликвию доставили в Шаолинь. В монастыре она хранилась 300 лет, а потом бесследно исчезла. Самого же Бодхидхарму через несколько лет после сожжения видели в добром здравии в Туркестане — причем в одной сандалиии. Как бы то ни было, память о Бодхидхарме тщательно сберегается — в каждой келье и каждом молельном зале Шаолиня имеются его изображения, а в пещере, где он провел девять лет, висят его нетленные одежды. Если рассуждать с мифологической точки зрения, Бодхидхарма — яркий образец китайского обожествленного мудреца, объединившего в себе черты даосского святого и буддийского бодхисаттвы.

Чань-буддизм практикуется в Китае по сей день,⁹⁷ однако в мире широко известен его японский вариант — дзэн-буддизм, оказавший непосредственное влияние на идеологию самураев и знаменитый кодекс «Бусидо», на чайные церемонии и искусство икебаны, на садовую архитектуру (сады камней) и боевые искусства, шире — сформировавший то самое сугубо японское («восточное») мироощущение, которое так привлекает людей западной культуры.

основы школы чань), то мы обнаружим, что это учение развивалось в главном русле общемахаянской мысли, хотя, как и во всех буддийских школах, в нем наблюдается определенное смещение акцентов, когда те или иные проблемы выходят на первый план, а другие, наоборот, отходят на второй или вовсе не рассматриваются. В частности, чаньский принцип „не опираться на слова и писания“, несмотря на столь явные даосские аналогии, отнюдь не является нововведением китайских чань-буддистов, привнесенным в эту школу китайского буддизма исключительно под влиянием даосских текстов, а имеет самостоятельные буддийские истоки и восходит к некоторым фундаментальным положениям самого раннего, домахаянского буддизма. Согласно раннебуддийской традиции, сам Будда на многие вопросы, „касающиеся начала и будущего вещей“ (такие, как вечен или не вечен мир, бесконечен ли он или имеет пределы, бессмертен ли сам Будда и т. д.), отвечал молчанием, полагая, что их решение ничего не дает для освобождения конкретного индивида от эмоциональной (психической) и нравственной „омраченности“, которая является причиной страдания человека и препятствием к достижению „просветления“ (бодхи), освобождающего его от всех заблуждений и страданий. Более того, такого рода метафизические спекуляции, как утверждали раннебуддийские тексты, сами по себе могут стать серьезным препятствием к просветлению, так как рождают привязанность к „имени и форме“, которая также является причиной страдания и преодоление которой является необходимым условием освобождения».

97 Присущие чань-буддизму радикализм и «нигилизм» у многих вызывали и продолжают вызывать сомнения в том, является ли это учение буддийским по сути. Однако, как отмечал Н. В. Абаев, «чань-буддизм, несмотря на существенные заимствования из других учений и культов, все же сохранил конечную сотерологическую цель буддизма — достижение состояния „просветления“, идентифицируемого чань-буддистами с так называемым „состоянием Будды“. Интересно отметить, что сами чань-буддисты на вопрос: „Если в школе чань нет места для священных писаний, статуй и даже самого Будды, можно ли ее считать составной частью буддизма?“ — отвечают безусловно утвердительно. Они заявляют, что главное в буддизме — пережить „просветление“, которое является непосредственным и сугубо личным психологическим опытом, а все внешние атрибуты религии (такие, как священные тексты, статуи и обряды) есть не что иное как средства его достижения и сами по себе не являются „просветлением“. Более того, они утверждают, что именно они являются истинными буддистами, так как подобно Будде стремятся прежде всего постичь конечную реальность, не прибегая к таким внешним средствам, как религиозная литература и статуи».

Учение школы Чань стало наивысшим достижением философского буддизма в Китае. Что же касается буддизма народного, в котором — на «бытовом» уровне — учение Будды воспринималось не как религиозно-философская доктрина, а как способ облегчить себе жизнь в этом мире и обеспечить благополучие в мире загробном, потустороннем, — народный буддизм в Китае достаточно рано начал смешиваться с народным же даосизмом, «отягощенным» конфуцианскими этическими нормами (как их понимали простые люди) и культом предков. Итогом этого смешения стало возникновение системы «трех религий» (сань цзао), в рамках которой обычным явлением сделались молитвы одновременно Конфуцию, Лаоцзы и Будде (или Амитабхе, или Гуаньинь) и почитание всех без исключения божеств, духов и святых, вне зависимости от их «идейной» принадлежности. Считалось, что надо уважать всех богов, всех духов и всех святых, ведь неизвестно, кто именно из них услышит мольбы и придет на помощь, а лишний заступник перед Небесами никогда не помешает.

Подобное «загрязнение» буддизма вызывало негодование у ортодоксальных сторонников этого учения. Наиболее радикально настроенные из них, впрочем, отвергали и доктрины философских школ, будь то школа Цзинту или даже Чань, на том основании, что эти доктрины не соответствуют духу канонического буддизма. Идеологический спор между «непримиримыми» и «рenegатами» продолжается по сей день; современное его проявление — возникновение школы (или секты) Фалуньгун и ее достаточно трагическая судьба (школа в Китае официально запрещена). Основатель этой школы Ли Хунчжи в своей книге «Чжуан Фалунь» объявил все школы философского буддизма «фальшивыми», поскольку «то, что они проповедуют, не есть Закон Будды». По его мнению, все эти школы суть олицетворения периода «упадка и гибели Дхармы»: «Скажу вам, что все эти религии (т. е. философские школы и культы народного буддизма. — *Ред.*) относятся к ересям, даже если они не губят людей, все равно являются ересями, так как мешают людям исповедовать истинные религии. Истинные религии имеют цель спасти людей, а они не могут. С течением времени они стали скрытно заниматься темными делами. Все это дьяволы, появившиеся в последний период упадка и гибели Дхармы. Этот период имеет отношение не только к буддизму, под ним подразумевается разложение многих пространств, находящихся ниже определенного, довольно высокого уровня. Под последним периодом упадка и гибели Дхармы подразумевается не только период упадка и гибели буддизма, но и то, что в человеческом обществе уже нет духовных законов, которые могли бы поддержать мораль». При этом себя Ли Хунчжи провозгласил поборником «истинного» буддизма, призванным спасти мир: «В последний период упадка и гибели Дхармы во вселенной произошли очень большие изменения. Даже религиозные места стали негодными. Люди, обладающие сверхспособностями (в том числе и монахи), также заметили такое положение. В настоящее время во всем мире только я один открыто передаю Истинный Закон. Я сделал то, чего никогда не делали наши предшественники: в последний период упадка и гибели Дхармы я открыл такую большую дверь. На самом деле это шанс, который не встретишь за тысячу, даже за десять тысяч лет. А сможешь ли ты спастись, сможешь ли практиковать — зависит от тебя самого. То, что я изложил, — это принцип Великой Вселенной».

«Истинный Закон» Ли Хунчжи формулируется следующим образом: «Обладая физическим телом, человек не может терпеть ни холода, ни жары, ни усталости, ни голода. Будучи больным, ты плохо себя чувствуешь. Ты должен пережить рождение, старость, болезни и смерть. Ты мучаешься и таким образом погашаешь свою карму. Все зависит от того, сможешь ли ты вернуться обратно. Вот и дали тебе, находящемуся в заблуждении, еще один шанс. В заблуждении тебе придется самосовершенствоваться при помощи своего уразумения, чтобы вернуться к истоку жизни. Ты должен пережить как можно больше горя, чтобы быстрее вернуться обратно. Если ты продолжаешь портиться, то жизнь будет уничтожена. Поэтому, с точки зрения Просветленных, человеческая жизнь не для того, чтобы быть человеком, а для того, чтобы вернуться к истоку, вернуться к Истине, вернуться назад. Обычный человек этого не понимает. Обычный человек в обществе обычных людей остается обычным человеком. Он думает, как устроить себя, как жить лучше. Чем лучше он живет, тем

эгоистичнее становится, тем жаднее становится к чужому добру, тем дальше отходит от свойств вселенной. И таким образом он идет к гибели... Если ты, будучи обычным человеком, хочешь лечиться, хочешь просить то или другое, я не смогу тебе помочь. Почему? Потому что ты хочешь остаться обычным человеком, а обычному человеку суждено переживать рождение, старость, болезни и смерть. Человек сам впал в заблуждение, и его надлежит уничтожить. Теперь тебе дали шанс с тем, чтобы ты из заблуждения мог вернуться обратно. Можешь вернуться — вернись. Не можешь — продолжай свой путь по кругам перерождений и жди окончательного уничтожения».

Учение школы Фалуньгун (и гимнастика, при помощи которой, согласно Ли Хунчжи, надлежит достигать просветления) достаточно популярно, однако оно остается в значительной степени маргинальным, поскольку за 2000 лет своей истории в Китае буддизм в его «китаизированном» виде сделался неотъемлемой частью китайской культуры — не в последнюю очередь благодаря именно народным формам буддизма. Если на государственном уровне буддизм, после сравнительно недолгого периода благоденствия в эпоху Тан, вплоть до недавнего времени подвергался гонениям и запретам (так, в 845–848 гг. закрыли и ликвидировали 4600 монастырей, разрушили свыше 40 000 пагод, конфисковали монастырские земли, расстригли 260 000 монахов и монахинь, а в годы «культурной революции» всех без исключения буддийских монахов отправили на «трудовое перевоспитание»), на уровне «бытовом» он продолжал оказывать влияние на китайский менталитет. По существу, буддизм — единственная религия спасения, известная китайцам, и именно в этом качестве он оказался востребованным в народе.

Что касается буддийской мифологии, то она — опять-таки на «бытовом» уровне — довольно быстро сделалась частью мифологии общекаитайской. Прежде всего это выразилось во включении буддийских божеств в сводный народный пантеон, в котором такие персонажи, как будда Амигхоса, бодхисаттвы Гуаньинь и Дицзанван, заняли места рядом с Нефритовым императором Юйди, Хуанди, Шунем, Юем, Лаоцзы и Конфуцием. Кроме того, буддизм оказал непосредственное влияние на «визуализацию» пантеона, на появление в храмах статуй божеств и святых, на возникновение такого культурного феномена, как китайский народный лубок (см. следующую главу).

Иными словами, без буддизма китайская народная мифология, которую также называют синкретической, потому что она «синтезировала» в себе мифологии буддизма, конфуцианства («историческая мифология») и даосизма, — без буддизма эта мифология была бы намного беднее, скуднее и, если позволительно так выразиться, преснее.

Глава 5 ТРИ ВЕРЫ — ОДИН МИР: поздняя китайская мифология

Как известно, наша Вселенная находится в чайнике некоего Люй Дунбиня, продающего всякую мелочь на базаре в Чанъани... Еще когда Люй Дунбинь дремал за своим прилавком на базаре, в его чайнике или раскопки развалин бывшей Чанъани, зарастала травой его собственная могила, люди запускали в космос ракеты, выигрывали и проигрывали войны.

В. Пелевин. «СССР Тайшоу Чжуань»

Взаимное влияние конфуцианства, даосизма и буддизма. — Три вероучения. — Мифология средневековых сект. — Нерожденная Праматерь. — Государственные культы. — Жертвоприношения Небу и Земле. — Культ предков. — Нефритовый император Юйди. — Бог войны Гуаньди. — Милосердная Гуаньинь. — «Матушки»-няннань. — Божественные чиновники чэнхуаны и тудишэнь. — Небесная канцелярия и ее управы. — Боги дождя. — Пять священных пиков. — Божества-покровители. — Стражи дверей мэнь-шэнь. — Имперский духкитайской мифологии. — Китайские предки и римские мань. — Бог очага Цзаован. — Божества богатства. — Священные животные. — Культ тигра и льва. — Китайская народная картина. — Почитание покойных в семье. — Третья

душа. — Преисподняя. — 10 судилищ. — Яньло-ван. — Нечистая сила. — Классификация злых духов. — Еретики как демоны. — «Еретичность» даосизма. — Обратни-цзин. — Культ лисицы в Китае. — Китай на мифологической карте мира.

По предыдущим главам могло сложиться впечатление, что религиозно-мифологическая система Китая развивалась поступательно: сначала архаика, затем конфуцианство, затем даосизм, затем буддизм. На самом же деле, если исключить архаический период, сведений о котором почти не сохранилось, все эти традиции сложились практически одновременно (в исторической перспективе, разумеется) и сосуществовали на протяжении столетий и даже тысячелетий. Вполне естественно, что они оказывали — не могли не оказывать — влияние друг на друга; не менее естественно и то, что результатом этого влияния стала новая мифологическая традиция, получившая наименование «синкретической» и вобравшая в себя мотивы и сюжеты как древней мифологии, «обработанной» конфуцианцами, так и мифологий даосизма и буддизма, не говоря уже о суевериях и фольклорно-мифологических представлениях, бытовавших в народе. Именно так возникла мифология, которую принято называть поздней и в которой органично соединились официальная государственная религия, чудеса даосов, эсхатология буддистов и «приземленные» верования простого люда.

При этом на «идеолого-практическом» уровне конфуцианство, даосизм и буддизм, так сказать, разделили сферы влияния. По замечанию Л. С. Васильева, «конфуцианство абсолютно преобладало в сфере этики, семейных и социальных отношений. Его догматы, культы, церемониал довлели над каждым китайцем с рождения и до смерти. Однако конфуцианство было слишком рационалистичным и реалистичным. Отсутствие в нем мистики, магии, суеверий и некоторых других элементов, составляющих наиболее эмоциональную сторону религий, с избытком компенсировалось даосизмом. В сфере верований, обрядов, суеверий, в сонме богов, духов, бессмертных, в отправлении мантических и магических обрядов — во всем этом господство даосизма было бесспорным.

Наконец, буддизм, с его идеей спасения, с его концепцией ада и рая, с монастырями, монахами и заупокойным чтением сутр взял на себя чрезвычайно важную в любом обществе со сколько-нибудь существенной ролью религиозных традиций заботу о спасении души, замаливании грехов, организации похорон и всего погребального ритуала и заупокойных служб».

На уровне же «философском» три вероучения (*сань цзяо*), несмотря на взаимное влияние, оставались непримиримыми противниками, каждый из которых претендовал на статус «истинной религии». Вплоть до наших дней они сохранились как самостоятельные доктрины, вопреки неоднократным попыткам «синтезировать» их идеалы. Во многих случаях эти попытки диктовались сугубо политическими, если не сказать — утилитарными, соображениями: так, даосы, отвергая обвинения в ереси, утверждали, что даосизм выражает «внутренний смысл» учения Конфуция (ведь «Учитель не говорил о духах»), а буддисты по тем же причинам заявляли, что буддизм есть изложение «сокровенных основ» учения древних китайских мудрецов. Однако известны и «концептуальные» попытки синтеза конфуцианства, даосизма и буддизма, основанные на вере в то, что «глубинный смысл» трех учений следует искать вне их.

В таких «концептуальных» учениях преобладали буддийские мессианизм (связанный с ожиданием прихода будды Майтрейи — Милэ) и эсхатология, даосско-буддийское «всеобъемлющее» отношение к мирозданию и конфуцианский культ предков, суливший по окончании времен возвращение в «родную деревню Изначальной пустоты». Главным божеством пантеона, которому подчиняются и Лаоцзы, и Конфуций, и даже Христос и Мухаммад, такие учения провозглашали Ушэн лаому — Нерожденную Праматерь. Как сказано в средневековом трактате «Книга о собрании Драконьего цветка», «прежде самого Начала не было ни неба, ни земли, ни солнца, ни луны, ни людей, ни животных, ни растений. Потом из Истинной пустоты возник Беспредельный Божественный Старый Будда. Возникнув, Старый Будда установил небо и землю. Нерожденная Праматерь установила Первичное небо... Нерожденная Праматерь породила Инь и Ян и двух младенцев, мальчика и

девочку. Она назвала мальчика Фуси, а девочку — Нюйва, они породили человечество... Нерожденная Праматерь послала своих детей в Восточную землю, чтобы они жили на этом свете. Но после того, как ее дети попали в Восточную землю, они потерялись в мире красной пыли, и тогда Праматерь направила им послание, призывающее их сойтись опять на собрании Драконьего цветка...»⁹⁸

Общий вид храма Неба в Пекине.

Среди «концептуальных» (или «нечестивых», как именовались они в официальных документах) учений наиболее известны *Байлянцзяо* («Учение Белого лотоса»), связанное с верой в будду Амитабху; «вегетарианская секта» Ло Цина, позднее обожествленного под именем Патриарха Ло (Лоцзу) и утверждавшего культ Истиннейшего Старого Предка Из начального Хаоса (Хуньюань чжичжэнь Лаоцзы); *Багуацзяо* («Учение Восьми триграмм»), доктрина которого основывалась на космологии «Книги перемен»; *Сяньтяньдао* («Путь прежнего Неба»), призывавшее к очищению веры от «наносов» и искажений; *Игуаньдао* («Путь всепроникающего единства»), призывавшее к исполнению посланий Нерожденной Праматери, переданных через духовного учителя — инкарнацию Будды; и *Сюаньюаньцзяо* («Учение Сюаньюаня»), провозгласившее необходимость «возрождения китайского духа» и поклонения Желтому предку Хуанди (он же Сюаньюань). Последнее учение до сих пор популярно на Тайване, как и секта Игуаньдао.

Святая мать — женское божество. Гравюра (XVI в.).

Впрочем, эти синкретические учения — как и идеологические расхождения трех религий — не оказали значительного влияния на собственно мифологию по причине своей очевидной «умозрительности». Поздняя китайская мифология, в отличие от религии, формировалась «на улице», которая не делала различий между конфуцианством, даосизмом и буддизмом и создала «народную религию», объединившую, по словам Л. С. Васильева, «примитивные верования и суеверия, основные нормы конфуцианства во главе с культом предков и наиболее элементарные и широко доступные принципы буддизма и многочисленные даосские обряды и культы». Именно «на улице» сложился и поздний китайский пантеон, в который на равных правах вошли и «историзованные» легендарные предки, и бесчисленные бессмертные, и будды, бодхисаттвы и лохани. Государство приняло этот пантеон и — с характерным для Китая стремлением к упорядочиванию — разделило богов, духов и их культы на три категории: государственные, то есть официально одобренные; народные, то есть не одобренные, но признававшиеся; и непристойные, то есть подлежащие запрету и искоренению. По замечанию В. В. Малявина, «обычно признаком „непристойности“ считалось „поклонение демонам“ или „нечестивым богам“ (яо-шэнь)». В описании позднего китайского пантеона мы будем придерживаться этой, «исконно китайской» классификации.

Перечень государственных культов был достаточно обширным, а возглавляли его культы Неба, земли (то есть Поднебесной) и культ предков. «Первосвященником» этих трех культов считался император, олицетворявший собой посредника между людьми и божествами. Как Сын Неба (*Тяньцзы*), он совершал жертвоприношения в пекинском храме Неба. Ритуал этих жертвоприношений в правление последней императорской династии Цин

98 Цитируется в работе В. В. Малявина. См. Библиографию.

подробно описан выдающимся отечественным синологом Н. Я. Бичуриным (в монашестве о. Иакинф).

Жертвоприношение в честь Неба совершалось обычно под Новый год — в начале весны — и в зимнее солнцестояние. Центральное помещение храма Неба — трехъярусное круглое здание (круг — архаический символ Неба) с куполообразной крышей — расположено в центре террасы, тоже круглой в плане, которая представляет собой три возвышающиеся одна над другой и уменьшающиеся кверху концентрические окружности. Крытая глазурованной синей черепицей крыша символизирует цвет небосвода. Церемония жертвоприношения обычно совершалась ночью, при свете фонарей. Накануне император прибывал в храм и прежде всего направлялся во дворец поста, где проводил несколько часов в молчании, готовясь к священнодействию. По истечении времени поста император в синем платье поднимался на верхнюю террасу, останавливался, преклонял колена, затем совершал земной поклон перед табличкой Неба, обращался к Небу с молитвой, совершал жертвенное возлияние вина. Также в жертву Небу приносили животных, которых сжигали в специальной жертвенной печи.

Жертвы земле приносили в день летнего солнцестояния, жертвоприношения совершались в пекинском храме Земли, который, как и храм Неба, сохранился до наших дней. Этот храм имел квадратные черты (квадрат — символ земли) и располагался на двух террасах квадратной формы, причем на нижней террасе помещались изображения священных рек и горных вершин (вспомним древнее обозначение земли в Китае — «реки и горы»). Помимо жертвоприношения, император на священном храмовом поле проводил в начале весны ритуал первой борозды, тем самым восстанавливая плодородие почвы после зимней спячки. Только после совершения этого ритуала на севере страны приступали к полевым работам (на юге, где ежегодно получали по два и даже три урожая, это правило не соблюдалось). Императрица же совершала жертву в честь богини шелководства, супруги легендарного Желтого предка Хуанди. По замечанию Л. С. Васильева, «тем самым и земледелие (занятие мужчин), и шелководство (женское дело) получали торжественное благословение божественных сил, в качестве посредников-просителей перед которыми выступали соответственно император и императрица».

В конце года император совершал обряд поклонения предкам — в храме Предков перед табличками с именами всех предков-императоров во главе с основателем династии, а в другом храме раз в десять лет он приносил жертвы в честь основателей всех предшествовавших династий. Отправление этого культа, как и культов Неба и земли, являлось исключительной прерогативой императора, если же жертвы Небу, земле и предкам приносил обыкновенный человек, его обязанностью было пропустить наиболее существенные («сокровенные») части церемониала, иначе он рисковал совершить святотатство и разрушить сакральную чистоту ритуала, как его понимали конфуцианцы.

Безусловно, ни Небо, ни земля — в силу своей абстрактности — не являлись божествами в строгом значении этого термина; скорее они выступали как первопринципы китайского мироздания, наделявшие правителя властью над Поднебесной. Во главе же пантеона собственно божеств стояли такие фигуры, как Нефритовый император Юйди, «темный» бог Сюаньтянь, основоположники трех религий — Конфуций, Лаоцзы и Будда, легендарные первопредки Фуси, Шэньнун и Хуанди, бодхисаттва Гуаньинь и бог войны Гуаньди.

Как говорилось в главе, посвященной даосской мифологии, культ Юйди (или Юйхуана шанди) сохранял официальное признание сравнительно недолго, а в эпоху Цин был даже объявлен еретическим, однако в народе его продолжали чтить как главу пантеона, и это почитание отразилось, в частности, в китайском классическом романе с его несомненной фольклорно-мифологической основой: во многих произведениях Нефритовый император называется «священным властителем Неба», как бы подменяя собой древнего Шанди, а также «всемиловитвейшим», «высочайшим», «наимудрейшим» и т. д. Среди его придворных — Всевидящий глаз и Всеслышащее ухо, он обитает в небесном (или облачном) дворце с

золотыми воротами, его окружают божественные военные и гражданские сановники, ему подвластны не только боги и духи, но и князья преисподней во главе с бодхисаттвой Дицзанваном.⁹⁹

«Один поставишь ногу на голову Ао». *Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.* На лубке изображена небесная дева сяньной с персиком бессмертия в руке. Выражение «поставить ногу на голову Ао» означало победить на экзаменах. Ступени перед троним императора украшались резными изображениями черепахи Ао, а представлявшие императору победители экзаменов вставляли, таким образом, на голову черепахи.

Бога-повелителя севера Сюяньтяня (или Сюанью) почитали прежде всего как победителя демонов, который, согласно одному сюжету, всего за неделю по поручению Юйди избавил Поднебесную от демонов и бесов. Его называли «Темным богом», ибо он олицетворял собой северный небосвод, имевший, как считалось, черный цвет с красным оттенком.

Усмирителем демонов провозглашали и бога войны Гуаньди, однако своей славой и популярностью это божество обязано не столько ратным подвигам, сколько непоколебимому следованию нормам конфуцианской морали. Кроме того, культ Гуаньди — ярчайший пример обожествления реального исторического лица; в средневековом Китае подобное обожествление сделалось едва ли не повседневной практикой (по саркастическому замечанию французского синоведа А. Масперо, почти каждый китайский бог — это в прошлом человек, обожествленный покойник).

В романе Ло Гуань-чжуна «Троецарствие» о «прототипе» Гуаньди — полководце III века Гуань Юе — говорится:

Вдруг Гуань Юй прилетел на помощь, как гроза.
В руках его кованый меч сияет, как иней на солнце.
Халат в попугаях цветных взвивается, как мотылек.
Где конь его ступит ногой, там духи и демоны стонут,
И гнев его мог остудить лишь вражеской крови поток.¹⁰⁰

Исторический Гуань Юй был знаменит тем, что, даже попав в плен и будучи приговорен к смерти, не отрекся от своего друга Лю Бя, которому принес клятву на верность. Как пишет Л. С. Васильев, «эта легендарная верность и честность, вкуче с другими традиционными конфуцианскими добродетелями, приписанными молвой Гуань Юю, получили со временем широкую известность в народе... Императоры различных династий, принимая во внимание именно его конфуцианские, а отнюдь не военные, доблести, жаловали ему один за другим почетные титулы, пока наконец в 1594 году он не был удостоен высочайшего в стране титула *ди* („государь“),¹⁰¹ звания „Помощник Неба, защитник государства“ и деификации в качестве бога войны Гуаньди».

Хотя Гуаньди считался богом войны, как и положено обожествленному полководцу, среди его «обязанностей» преобладали мирные занятия. Этого бога почитали как

99 Как сказано в романе У Чэньэня «Путешествие на Запад», Юйди подвластны «императоры трех небес, четыре цензора, пять старейшин, шесть начальников департаментов, семь старейшин, восемь духов всех сторон света, духи девяти светил и десять начальников подземных судилищ».

100 Обработка И. Миримского.

101 Имя божества Гуаньди буквально означает «Государь Гуань».

покровителя литературы (по преданию, Гуань Юй любил перечитывать хронику «Весны и осени»), как защитника торговли и богатства, даже как подателя сыновей. Эти сугубо гражданские «обязанности» бога-воителя, вероятно, объяснялись тем, что в Китае — в отличие, скажем, от Японии или Европы — престиж гражданского чиновника был намного выше престижа военного. Впрочем, возможно и другое толкование: в китайской небесной иерархии, по образу и подобию иерархии земной, каждую чиновничью должность занимали одновременно два подданных Небесного императора — чиновник военный и чиновник гражданский. Именно таким военным чиновником и был Гуаньди — во всяком случае, как бог богатства, что подтверждается существованием в китайской мифологии его гражданского «альтер эго» — божества достатка Биганя.

В эпоху Цин Гуаньди стал, пожалуй, самым популярным божеством народного пантеона, храмы, посвященные ему, строились по всей стране, а в деревенских кумирнях, где обычно ставили на алтарях таблички с именами наиболее важных, по мнению крестьян, божеств-заступников, имя Гуаньди практически всегда соседствовало с именами Конфуция, Лаоцзы и Гуаньинь. О популярности этого бога говорит и тот факт, что среди китайских буддистов ходило предание о приобщении Гуаньди к «четырем благородным истинам», а даосы, с легкостью презрев очевидный анахронизм, сложили легенду о победе Гуаньди и воинства Пяти священных пиков (У юэ) над мятежным великаном Чию, мифическим противником «первого бессмертного» Хуанди.

Не меньшее количество легенд окружало и буддийскую бодхисаттву Гуаньинь, наиболее почитаемую богиню позднего китайского пантеона. Культ этой богини, несмотря на его «чужеродность», пользовался личным благоволением императора, а в народе Гуаньинь считалась самым благожелательным среди божеств, истинной «матушкой-заступницей», индийское происхождение которой давным-давно забылось. В романе «Путешествие на Запад» ей посвящены такие строки:

Являла, светлой мудрости полна,
Четыре добродетели она;
Была, как золотое изваянье,—
На нежной шее жемчуга блистанье,
Прическа, словно свившийся дракон,
А волосы, как в тучах небосклон.
Из тюля сделан воротник открытый,
Пошел на юбку лучший бархат рытый,
А золотой изящный поясок —
На счастье бодхисаттвы был намек.
Ее лицо сияло белизною,
Краснели губы точкою одною,
Прекрасный взор ее горел звездой,
А брови, словно месяц молодой,
Казалось, изгибались прихотливо.
Неувядающие ветви ивы
Она в сосуде золотом несла.
Роса в нем благодатная была.
Она в ответ на каждое моление
С любовью посылает облегченье,
Ей молится с надеждою народ,
Она от всяких бед его спасет,
И, как гора Тайшань, она надежна,
И потому довериться ей можно.

Дворец небожителей. Картина на шелке (XII в.).

Она живет у южных берегов
И чутким сердцем слышит каждый зов.
Лиловая довольна орхидея,
Когда бамбук прекрасно лиловеет, —
Так добрый человек другому рад,
Так радостен цветенья аромат.
Добра — как Лоцзяшань — гора святыни,
Та бодхисаттва из пещеры Чаоиня.¹⁰²

К культу Гуаньинь как покровительницы женщин и подательницы детей тесно примыкал культ богинь-няннйя. Эти богини плодородия (в широком смысле слова), известные еще в архаической традиции и у даосов, в поздней мифологии сделались спутницами и помощницами Гуаньинь. На народных лубках Гуаньинь часто изображали в окружении няннйя — «матушек», каждая из которых отвечала за здоровье того или иного органа тела или покровительствовала конкретной стадии появления на свет ребенка (свидание влюбленных, страсть, зачатие, роды). Так, богиня Сунцзы-няннйя наделяла новобрачных даром плодovitости, богиня Яньгуан-няннйя предохраняла младенцев от заболеваний глаз, а богиня Цуйшэн-няннйя ускоряла роды и т. д. Всего няннйя насчитывалось девять.

В деревнях почитали и других богов плодородия — *тянь-шэнь*, или *тянь-цзу*. Эти божества, в отличие от Гуаньинь и ее помощниц-няннйя, «заведовали» плодородием не человека, но природы: к ним обращались с молитвами об урожае, само их название означает «полевые духи». А в городах и городских окрестностях особое значение приобрел культ божественных чиновников-чэнхуанов и их деревенских помощников *туди-шэнь*.

Доучжэнь няннйя — богиня, оберегающая от оспы. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Каждый город, вне зависимости от размеров, имел собственного чэнхуана (или *чэнвана*), а в крупных городах их насчитывалось даже несколько. Это божество выполняло роль своего рода «министра-администратора» — управляло городом и округой, выступало как верховный судья, карало тех грешников, которых не настигло справедливое возмездие при жизни, защищало население от стихийных бедствий и нападений, регулярно отчитывалось перед Юйди о положении дел на вверенной ему территории. Зачастую чэнхуанами после смерти становились видные чиновники, прославившиеся своими добродетелями; по замечанию Л. С. Васильева, «можно безошибочно предположить, что каждый из полутора-двух тысяч китайских чэнхуанов имел свою точную и строго фиксированную биографию, тщательно увязанную с реальными историческими событиями и личностями». Именно с чэнхуанами как с непосредственными защитниками и покровителями конкретного города связан известный обычай «наказания богов»: если люди полагали, что тот или иной чэнхуан не выполняет своих обязанностей надлежащим образом, императорский чиновник мог подвергнуть его статую порке или даже сослать ее (и самого чэнхуана) в отдаленную местность.

О значительности роли, которую играли чэнхуаны в китайской культуре, свидетельствует и такой факт: в Пекине был построен храм чэнхуанов всех местностей, где

102 Перевод под редакцией А. Е. Адалис.

люди, волею случая оказавшиеся далеко от дома, могли обратиться с мольбами к своему «домашнему» богу и совершить жертвоприношение перед табличкой с его именем.

В деревнях «от имени и по поручению» чэнхуанов действовали туди-шэнь (также звавшиеся *туди-гунами* и *лаоэ*). Эти боги ведали всеми деревенскими делами, заботились о местных жителях и исправно извещали канцелярии чэнхуанов и саму Небесную канцелярию обо всем, что происходило на их территории. Подобно чэнхуанам, в туди-шэнь могли превращаться обожествленные за свою высокую нравственность жители той или иной деревни. Также подобно чэнхуанам туди-шэнь могли вмешиваться в дела загробного мира: считалось, что в течение трех дней после смерти человека туди-шэнь доставляют его душу к князьям преисподней; верили, что должным образом поднесенные жертвы могут умилостивить туди-шэнь и заставить их облегчить за гробом участь души умершего.

Кроме туди-шэнь, в деревнях почитали и *ту-шэнь*, богов — подателей благополучия. А на юге Китая по сей день сохранилось почитание богов *фудэ чжэньшэнь* («истинных божеств счастья и добра»), которые выступали в том же качестве, что и туди-шэнь; причем, по замечанию В. В. Малявина, «в современных Гонконге и Макао своего божественного покровителя имеет едва ли не каждый подъезд».

Бог местности Туди. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Чэнхуаны и туди-шэнь являлись местными представителями небесной бюрократии (в храмах статуи этих божеств нередко находились в окружении многочисленных секретарей, призванных фиксировать все события вверенной им местности; то же касается и изображений на народных лубках). На самих же небесах бюрократический аппарат был организован следующим образом: верховный бог Юйди имел собственную канцелярию (Небесную канцелярию), при которой существовали 11 управ, или министерств, — управы Грома, Огня, Воды, Времени и времен года, Пяти священных гор, Изгнания демонов, Войны, Финансов, Медицины, Общественных работ и Литературы. Каждую из управ возглавлял главный божественный чиновник (Ло Сюань — управу Огня, Лэйцзу — управу Грома, Тай Суй — управу Времени, Лу Сюн — управу Воды и т. д.), у которого в подчинении состояли четыре-пять старших чиновников и множество духов-помощников. Эти управы, как замечает Л. С. Васильев, были «в значительной мере слепком реального бюрократического аппарата Поднебесной». По мнению В. В. Малявина, поздний пантеон стал «результатом рационализации народных верований в категориях официальной идеологии империи. Это выразилось в использовании бюрократической иерархии как универсального принципа устройства сверхъестественного мира. В Китае обитатели небесных дворцов-канцелярий были двойниками земных чиновников. Их даже делили, как настоящих служащих, на две категории — гражданских и военных. Впрочем, бюрократическая метафора определяла скорее фасад пантеона и не исчерпывала всех принципов его организации.¹⁰³ В числе таковых были, например, армия и семья, в народе богов обычно представляли доблестными воинами и почитали наравне с их супругами, а подчас и наложницами. Следует подчеркнуть, что в сознании народа характер божеств зачастую имел мало общего с их официальным статусом».

Яркий пример расхождения между официальным положением бога и его фактической значимостью дает управа Грома. Ее главе Лэйцзу согласно «штатному расписанию» культя помогали известные еще с архаических времен бог грома Лэйгун и бог ветра Фэнбо, а также богиня молнии Дяньму и бог дождя Юйши. Однако последний был далеко не так популярен, как повелитель драконов-лун Лун-ван, к которому прежде других обращались при засухе с

¹⁰³ Многие божества, в особенности локальные, оставались за пределами этой божественной бюрократической системы.

молениями о дожде. Если эти моления не имели отклика, люди обращались опять-таки не к Юйши, а к своему туди-шэнь или чэнхуану, причем жертвы приносили не только простые люди, но и городские чиновники.¹⁰⁴

Бог грома на колеснице. Прорисовка рельефа из храма У Ляна.

Лун-ван, он же Ао Гуан, дракон Восточного моря, формально был подчиненным Лу Сюна, главы управы Воды. Однако в народе именно его считали главным водным божеством и именно к нему обращались с просьбой о помощи при засухе или наводнении. Лун-ван повелевал остальными драконами, олицетворявшими моря, реки и озера Китая. Среди «пресноводных» драконов особо почитались духи четырех важнейших рек — Хуанхэ, Янцзы, Хуайхэ и Цзихэ. Любопытно, что в поздней мифологии Хэбо, архаического духа реки Хуанхэ, с которым некогда сражался лучник И, вытеснил дракон Лин Юань. Духом Янцзы считался дракон Гуан Юань, духом Хуайхэ — дракон Чжан Юань и духом Цзихэ — дракон Цин Юань. Кроме богов озер и рек, к подданным Лун-вана причисляли духов пересохших рек (*вэй*) и высохших озер (*мянь*), а также духов колодцев и ирригационных каналов.

Несоответствие между официальными обязанностями божеств и народными представлениями о них демонстрирует и управа Пяти священных гор, в которую входили боги пиков Хэншань в провинции Шаньси, Суншань, Хуашань, Хэншань в провинции Хунань и Тайшань. Официально у этой управы не было единоличного главы, ее божества подчинялись непосредственно Небесному императору, однако в народе считалось, что управу возглавляет бог горы Тайшань — Тайшаньван. Этого бога почитали как повелевающего людскими судьбами, распределением титулов и богатств. О самой горе Тайшань говорили, что в пещере близ ее вершины находится вход в подземный мир и что на ней хранятся золотые шкатулки с нефритовыми пластинами, на которых записаны сроки жизни людей. По сравнению с Тайшаньваном божества других священных гор исполняли менее значимые обязанности: бог горы Хэншань в Хунани повелевал звездами и водными животными, бог горы Хэншань в Шаньси — остальными животными, бог горы Хуашань ведал металлами, бог горы Суашань — землями, водами и растительностью. При том, что «на бумаге» главенство Тайшаньвана не признавалось, на практике в его честь возводились храмы по всей стране, а пекинский храм этого бога выделялся среди прочих не только размерами, но и финансовой поддержкой со стороны императорского двора.

Святая матушка Тянь-Хоу. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Вверху — божества единогласия Хэхэ.

104 Л. С. Васильев со ссылкой на современных китайских историков описывает обряд моления о прекращении засухи: «В ход пускались все выработанные веками ритуалы и мольбы о прекращении дождя. Служили молебны в кумирне туди-шэнь или в храме чэнхуана, обращались непосредственно в храм Лунвана. Если это не помогало, устраивались специальные процессии с целью напомнить Лун-вану или чэнхуану о его долге: изображение божества водружали на высокий бамбуковый шест и несли под грохот барабанов. Если и это не помогало — применяли репрессивные меры. Табличку с именем или изображением Лун-вана или чэнхуана выносили из храма и помещали под палящие лучи солнца — авось прочувствует и одумается. Если и после этого дождя нет — значит, божество пренебрегает интересами народа и должно быть сурово наказано, вплоть до изгнания с должности. Иногда глиняное изображение божества (но уже не при засухе, а в случае наводнения топили в реке. А в годы правления Цзяцина (1796–1821) при очень сильной и длительной засухе сам император распорядился сослать Лун-вана (т. е. его изображение в столичном храме) в засушливые места в районе реки Или — только слезные мольбы перепугавшихся сановников остановили императора.»)

В известной степени проявлением бюрократического духа китайской культуры можно считать и необычайную популярность божеств-покровителей, которых создавали (или присваивали) себе все без исключения социальные категории, профессии и группы, чтобы иметь собственного представителя в Небесной канцелярии. Как правило, для создания нового покровителя достаточно было того, чтобы объединилась группа людей, «после чего патрон всегда и легко обнаруживался» (Л. С. Васильев). Этим покровителем мог оказаться древний мудрец, герой, даосский бессмертный — или обычный человек, прославившийся при жизни своими добродетелями и обожествленный после смерти. Так, советник основателя династии Чжоу князь Вэнь-вана Цзянтайгун, которого князь встретил, когда тот удил рыбу, стал почитаться как патрон рыбаков, а искусный плотник древности Лу Бань превратился в покровителя плотников (более того, миф приписал ему изобретение плотницких инструментов, лодки и весла, строительство дворца богини Сиванму на горе Куньлунь и даже ремонт небесных подпорок). Покровителем литераторов и ученых считался Вэньчан, чиновник эпохи Тан, отличавшийся блестящими способностями, а патроном медиков — Яован, он же медик эпохи Тан Сунь Сямь, преуспевший в исцелении недугов. Покровителями различных профессий считались и знаменитые Восемь бессмертных (см. главу о даосской мифологии). На народных картинах часто встречались изображения восьми магических предметов — атрибутов этих персонажей,¹⁰⁵ толковались такие изображения как пожелание долголетия, выраженное от имени Восьми бессмертных.

Дух двери с бердышом. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Как пишет В. В. Малявин, «своих патронов в потустороннем мире имели решительно все профессиональные группы китайского общества, начиная с чиновников и заканчивая нищими, проститутками и ворами». А Л. С. Васильев добавляет: «Институт патронов в Китае выходил за рамки обычного заступничества или покровительства по отношению к людям определенной профессии. Защите и покровительству определенных божеств и духов подлежали также и те, кто случайно или временно оказывался принадлежащим к той или иной категории лиц. Так, например, существовало божество Чжан Сянь, которое выступало в качестве патрона бездетных и беременных женщин. В отличие от всех других божеств этого профиля, Чжан Сянь был мужским божеством и имел в качестве атрибута лук и стрелы. Считалось, что Чжан Сянь поражает стрелами Небесного пса — божество демонического характера, чье влияние препятствует рождению сыновей или сокращает срок жизни новорожденных. Большой известностью и популярностью пользовалось также божество пути Кай Лушэнь, покровительство которого очищало дорогу от демонических сил и парализовывало их влияние. Этот патрон путников со временем получил более узкую специализацию и превратился в покровителя пути во время погребальной процессии от дома до могилы».

Гражданский чиновник — дух дверей. Китайская народная картина из коллекции Г. Лю-Кандарели.

Разумеется, нельзя не упомянуть о такой категории богов-покровителей, не связанных «профессиональными рамками», как хранители дверей — *мэнь-шэнь*. Культ этих божеств

¹⁰⁵ Предметы были следующие: веер, меч, трещотка, корзина для цветов, флейта, кастаньеты пайбань, лотос и тыква-горлянка.

восходит к архаическим временам. В «Каталоге гор и морей» говорится: «Посреди океана есть гора Душо, на ней большое персиковое дерево, раскинувшее ветви на три тысячи ли. На северо-востоке меж его ветвей находятся врата духов, через которые проходят сонмы духов. У врат стоят двое духов, Юйлэй и Шэньгу. Они проверяют каждого из духов, и если увидят зловредного, связывают его тростниковой веревкой и отдают на съедение тигру». Деревянные фигурки этих божеств с веревками в руках ставились по обе стороны от двери или ворот. Позднее культ Юйлэя и Шэньгу — но не мэнь-шэнь — утратил популярность; место «старых богов» заняли обожествленные полководцы VII века Цинь Шубао и Ху Цзиндэ, а народные картины с изображениями этих божеств сделались едва ли не самым распространенным новогодним подарком. Как правило, на этих картинах мэнь-шэнь изображались в облике грозных духов с алебардами; их суровый вид призван был отпугнуть злоумышленников — как из плоти и крови, так и потусторонних. Исследователь китайских народных картин Ли Юйшань писал: «Изображения мэнь-шэнь, наклеенные на двери и ворота, чтобы отгонять злых духов, должны были быть видны издали, да и самим мэнь-шэнь полагалось иметь грозный и немного свирепый вид. Поэтому народные мастера рисовали их такими огромными, чтобы „голова подпирала небо, а ноги стояли на земле“».

Бог-покровитель домашнего скота Ма-ван. Бумажная икона (начало XX в.).

Во многом поздняя китайская мифология с ее бесчисленными духами и богами-покровителями напоминает мифологию Древнего Рима, в которой каждый ручей, лес, дорога, перекресток, дверь, петля, порог каждого имени имели своего бога, у каждого человека был свой гений, дух-покровитель, каждый дом имел свою Весту, богиню домашнего очага, а каждый момент какого-либо процесса находился под наблюдением конкретного божества. Возможно, причина этого сходства заключается в ярко выраженном имперском характере обеих цивилизаций, стремившихся управлять всем и вся; это стремление не могло не отразиться и в мифологии. Помимо божественных патронов, сходство можно усмотреть и в культуре предков, существовавшей в Китае на протяжении тысячелетий — а в Риме оформившейся в почитание *пенатов* и *манов*, обожествленных душ предков и хранителей гробниц. Обряд поклонения манам, описанный, например, Овидием в «Фастах», вполне соответствует китайской традиции:

Честь и могилам дана. Ублажайте отчие души
И небольшие дары ставьте на пепел костров!
Маны не многого ждут: они ценят почтение выше
Пышных даров. Божества Стикса отнюдь не жадны.
Рады они черепкам, увитым скромным веночком,
Горсточке малой зерна, соли крупинке одной,
Хлеба кусочку в вине, лепесткам цветущих фиалок.
Все это брось в черепке посередине дорог.
Можно и большее дать, но и этим ты тени умолишь.
И помолись ты еще у погребальных костров.¹⁰⁶

Разумеется, при всем очевидном сходстве с римской, поздняя китайская мифология оставалась сугубо национальной. Так, в обеих традициях почитали божеств домашнего очага; но если в Риме Веста была прежде всего богиней священного огня, олицетворявшего стабильность государства (иначе говоря, каждый очаг воспринимался как государство в миниатюре), то в Китае бог Цзаован покровительствовал индивидуальным очагам, отнюдь не

воплощавшим в себе всю Поднебесную. Обязанности этого бога применительно к конкретному дому соответствовали обязанностям чэнхуанов и туди-шэнь применительно к городам и деревням: Цзаован следил за порядком и благополучием дома и в конце каждого года отправлялся на небеса к Нефритовому императору Юйди с докладом. В канун очередного доклада божество всячески старались умиловить: перед его изображениями ставились дары, приносили в жертву различные сладости (дабы он сообщал императору только о приятном), с той же целью изображению бога мазали губы медом или сладкой патокой. Как писал немецкий синолог Э. Вернер, «проводы и встречу Цзаована праздновали в Китае буквально все. Ежегодно продавалось 40–50 миллионов его красочных изображений, причем висели они в каждом доме. Популярность этого домашнего божества соперничала с популярностью наиболее влиятельных персон китайского пантеона. Разумеется, было изобретено немало историй, связывавших происхождение культа Цзаована с историческими событиями и личностями. Их насчитывается не менее сорока, причем все они, как правило, с морально-назидательным уклоном».¹⁰⁷

Цзаован считался главным «домашним» чиновником, в его подчинении находились все прочие домашние божества — например, бог брачной постели, дух дома Чжай-шэнь, духи шести направлений (четыре стороны света, верх и низ) и т. д., в том числе и богиня отхожих мест Цзыгу.

Бог очага Цзаован. Бумажная икона (начало XX в.).

К божественным покровителям относятся и такие сугубо китайские божества, как боги богатства (*цао-шэнь* или *цай-шэнь*). Подобно другим «очиновленным» божествам, этих богов делили на военных и гражданских: в качестве военного бога богатства обычно почитался Гуаньди, а в качестве гражданского — Бигань (см. выше) или обожествленный богач эпохи Троецарствия Ши Чун. Более того, облик богов богатства разнился от местности к местности: в центре и на юго-западе страны божеств изображали в образе черноликого купца верхом на драконе и называли Чжао Сюаньтань, а на севере бога богатства нередко представляли в облике мусульманского купца и называли Хуэйхуэй Цао-шэнь, то есть «мусульманский Цао-шэнь». Даосы утверждали, что на небесах существует управа Финансов во главе с Чжаобао тяньцзюнем — «Небесным государем, призывающим сокровища». Однако в народе гораздо популярнее был бог по имени Цзэнфу цао-шэнь — «Бог богатства, прибавляющий счастья» (возможно, ипостась Биганя), а также считавшиеся входившими в его свиту бог монет Лю Хай и божества — патроны прибыльной торговли Хэхэ. На народных лубках бога богатства часто сопровождает богиня Цайму — «Матушка богатства».

Шесть богов дома. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Вверху: боги дверей мэнь-шэнь, бог очага Цзаован (в центре) с помощниками. Внизу (слева направо): бог колодца Цзинцюань, бог местности Туди и богиня отхожих мест Цзыгу.

В Центральном и Южном Китае в качестве богов богатства еще почитались *У шэн*, или «Пять мудрых», — пять раскаявшихся разбойников, которые раздали награбленные богатства

¹⁰⁷ Известен сюжет, согласно которому Нефритовый император Юйди назначил Цзаованом святого Чжан Чжана с горы Куньлунь. Получив императорское повеление, Чжан превратился в пять цзаованов (четыре стороны света и центр), а те, в свою очередь, «умножились» до 10 000 богов очага, которые стали наблюдать за людскими делами во всех домах.

простым людям. Последний культ принадлежит к числу так называемых «непристойных культов». В большинстве своем «непристойными» эти культы объявлялись по той причине, что божества, ставшие объектом культа, имели демоническое происхождение (например, темнолицый Сюаньтянь)¹⁰⁸ или, если речь шла об обожествленных после смерти реальных людях, отличались при жизни «неподобающим» поведением (агрессивность, непочтительность к старшим и т. п.). В докладе некоего средневекового чиновника говорится: «Непристойные культы происходят из-за невежества глупых людей, которые утверждают, что убитый в драке человек может после смерти стать богом». Как пишет В. В. Малявин, «в фольклоре обожествленные герои обычно изображаются людьми при жизни отнюдь не благочестивыми, а после смерти насылавшими на живых разные напасти до тех пор, пока те не начинали им поклоняться. Показателен в этой связи распространенный в Центральном и Восточном Китае культ „духов, погибших молодыми“ (*шан-шэнь*)».

Бог монет Лю Хай играет с золотой жабой. Рядом боги единогласия Хэхэ. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Наконец, духами-покровителями считались и священные животные — *сы лин*, а также такие животные, как тигр, лев и лиса. К священным животным *сы лин* принадлежат дракон (*лун*), единорог (*цилин*), феникс (*фэнхуан*) и черепаха. Дракон почитался в Китае с архаических времен — как божество вод, податель дождя (вспомним о молитвах Лун-вану), как покровитель императора и даже как защитник всей Поднебесной. Каждый год 5-го числа 5-го месяца китайцы отмечают праздник Дракона, который первоначально был связан именно с культом дракона, а позднее стал считаться днем памяти поэта Цюй Юаня (III в. до н. э.), утопившегося в реке, чтобы избежать несправедливых обвинений. В этот день по рекам плавают на больших лодках с носами в виде морды дракона и приносят жертвы духу Цюй Юаня (которого после его смерти стали отождествлять с водным драконом).

Единорог-цилин, согласно преданию, появляется среди людей лишь раз в несколько столетий. Его появление предвещает рождение великого мудреца (легенда гласит, что цилиня видели незадолго до рождения Конфуция). Появление же феникса означает добродетельное правление и благополучие населения Поднебесной, «великое умиротворение» (по мифу, впервые среди людей эти птицы, подобно птице *чунмин*, появились во времена мудрого правителя Яо).

Черепаху почитали прежде всего как олицетворение долголетия, поскольку считалось, что черепаха живет тысячу лет. Кроме того, черепаха выступала как дух — покровитель речных плотин; изваяния черепах для защиты от наводнений ставили по берегам рек. Еще это животное выбрали своим патроном гадатели — по легенде, именно на спине черепахи, которая выползла из Хуанхэ, были начертаны Восемь триграмм (*Ба гуа*), «фундамент» китайской системы гадания.

Цилинь дарует сына. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. На слитке серебра в руке мальчика — бог Куйсин, помощник божества литературы Вэньчана.

108 «Пример культа демонического божества являют распространенные на Тайване кумирни в честь божеств, именуемых юингун (буквально „Откликающийся господин“). Такие кумирни воздвигались на месте найденных человеческих останков или захоронений убитых в драках молодых людей. Юин-гуны слыли главным образом патронами воров, игроков, безработных, прелюбодеев — словом, всех, кто был не в ладах с законом» (В. В. Малявин).

На народных лубках изображения сы лин символизировали различные благопожелания. Так, по комментарию китайского исследователя народных картин Ван Шуцуня, изображение единорога, изрыгающего чудесную книгу, заключало в себе «пожелание новобрачным или дому, где должен родиться ребенок, чтобы в этой семье появился совершенномудрый человек. На таких картинах пространство вокруг исторгающего из себя чудесную книгу цилиндра заполнено изображениями различных предметов, также представляющих собой благопожелательные символы: например, рог носорога — символ удивительных сокровищ; доска для шахмат, цитра, книга и картина символизируют четыре традиционных для Китая вида искусств, в которых должен добиться успехов новорожденный; кораллы являются символом могущества и богатства, а жезл исполнения желаний „жуи“ и слиток серебра сулят, что все надежды непременно сбудутся». Дракон и феникс на лубках символизировали идеальное супружество (поскольку дракон трактовался как олицетворение императора, а феникс — как олицетворение императрицы).

Тигра именовали защитником людей и усмирителем нечисти, его изображениями украшали двери домов, чтобы отогнать злых духов, а внутри дома вешали лубки с изображением этого животного. Более того, многих победителей демонов (например, Чжункуя) нередко рисовали верхом на тигре. Китайцы верили, что тигриные полосы на лбу животного складываются в знак *ван* — «царь, князь», и поэтому называли тигра, а не льва, царем зверей. Самый известный тигр китайской мифологии — Байху, «Белый тигр», дух-покровитель Запада. Что касается льва, это животное в Китае не водилось, его культ пришел в Поднебесную вместе с буддизмом (и поэтому лев навсегда остался в китайской традиции символом буддизма — отсюда изваяния львов у входа в буддийские храмы).

Тысячеверстый скакун. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Лиса — едва ли не самый противоречивый звериный персонаж китайских мифологии и фольклора. Ее почитали, боялись, приносили ей жертвы и боготворили как подательницу богатства. Лиса считалась воплощением души умершего, верили, будто она способна перевоплощаться в прекрасную женщину, соблазнительницу смертных мужчин, и потому ставили кумирни этому животному, чтобы умилостивить его — и отвести от мужчин конкретной деревни и даже конкретного дома «лисий чары». Выдающийся отечественный синолог академик В. М. Алексеев писал, что лиса у китайцев является «анонимным божеством, равноправным со всеми другими, которым в Китае имя легион. В этой своей роли божества, наделенного к тому же способностью принимать всевозможные формы, начиная от лисы-зверя и кончая лисой-женщиной и лисом-мужчиной, во всяком их дальнейшем разнообразии, смотря по тому, на кого и во имя чего требуется действовать, — в этом мире превращений лиса и кружит человеческую голову всевозможными химерами, создающими самое необыкновенное течение событий там, где обычная человеческая жизнь проста, убога, скучна». Подробнее о лисах-оборотнях будет сказано ниже, когда речь пойдет о китайской демонологии, здесь же упомянем лишь, что во многих преданиях лиса выступает именно как покровительница: «она приходит к человеку сама, влюбляет его в себя, любит его, становится восхитительной любовницей и верной подругой, добрым гением, охраняющим своего друга от злых людей и демонов... Неся человеку фатальное очарование, приводя его к границе смерти, лиса сама же несет ему исцеление, помогающее, как ничто на свете. Она хранит пилюлю вечной жизни, горящую в вечном сиянии бледной колдуньи-луны и способную оживить даже разложившийся труп. И перед тем как стать бессмертным гением надземных сфер, она еще раз вмешивается в жизнь человека и несет ему мир и счастье» (В. М. Алексеев).

Всем этим божествам, духам и сверхъестественным покровителям совершались обряды поклонения, самый элементарный из которых состоял в возжигании перед идолом (статуей или изображением) связки курительных палочек или свечей (две пары по две штуки). В особо важных случаях обряд поклонения сопровождался жертвоприношениями. В. В. Малявин комментирует: «Считалось обязательным или, по крайней мере, желательным поднести духам свинину, цыплят и рыбу, чай и вино, сласти и фрукты. На практике набор жертвенных яств во многом зависел от особенностей местной кухни, функций божества и даже личного вкуса дарителя. По традиции считалось, что духи поглощают „духовный“ экстракт жертвуемых блюд, а живущие могут насытиться их „материальной“ основой».

Своеобразной жертвой божествам было сожжение жертвенных предметов, с эпохи Средневековья — повсеместно бумажных, причем считалось, что «поддельная» жертва богам приятнее, нежели подлинная. С правления династии Тан широко распространилась практика сожжения бумажных денег — как «золотых», вырезавшихся из желтой бумаги и предназначавшихся для богов и предков, так и «серебряных», которые сжигали, чтобы умиловить «голодных духов». Также существовал обычай сжигать бумажные изображения богов (*мачжи*, буквально «бумага для жертвоприношений») — иначе лубки.

Эти картины — как *мачжи*, так и *няньхуа* («новогодние рисунки») — имеют непосредственное отношение к китайской мифологии, являясь зачастую едва ли ни единственными источниками сведений о бесчисленных локальных божествах и духах. Причем в самом Китае исследователи мифологии до недавнего времени фактически пренебрегали народными картинами, поскольку считали их слишком «низменными» для изучения.

Как пишет Б. Л. Рифтин, «китайские народные картины — особый вид фольклора, который называют в науке пассивно-коллективным творчеством. Их создавали профессионалы, впитавшие народную культуру, но не чуждые и культуре письменного слова, знавшие в известной мере литературу и историю своей страны. Они создавали картины для самых широких народных масс. Все эти картины жили, как правило, один год — их никто не собирал и не хранил, как старинные свитки, вот почему их так мало в китайских музеях. Бедняки покупали их за несколько медяков перед Новым годом и наклеивали взамен старых в разных местах своего жилища: на воротах, дверях комнат, на стенах, особенно часто над теплой лежанкой — кан, на потолке, подле окон, на столбах, поддерживающих крышу, на шкафчиках и сундуках для одежды, буфетах для посуды. Картины наклеивали и на большие глиняные чаны для воды или риса, на глинобитные заборы, на оглобли телег и двери кают на больших лодках».

В кухне над очагом обычно вешали лубок с изображением Цзаована и его супруги. Нередко такой лубок дополняли лубками эротического содержания, которые должны были предохранить дом от пожара (соединение мужского и женского начал толковалось как слияние неба и земли, то есть как дождь). В конюшне и в хлеву вешали лубки с изображениями духов-покровителей домашнего скота — Нью-вана, Ма-вана и других. «Обычно даже бедная семья покупала до десяти лубков для украшения жилища к празднику Нового года. Некоторые лубочные картины полагалось дарить ко дню рождения — с пожеланием долголетия — или к свадьбе с пожеланием мужского потомства» (Б. Л. Рифтин).

Ян Юйхуань, богиня цветов абрикоса. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. Ян Юйхуань — певица и танцовщица, по преданию, особенно хороша становилась опьяненной. Отсюда связь с абрикосом, которая установилась после смерти и обожествления певицы.

Эти лубки в народе являлись неотъемлемой частью культа благопожеланий, основанного прежде всего на принципе *сань-до* (буквально «трех много») — пожелания

многих лет, многого достатка и многих сыновей. На лубках с пожеланием потомства обычно изображали бодхисаттву Гуаньинь и ее помощниц-няннян, на лубках с пожеланиями богатства — кого-либо из цао-шэнь, на лубках с пожеланием многих лет — бога долголетия Шоусина. Причем все эти божества представали в окружении различных предметов, призванных «усугубить» пожелания и понятных только человеку, сызмальства воспитывавшемуся в китайской культуре. Так, глиняный сосуд у ног бога богатства символизировал пожелание многократного умножения личных средств, олень на картинах с изображением Шоусина олицетворял собой пожелания долголетия (как и журавль — вспомним изображения даосских бессмертных-сянь) и повышения жалования, а зерна граната на лубках с изображением «женских» богинь выражали пожелание иметь многочисленное потомство и т. д.

В общем и целом можно сказать, что народная картина в Китае, наряду с китайским классическим романом, сыграла роль хранителя мифологических сюжетов, своего рода «визуализированного» мифологического свода, этакой «Эдды» или «Пополь-Вух» в картинках. Не возникни в китайской традиции этот изобразительный жанр, наше представление о поздней китайской мифологии было бы куда более скудным: ведь конфуцианская идеология, окончательно утвердившаяся в Поднебесной в Средние века, не одобряла «разговоров о духах» и записей их деяний, а потому народный лубок оказался фактически единственным средством фиксации поздних мифов, в большинстве своем «непристойных» с точки зрения официальной морали.

Совершенно особое место в мифологических представлениях китайцев занимал культ предков, известный с незапамятных времен и во многом сохранивший свою значимость до сегодняшнего дня. На уровне мифологии этот культ отражался, во-первых, в представлении о предках как о духах — покровителях семьи или рода (и всей страны, если говорить о первопредках Фуси, Хуанди и других); в поздней мифологии это представление, унаследованное из архаической традиции, продолжало оказывать существенное влияние на народное сознание.¹⁰⁹ Во-вторых, с культом предков были неразрывно связаны представления о судьбе души в загробном мире; картина последнего — во многом под влиянием буддизма — претерпела в средневековом Китае значительные изменения.

«Будь богатым, знатным и живи долго». Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева. На лубке изображена небесная дева сяньной, в руках у которой чудесный гриб личжи.

Если в древности считалось, что у каждого человека две души, *по* и *хунь*, первая из которых после смерти тела остается в могиле и нисходит в подземный мир, а вторая возносится на небеса, то в Средние века к этим двум душам прибавилась третья — *ша*, воплощавшаяся в табличке с именем человека на семейном алтаре. Душа *по* все так же оставалась в могиле вместе с телом, а вот судьба души *хунь* заметно усложнилась. Эта душа после смерти человека попадала в подземное судилище диюй, где и решалось, какая участь (адские муки, череда перерождений или райское блаженство) ее ожидают.

Как говорилось в предыдущей главе, само понятие преисподней как места наказания грешников китайцы позаимствовали у буддизма. В архаической традиции подземный мир мыслился как обитель духов, терпеливо ожидающих повеления верховного божества, чтобы

¹⁰⁹ «В каждом китайском доме имелся семейный алтарь, на котором стояли таблички с именами умерших предков. Предкам регулярно (обычно 1-го и 15-го числа каждого месяца, но иногда и ежедневно) совершали подношения, в дни праздников их приглашали побыть вместе с живыми, им докладывали о всех произошедших в семье переменах. В частности, главным свадебным обрядом в Китае до сих пор остается представление новой жены предкам ее мужа» (В. В. Малявин).

подняться на небеса, а в поздней мифологии с ее буддийскими мотивами этот мир стал своего рода чистилищем; сама концепция посмертного суда, неизвестная древним мифам, пришла в Китай вместе с учением Будды.

Подобно земным публичным учреждениям Поднебесной, китайский ад был организован как канцелярия, где трудились многочисленные секретари, писцы и другие чиновники, несли службу гонцы и даже своего рода «грузчики» (духи *чжа-шэнь*, доставлявшие души умерших в преисподнюю). Подземная канцелярия состояла из 10 судилищ — возможно, правильнее было бы называть их на бюрократический лад инстанциями, — где определялась посмертная участь души, вершились наказания и выносился вердикт о необходимости и длительности последующих перерождений. Возглавлял диной буддийский бодхисаттва Дицзанван; в Северном и Восточном Китае владыкой преисподней нередко называли божество по имени Дуньюэ дади (Великий император Восточного пика), оно же — бог горы Тайшань, а в Южном Китае бог подземного мира носил имя Фэнду дади — Великий император горы Фэнду. Впрочем, наиболее популярным божеством был именно Дицзанван, наряду с которым особо почитали еще Яньлована — начальника пятой подземной палаты, «китаизированного» индийского бога смерти Яму.

В первой палате преисподней судья Циньгуан-ван выносил решения о том, куда надлежит отправить очередную душу: безгрешных отсылали в десятую палату для нового перерождения, грешников же ставили перед зеркалом Нецзинтай («зеркалом зла»), в котором они видели собственные дурные дела, после чего их разводили по остальным инстанциям согласно тяжести прижизненных грехов. В самой первой палате имелись такие места наказаний, как Цзичан («двор голода»), Качан («двор жажды»), Вуцзинсо («камера восполнения священных текстов») — сюда направляли монахов, которые брали плату за чтение заупокойных молитв, но не дочитывали их до конца. Также в первой палате находился Вансычэн — «город напрасно рожденных», куда после повторного рождения в облике «голодных демонов» (*эзуй*) и истечения срока второй жизни попадали души самоубийц;¹¹⁰ считалось, что из этого города уже нет пути к перерождению.

Во вторую палату, которую возглавлял судья Чуцян-ван, направляли души тех, кто прелюбодействовал, воровал, обманывал. Описания загробных мук в этой палате очень напоминают муки в христианском аду: только грешников не поджаривают, а держат по горло в нечистотах.

Третья палата, которой управлял судья Сунди-ван, предназначалась для «политических»: сюда в первую очередь доставляли тех, кто думал и говорил, что император не заботится о своих подданных, а также чиновники, пренебрегавшие своими обязанностями.

Четвертой палатой заведовал судья Угуан-ван, вершивший суд на теми, кто не платил налогов, обвешивал покупателей, продавал поддельные лекарства или жульничал как-либо иначе, завидовал богатству других, нарушал слово, лгал и запугивал людей. Этим грешникам уготована река нечистот Найхэ, а убийц, запятнавших кровью домашний очаг или храм, ожидал «кровавый пруд» Сюэучи, в котором они должны пребывать, не высывая голов.

Пятой палатой, как упоминалось выше, руководил Яньло-ван — индийский бог смерти Яма. В индийской традиции Яма — «первый мертвый», первый человек, который умер и тем самым открыл путь к смерти для других; «Ригведа» называет его не божеством, но «царем мертвых». В эпосе Яма стал божеством и судьей царства мертвых, и именно в этой последней ипостаси его образ и переняли буддисты, а позднее он проник в религиозно-мифологических представления народов тех стран, где распространился буддизм. В китайской традиции Яньло-ван выступал как суровый, но справедливый и неподкупный судья, не чуждый, впрочем, милосердия: по некоторым легендам, первоначально он возглавлял первую палату, но был переведен оттуда, поскольку отпускал на землю души грешников, умерших от

110 Исключения делались для тех, кто покончил с собой ради верности долгу, из сыновней почтительности или чтобы сохранить целомудрие.

несчастных случаев. В пятой палате несли кару те, кто нарушал при жизни конфуцианские заповеди: не выказывали сыновней почтительности, не выполняли последнюю волю родителей, не делились деньгами с нуждающимися, не исполняли законов государства и т. д. Известна любопытная «мера предосторожности», к которой прибегали грешники, чтобы заранее задобрить Яньлована: 8-го числа 1-го месяца года, в день рождения этого бога, его именем клялись избегать грехов; считалось, что этой клятвы достаточно, чтобы умиловить Яньлована.

Злые духи 72 звезд (цишиэр шашень). Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

Шестой палатой заведовал судья Бяньчэн-ван. К нему на расправу попадали те, кто крал позолоту и драгоценности со статуй божеств, неаккуратно обращался с книгами (!) и тому подобное. О муках грешников в этой и других палатах писал в своем романе «Путешествие на Запад» У Чэньэнь:

Тянули жилы, мучили в темницах,
Держали в ямах, где бушует пламя.

Тянулось время медленно и скучно —
В душевной пустоте, большой печали.

Кто совершал грехи большие в жизни,
Кто был запятнан черными делами,

За прошлое, за тяжкие проступки
Заслуженную кару получали...

Их устрашали, за язык тянули...
Как мясники, сдирали клочья кожи

С тех, кто презрел небесные законы,
С тех, кто разил людей змеиным жалом,

Их, грешников — на муки обреченных —
Избавить от суда никто не может:

В муку смололи, в ступе раскрошили,
И чтобы мучить, снова воскрешали...

И рвали на куски тела несчастных,
Безжалостно калечили их лица,

Вытягивали прочь кишки из чрева,
Мороз на них свирепый напускали,

Варили в масле, в темноте томили,
В крови повелевали им топиться...

На дыбе истязали долгой пыткой,

Дробили кости, жилы подрезали...

На долгие столетья каждый грешник
В темницы ада для расправы брошен,

Бежать нельзя — напрасны все попытки:
Веревками тугими грешник связан,

Для тех, кто прежде убивал и мучил,
Исход перерождений невозможен,

Кто лицемерит, кто наживы жаждет —
Тот будет за грехи свои наказан!¹¹¹

Седьмой палатой управлял судья Тайшань-ван, помощники которого вели книгу *шэнсы-бу* («книгу живота и смерти»), в которую записывали имена тех, кто питался человечиною; такие души обрекались на вечный голод. Еще сюда попадали отцы и матери, бросившие новорожденных, разбойники и те, кто играл на деньги.

Восьмую палату возглавлял судья Души-ван, к которому доставляли души тех, кто не похоронил родителей; считалось, что подобная непочтительность обязательно укоротит жизнь родителей в следующем перерождении.

В девятую палату, где руководил судья Пиндэн-ван, направляли грешников, изготавливавших яды и «дурные книги», совершавших поджоги и рисовавших неприличные картины. Эта палата обнесена железной решеткой.

Наконец, в десятой палате судья Чжуаньлунь-ван приговаривал души к перерождению в том или ином качестве, которых насчитывалось шесть — три желательных и три неблагоприятных. К первым трем относятся перерождения в качестве бога, человека и водного духа, ко вторым — в качестве подземного демона, «голодного духа» и животного. «Все эти перерождения не были вечными. По истечении определенного срока переродившиеся вновь умирали, опять попадали в первую палату ада, где все происходило сначала» (Л. С. Васильев). Прервать цепочку перерождений способен, как утверждал буддийский канон, только бодхисаттва или будда.

В десятом святилище расположены 6 мостов, которые соединяют преисподнюю с миром живых. По ним души, приговоренные к перерождению, отправлялись в свои новые сферы обитания.

В целом представление о преисподней в поздней китайской мифологии было по духу вполне буддийским («индо-буддийским», по выражению Л. С. Васильева), однако в нем отчетливо прослеживается влияние конфуцианства (прежде всего в перечне грехов, за которые полагаются адские муки) и отчасти даосизма (например, магический по сути способ заблаговременно умиловить Яньло-вана).

В отличие от других религиозно-мифологических традиций адские бесы, мучившие души грешников, не принадлежали, с точки зрения китайцев, к «нечистой силе»; это были не более чем второстепенные и третьестепенные божества со своим, четко ограниченным кругом обязанностей. Людям на земле вредили не они, а злые духи, к которым причисляли стихийных духов, диких и кровожадных по самой своей природе, а также тех, кто переродился в качестве «голодного духа» (эгуи), причем первых одновременно боялись и почитали как божеств. Что касается вторых, обреченных дурной кармой — или небрежением родичей, не совершавших покойникам положенных подношений — на злобу и свирепость по отношению к живым, к ним относились как к своего рода заблудшим родственникам, причем считалось, что они ведут жизнь, во многом схожую с жизнью на земле. Как писал

111 Стихотворный пересказ В. Гордеева.

нидерландский синолог Я. М. де Гроот, «призраки приходят к людям и преследуют их в облике, если не абсолютно тождественном, то близком к человеческому. Они говорят точно так же, как люди, их одолевают те же чувства любви или зависти, как и людей, они испытывают желания и страсти и вступают в интимную связь как между собой, так и с человеческими существами. Используя оружие, они сражаются наравне с людьми, объединяются в шайки и отряды; нападение призраков можно отразить с помощью самых обычных стрел, мечей и копий. Призраки знают толк в деньгах, едят человеческую пищу, пьют вино и одеваются, как люди; короче говоря, китайцы создали себе духов в полном смысле слова по своему образу и подобию».

Тот же де Гроот предложил классификацию злых духов китайской мифологии, которая охватывает если не весь сонм демонов и бесов, то большую его часть. По этой классификации злые духи делятся на: призраков гор и лесов, водных демонов, демонов земли, демонов-животных (то есть оборотней), демонов-растений, «призраков — безжизненных предметов», призраков, приводящих к самоубийству, призраков, обладающих материальным телом, и вампиров, призраков-людоедов и некрофагов, а также духов эпидемий и моровых поветрий. Как и всякая классификация, система де Гроота достаточно условна и искусственна, однако ей нельзя отказать в логичности, отсутствием которой зачастую грешат подобные построения. (Можно вспомнить, например, классификацию животных, предложенную неким китайским ученым, на которого любил ссылаться Хорхе Л. Борхес. Согласно этой классификации, все животные делятся на а) принадлежащих императору, б) набальзамированных, в) прирученных, г) сосунков, д) сирен, е) сказочных, ж) отдельных собак, з) включенных в эту классификацию, и) бегущих как сумасшедшие, й) бесчисленных, к) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, л) прочих, м) разбивших цветочную вазу и н) похожих издали на мух.)

О большинстве злых духов из классификации де Гроота достаточно подробно говорилось в предыдущих главах, здесь же мы остановимся на оборотнях (*цзин*) и на категории, у де Гроота отсутствующей, — на еретиках.

Демонизация еретиков свойственна, пожалуй, всем без исключения религиозно-мифологическим традициям, в которых возникало такое явление, как ересь (в широком смысле слова). Достаточно вспомнить европейскую инквизицию и ее обвинения в адрес еретиков — например, катаров или альбигойцев — и ведьм. В средневековом Китае роль еретических учений играли даосизм и буддизм, долгое время соперничавшие друг с другом во влиянии на умы. В этом соперничестве «пальма первенства» доставалась то одному, то другому противнику, но в итоге победа все же осталась за «чужеродным» буддизмом, успешно внедрившимся в китайскую культуру. Об отношении к даосам как к еретикам¹¹² много интересных сведений содержится в романе У Чэньэня «Путешествие на Запад», одна из глав которого называется «О том, как последователи еретического учения (даосы. — Ред.) приложили все силы к тому, чтобы обмануть последователей истинного учения». Сцена состязания между даосами и приверженцами истинного учения весьма показательна.

Даосы предлагают царю обезьян Сунь Укуну состязаться в самозосерцании. Спутник Сунь Укуна монах Трипитака принимает вызов — и побеждает, несмотря на уловку, к

¹¹² Ср. сопоставление даоса и буддиста, сделанное академиком В. М. Алексеевым: «Даос, „крылатый гость“ небес, приходит, чтобы покарать злых и восстановить справедливость. Он может зачаровать всех общим миражем, властно смешав действительность с химерой и в конце концов наказав порок или глупость. Он уничтожает разницу между сном и действительностью, приводя человека в полное недоумение. Он может поменять свой лик на чужой, воздвигнуть здания на пустыре, пройти сквозь стену и провести новичка, сиять луной в комнате и вызвать из луны фею. Он поможет хорошему, стойкому в своей добротности человеку. Он превратит его в то существо, которое наилучшим образом достигает своих целей; он устроит пир на весь мир из простого чайника вина; он даст приют влюбленным в складках своего рукава или же в разрушенных чудесным образом стенах. Но он покарает за алчность, повесив человека в воздухе или раздав то, над чем он трясся, всем, кому не лень брать, и т. д. Он морочит и мучит человека за его несовершенство, но вечным спасителем ему не будет, предоставляя этим заниматься милосердному бодхисаттве в лице бритого хэшана — буддийского монаха».

которой прибегли даосы, чтобы лишить его сосредоточенности и неподвижности. Тогда даосы стали предлагать другие испытания, но Сунь Укун и его спутники всякий раз выходили победителями, не брезгуя отвечать хитростью на хитрость, но не забывая при этом следовать пути «четырех благородных истин». Вынужденный признать свое поражение, старший даос произнес стихи, в которых раскаялся в «еретичности» даосизма:

Да, человеческое тело
Нам нелегко приобрести,
Не выплавить пилюль бессмертья,
Не зная верного пути.

Хотя повелевал он духами,
Стихией водною владел,
А все-таки пилюль бессмертья
В распоряжение не имел.

О достижении нирваны
Какой возможен разговор,
Когда в сознание есть неясность
И омрачен духовный взор!

Ума напрасно напряженье —
Уйти от смерти не дано!
Хотя бы ты и стал монахом.
Но не спасешься — все равно.

О, если б испытать сначала
Непрочность жизни, смертный страх,
Кто захотел бы подвизаться
В посте и бдениях в горах?

Если стану плавить золото и ртуть.
Этим ли достигну я чего-нибудь?
Принесет ли что-то для души моей
Верная мне сила ветра и дождей?¹¹³

Как уже не раз упоминалось, автор «Путешествия на Запад», как и авторы других классических китайских романов, охотно использовал в своем сочинении сюжеты из народной мифологии; вряд ли подлежит сомнению, что и мотив соперничества сторонников истинного учения и «еретиков»-даосов имеет фольклорную основу. Буддийская доктрина, особенно в ее упрощенном, «народном» варианте, была намного ближе народному сознанию, чем «умствования» и алхимические штудии даосов. Не удивительно поэтому, что в поздних мифологических сюжетах, когда речь заходила о соперничестве вероучений, еретиками и последователями ложного учения чаще всего объявлялись именно даосы, в которых видели зловредных колдунов, порочащих истинную веру, и даже коварных демонов, отправленных на землю, чтобы искушать неокрепшие души.¹¹⁴

113 Перевод А. Е. Адалис.

114 Сами даосы обвиняли в ереси как буддистов, так и конфуцианцев, особенно тех, кто «загрязнил» учение Конфуция. В трактате Гэ Хуна «Баопуцзы» говорится: «Когда в Поднебесной смута, тогда появляются „гуманность и справедливость“, когда шесть родственников не пребывают в согласии, тогда появляются „сыновья почтительность и материнская любовь“. Прежде, в древние времена, не было ни государей, ни подданных. Люди рыли колодцы и пили из них, возделывали поля и тем питались; солнце вставало — и они

Что касается оборотней-цзин, представления о них восходят в китайской традиции к архаическому периоду с его зооморфными божествами и духами. По мере развития общества эти божества и духи постепенно теряли свой звериный облик и приобретали человеческие черты, а их повадки традиция передавала реальным животным, наделяя тех чудесными способностями. Известны оборотни-тигры и оборотни-волки, оборотни-собаки и оборотни-рептилии, оборотни-птицы и даже оборотни-рыбы, однако наибольшую популярность, наибольшее уважение и наибольший страх завоевали в Китае оборотни-лисы.

Лис китайцы демонизировали с глубокой древности. Еще в «Шицзин» говорится о «страшном крае рыжих лисиц», Чжуанцзы утверждал, что «злобные лисицы предвещают недоброе», а люди верили, что лисы вызывают болезни и помешательство. Поскольку лисьи норы часто встречались рядом с могилами, мало-помалу сложилось убеждение в том, что в лис переселяются духи умерших. При этом, поскольку лиса считалась животным исключительно коварным и злобным, ей как оборотню приписывались особые демонические таланты. По замечанию Я. М. де Гроота, «главная опасность оборотней-лисиц заключалась не столько в том, что они, как и прочие призраки, насылали сумасшествие и болезни, сколько в том, что чаще всего они поступали так исключительно из собственной, ничем не спровоцированной злонамеренности». Даже когда лисица помогает человеку — а число подобных историй в поздней китайской мифологии и фольклоре чрезвычайно велико, — она все равно преследует собственные коварные цели, и ее помощь неминуемо приведет к смерти опекаемого ею человека.

Лин-по, богиня цветов персика. Китайская народная картина из коллекции академика В. М. Алексеева.

В трактате «Сюаньчжунцзы» представления о необыкновенных способностях лисиц увязываются с их возрастом: «Когда лисице исполнится пятьдесят лет, она может превратиться в женщину; когда ей исполнится сто лет, она становится красавицей-чародейкой (у), обладающей духом (*шэнь*), или взрослым мужчиной, вступающим в отношения с женщинами. Эти существа способны знать о том, что происходит за тысячу с лишним ли от них; они могут отравлять людей с помощью колдовства или завладевать ими, или приводить их в замешательство, так что люди теряют память и разум. А когда лисице исполнится тысяча лет, она поднимается на небеса и становится Небесной лисицей». При этом у тысячелетней лисицы отрастают сразу девять хвостов (девятка — одно из священных чисел китайской нумерологии), а шерсть становится золотистой; вдобавок она приобретает

шли работать, солнце садилось — и они отдыхали. Ничто их не сковывало, все доставали они сами, не приходилось им трепетать и не знали они оружия. Не ведали ни славы, ни позора. В горах не было троп, в реках не было лодок. Потоки и долины были неизведанны, и люди не объединялись, войска не собирались, и военных походов не было. Гнезда на деревьях не разорялись, глубокие водоемы не иссякали. Фениксы гнездились прямо во дворах людских жилищ. Драконы и цилини стаями бродили в садах и обитали в водоемах. На голодного тигра можно было наступить, ядовитых змей можно было держать в руках. Когда люди переходили вброд реки, то чайки даже не взлетали, а когда они входили в леса, то лисы и зайцы даже не пугались. Сила и выгода не зарождались, беды и смуты были неведомы, копья и секиры не применялись, а городские рвы не строились. Мириады вещей — все сущее, покоились в сокровенном единении, и все пребывало в Дао-Пути. Моры и поветрия не распространялись, народ добывал все необходимое, и люди доживали до преклонных лет. Они были чисты, и хитрость не рождалась в их сердцах. Они находили себе пропитание и жили в мире, насыщались и путешествовали. Их речи не были цветисты, их поступки не были порочны. Разве мог кто-нибудь тогда отнять у народа его богатства? Разве можно было тогда бесчинствовать, расставляя капканы и ловушки? Когда эта эпоха пришла в упадок, появились знания и мудрость, использующие искусные уловки. Дао-Путь и Дэ-Благо оказались отброшены прочь. Почтение и презрение обрели свой порядок. Живущие в изобилии и роскоши возвышаются еще более, а неимущие теряют и последнюю выгоду свою — таков смысл „ритуала“».

способность постигать все тайны мироздания, которые «суть сочетание мужского и женского начал».

При всей демоничности лисьей породы — а быть может, именно по ее причине, — китайцы почитали лису как божество. Как писал академик В. М. Алексеев, «китайцу — не в пример, по-видимому, прочим — лиса представляется и полезным существом. Не говоря уже о ее шкуре, ценимой не менее, чем где-либо, китайская медицина знает весьма полезные свойства лисьего организма, части которого, например печень, могут исцелять злую лихорадку, истерию, внезапные обмороки, а мясо ее вообще может, как говорят даже солидные китайские медицинские трактаты, — в особенности, если его приготовить должным образом, — исцелять случаи крайнего испуга, обмороков, бессвязной речи, беспричинных, безрассудных песен, скопления холода во внутренностях, злостного отравления и других подобных болезней. Лисья кровь, как говорит в своем сочинении один из китайских мыслителей первых веков до нашей эры, сваренная с просом, дает способность избегать опьянения и т. д. и т. д. Одним словом, лиса, оказывается, не так уж безнадежно плоха. Наоборот, — и здесь китайская фантазия идет, по-видимому, впереди всех народов, — она оказывается наделенною редким свойством долголетия, достигающего тысячи лет, и, значит, вообще сверхчеловеческими, даже прямо божескими особенностями. Эти качества, прежде всего, делают ее, конечно, доброю, ибо такова воля умиловляющего ее человека, который, страшась и подозревая ее в душе своей, боится ей это показать. Так, девятихвостая белая лисица, жившая в горе Ту, явилась древнему герою китайского исторического предания, императору Юю (XXIII в. до н. э.), и он женился на ней, как герой на фее...»

Культ лисицы был известен и популярен на всей территории Китая, практически повсюду можно было встретить кумирни в честь этого животного, и находились люди, утверждавшие, что своим благополучием в жизни обязаны именно лисам. Множество историй о лисах-оборотнях приводит в своей знаменитой книге «Странные истории из кабинета неудачника» Пу Сунлин, он же Ляо Чжай.

Пожалуй, здесь можно поставить точку. Наша книга ни в коей мере не претендует на то, чтобы считаться полным сводом китайских мифов, хотя бы и в пересказе, тем более что, учитывая «протяженность» китайской культурно-мифологической традиции, многочисленные исторические, политические и религиозные наслоения и разнообразие народных традиций в самом Китае, составление такого свода представляется вряд ли возможным. Это — попытка систематизировать, насколько подобное возможно, чрезвычайно разрозненные сведения о китайской мифологии, прежде всего об ее архаическом периоде, чтобы у читателя сложилась цельная (опять-таки насколько возможно) картина этой мифологической традиции, отразившей мировоззрение самого многочисленного народа на планете — и во многом продолжающей существовать по сей день. Никакая другая мифология (за исключением, быть может, скандинавской, возродившейся в 1970-е годы благодаря таким религиозным общинам, как «Асатру», и чрезвычайно популярной среди авторов жанра фэнтези мифологии кельтской) не может похвастаться столь длительным «жизненным циклом»; мифология же китайская и в наши дни остается живой традицией (точнее, Традицией — в терминологии Р. Генона).

Разумеется, эта Традиция, эта мифология жива потому, что никогда не являлась замкнутой системой; будь иначе, она бы не приняла в себя с такой легкостью буддийскую космологию, а сводный китайский пантеон недосчитался бы многих божеств, в том числе бодхисаттвы Гуаньинь и Толстобрюхого Милэ. По замечанию Б. Л. Рифтина, «многие образы китайской мифологии родились, видимо, в глубокой древности на основе мифологических представлений, общих для целого ряда народов Восточной, Центральной, Юго-Восточной, а иногда и Южной Азии. Одни и те же темы по-разному разрабатываются в мифологии народов этих регионов, однако в основе их нередко можно увидеть одни и те же древнейшие мифологические представления». Так, китайский миф о стрелке И, убившем девять солнц из десяти, известен у многих соседних народов, равно как и предания о женщине, живущей на

луне (китайской богине луны Чаньэ). Тем не менее даже среди мифологий соседних народов китайская стоит особняком — именно по причине своей синкретичности, всеохватности; не будет преувеличением сказать, что она выступила в роли «плавильного тигля», в котором смешались воедино мифы древних племен, рационалистические историзации конфуцианцев, предания даосов, одновременно чрезвычайно умозрительные и нарочито приземленные, вобравшие в себя все богатство народных суеверий, и представления буддистов о неизбежном конце света, посмертном суде и спасении из мира страданий, к которому непременно нужно стремиться.

Китайская мифология многолика и поразительно разнообразна, как многолик и разнообразен сам Китай; для человека, знакомого лишь с европейской мифологической традицией, восходящей к Древней Греции или к «Старшей Эдде», она вдобавок весьма экзотична; и если нам удалось пробить хотя бы малую брешь в «великой китайской стене», разделяющей мировоззрения Востока и Запада, — значит, читатель потратил время на чтение этой книги не зря.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая хронология

До нашей эры

Ок. 500 000 лет. Древнейшие следы человека на территории Китая (провинция Шэньси).

Ок. 300 000 лет. Синантроп («пекинский человек»).

5000 лет. Культура Яншао (равнина Хуанхэ).

3000 лет. Культура Луншань (провинция Шаньдун).

2698–2598. Годы правления «первого императора» Хуанди.

2356–2255 . Годы правления мудрого Яо.

Начало II тыс. до н. э. Династия Ся.

II тыс. до н. э. Династия Шан-Инь.

XI–VIII вв. Царство Чжоу.

VIII–VI вв. Эпоха Разделенных царств.

VII–VI вв. Время жизни Лаоцзы.

561–479 . Годы жизни Конфуция.

V–III вв. Эпоха Борющихся царств.

221 г. Объединение Китая под властью династии Цинь.

213 г. Сожжение книг и казнь конфуцианцев императором Цинь Шихуанди.

III в. Экспедиции императора Цинь Шихуанди на поиски островов бессмертных.

206 г. Династия Хань.

195 г. Первая жертва Конфуцию как государственному божеству.

Ок. 145 — ок. 86 гг . Годы жизни Сыма Цяня, автора первой исторической хроники Китая — «Исторических записок».

Наша эра

I тыс. Распространение буддизма на территории Китая.

II в. Восстание «желтых повязок» и создание теократического государства даосов.

220–265 гг. Эпоха Троецарствия.

V в. Возникновение буддийской школы Цзинту.

402 г. Первый на территории Китая коллективный обряд поклонения будде Амитабхе.
VI в. Прибытие в Китай Бодхидхармы — основоположника чань-буддизма.
618–907 гг. Династия Тан.
842–845 гг. Массовые преследования буддистов, закрытие монастырей.
907–960 гг. Период Пяти династий и Десяти царств.
960–1124 гг. Династия Сун.
X в. Установление общегосударственного культа Юйди.
XII в. Канонизация Восьми бессмертных.
1279 г. Завоевание Китая монголами. Основание династии Юань.
1281 г. Указ Хубилая о сожжении даосских сочинений.
1369 г. Воцарение династии Мин.
XV в. Строительство храма Неба в Пекине.
1644–1912 гг. Династия Цин.
1949 г. Образование Китайской Народной Республики.

Глоссарий

Пояснение. Архаическая традиция — мифология Древнего Китая и представления конфуцианцев, поздняя мифология — государственный культ средневекового Китая, народная мифология — мифологические представления китайской «улицы», вобравшие в себя мифологию даосизма и буддизма.

А

АДИ-БУДДА («ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ БУДДА»)

В буддизме воплощение сущности всех будд и бодхисаттв, наиболее совершенное из трех тел (Трикая) — дхармакая. Из ади-будды «возникают» (эманируют) все прочие будды и бодхисаттвы.

В Китае ади-буддой считается будда Вайрочана.

АМИТОФО

В китайском буддизме один из наиболее популярных будд, китайский «вариант» будды Амитабхи, правитель «чистой земли» Сухватати (Ситянь), в которой могут возродиться все живые существа, уверовавшие в этого будду.

АО

В народной мифологии гигантская черепаха, на спине которой стоят три острова-горы — Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан.

На этих горах живут бессмертные. По некоторым источникам, Ао — не черепаха, а огромная рыба с человеческой головой (возможно, *беюй*). Впрочем, Юань Кэ в «Мифах древнего Китая» утверждает, что черепаха не одна, что первоначально их было пятнадцать, и они держали на себе пять священных плавучих гор — три названных выше, а также горы Дайюй и Юаньцзяо. Случилось так, что последние две горы утонули в мировой бездне вместе с шестью черепахами, которые их держали, и из пятнадцати черепашек осталось только девять.

Б

БА

В архаической традиции олицетворение засухи («Ведьма-Засуха»), дочь Хуанди. Когда Хуанди воевал с Чию, Ба остановила ливень, вызванный Чию.

БА ГУА («ВОСЕМЬ ТРИГРАММ»)

Восемь сочетаний горизонтальных цельных (символизирующих начало Ян) и прерывистых (символизирующих начало Инь) линий. В каждом из восьми сочетаний присутствуют три линии; отсюда название «триграммы». По легенде, эти триграммы придумал и ввел в употребление первопредок Фуси, который нарисовал первые триграммы, «вслушиваясь в свист ветров восьми направлений». Позднее триграммы легли в основу системы гадания, будучи «усовершенствованными» до гексаграмм (комбинаций шести линий), которых насчитывалось 64. Комментатор знаменитой «Книги перемен» Чэн Ичуань так объяснял эту трансформацию: «Когда в глубокой древности совершенномудрые люди начертали впервые восемь триграмм, то в них уже были выражены три мировые силы: Небо — Земля — Человек. Начав с них, они удвоили эти триграммы, чтобы в них полностью выразить то, что проходит как изменчивость во всем мире». Саму «Книгу перемен» также считали творением Фуси, а Конфуций, по преданию, опирался на нее в своих поучениях, причем как на философский трактат, а не как на гадательный свод; примеру Учителя конфуцианцы следовали на протяжении многих поколений, а один из виднейших последователей Конфуция Сюньцзы прямо утверждал, что люди, гадающие по «Книге перемен», не понимают ее истинного назначения. Тем не менее на «бытовом» уровне гадания по триграммам и гексаграммам (с использованием «Книги перемен») были очень популярны в китайском обществе — а в наши дни пользуются широкой популярностью и в остальном мире.

БАЙДИ («БЕЛЫЙ ПРАВИТЕЛЬ»)

В народной мифологии правитель запада, один из *у-ди*, также дух планеты Цзиньсин (Венера).

БАЙХУ («БЕЛЫЙ ТИГР»)

В народной мифологии одно из священных животных (*сы лин*), дух — покровитель запада, белый тигр, одно только появление которого заставляет нечисть разбежаться в страхе. Даосы почитали Байху и духа — покровителя востока Цинлуна как стражей храмов.

БАЙЦЗЕ

В архаической традиции говорящий зверь, наделенный всеведением. Как сказано у Юань Кэ, который ссылается на историка IX века Ван Гуана, байцзе «были ведомы все духи небесные и бесы земные. Он знал наперечет всех оборотней (в которых превратились неприкаянные бродячие души), живущих среди гор, лесов, рек и озер. Он мог, не перепутав, назвать, какие оборотни, духи и чудовища живут на такой-то горе, какие оборотни и драконы водятся в такой-то реке, какие шутки творит нечистая сила на дорогах и что за оборотни и духи-волки бродят по могилам». Император Хуанди, позавидовав мудрости байцзе, приказал изобразить на карте всех духов, которых упомянул зверь, и снабдить рисунки подписями. Рисунков оказалось одиннадцать тысяч пятьсот двадцать. И с тех пор Хуанди «стало очень удобно управлять всей нечистой силой».

БАОГУН («КНЯЗЬ БАО»)

В народной мифологии справедливый судья в загробном мире, обожествленный сановник Бао Чжэн (999-1062), который прославился успехами в расследовании преступлений и неподкупностью, причем последняя даже вошла в пословицу: «Взяткой не подкупишь только Яньвана и почтенного Баогуна». На народных картинах Баогуна всегда изображали с черным лицом (черный — цвет неподкупности); по этой причине в поздней традиции его иногда отождествляли с черноликим богом Куйсином — помощником божества литературы Вэньчана.

БА СЯНЬ

См. Восемь бессмертных.

БЕЮЙ

В архаической традиции чудовищная рыба, которую называли рыбой-черепахой или однорогой рыбой-драконом. У рыбы беюй четыре лапы, жила она в море, но могла выходить на сушу. Ей ничего не стоило проглотить лодку. Спину и живот беюя покрывали острые шипы. Как только рыба появлялась на поверхности, начинал дуть ветер и поднимались волны. Иногда беюя называли *линъюй*, или холм-рыба, и говорили, что у него тело рыбы, а голова, руки и ноги — человеческие.

БИГАНЬ

В народной мифологии гражданский бог богатства. Военным богом богатства считался Гуаньди.

БИИНЯО

В архаической традиции чудесные птицы. Они выглядели как дикие утки с зелено-красным оперением, причем у каждой было только одно крыло, одна нога и один глаз. Бииняо могли летать лишь парами (некоторые историки утверждали, что одна из птиц в паре была зеленой, другая — красной). По замечанию Юань Кэ, цитирующего «Каталог гор и морей», бииняо водились поблизости от Страны твердогрудых: «Люди там имели одну характерную особенность: кости у них на груди выдавались вперед, как кадык у мужчин». Птицы бииняо считались символом счастливого супружества.

Птица бииняо. Реконструкция Л. П. Сычева.

БИНФЭН

В архаической традиции чудовище. Оно похоже на кабана, покрыто черной щетиной; у бинфэна две головы — спереди и сзади.

Человек на чудовище бинфэн. Реконструкция Л. П. Сычева.

БИСЯ ЮАНЬЦЗЮНЬ («ГОСПОЖА ЛАЗОРЕВЫХ ОБЛАКОВ»)

В народной мифологии богиня-чадоподательница, покровительница детей, обитающая на священной горе Тайшань; отсюда ее второе, гораздо более распространенное имя — Тайшань няннан («Матушка горы Тайшань»). Даосы считали Бися Юаньцзюнь дочерью «первого бессмертного» Хуанди и небесной феей. Кроме того, культ Тайшань няннан был своеобразным «ответом» даосов буддийскому культу Гуаньинь. Богиню обычно изображали сидящей на троне, подле которого стоят другие «матушки» (няннан) — например, охранительница от глазных болезней Яньгуан, приносящая детей Сунцзы или защищающая от кори Тяньхуа.

БИФАН

В архаической традиции чудесная птица. Ее появление вблизи людских поселений вызывает пожары.

Птица бифан. Реконструкция Л. П. Сычева.

БОДХИСАТТВА

В буддизме человек или иное существо, принявшее решение стать буддой. Буддизм Махаяны провозгласил доступность пути бодхисаттвы для всех и каждого. Согласно буддийским сутрам, продолжительность этого пути составляет приблизительно три «неисчислимых» кальпы, длящихся каждая миллионы лет. По истечении третьей кальпы бодхисаттва, многократно перерождавшийся, достигает наивысшего, десятого уровня в своем развитии, и ему остается лишь полностью отрешиться от мира, чтобы стать буддой.

В китайской традиции наиболее популярные бодхисаттвы — Гуаньинь и Дицзанван.

БУДАЙ-ХЭШАН

В народной мифологии божество радости, благополучия и довольства, один из 18 *лоханей*, «ипостась» будды Майтрейи (*кит.* Милэфо). По легенде, под этим именем был обожествлен буддийский монах Цицы, считавшийся воплощением Майтрейи. Изображается обычно в образе улыбающегося толстяка с обнаженным животом.

БУДДА

В буддизме человек, достигший наивысшего предела духовного развития. Согласно учению Махаяны, в «невыразимом множестве» миров находится неисчислимое множество будд, и каждый из них создает собственный мир — буддакшетру (или буддхакшетру). Разрушение мира в конце кальпы будд не затрагивает, они продолжают существовать. Учение о трех телах (Трикая) провозгласило тождество всех будд.

В Китае наибольшей популярностью пользуются такие будды, как Амитабха (Амитофо) и Майтрейя (Милэ). Будда Шакьямуни, он же просто Будда, официально признается основоположником буддизма, однако его культ не столь популярен, как культ того же Амитабхи.

БЭЙДОУ

В поздней народной мифологии духи созвездия Большой Медведицы, повелевающие судьбами людей. Эти духи владели чудесными предметами — мечом Цисинцзянь, разрубавшим нечисть, и снадобьем бессмертия. К бэйдоу причислялась и «матушка Ковша» — богиня Доуму, охранительница от войн; согласно мифам, Доуму вместе со своим супругом Доуфу и девятью сыновьями ведают людскими смертями и рождениями. Изображения бэйдоу (или иероглифы их имен) вешались на дверях домов, чтобы отворотить злых духов.

БЯНЬ ХЭ

В народной мифологии бог — покровитель ювелиров, обожествленный чиновник династии Чжоу.

БЯНЬ ЦЯО

В народной мифологии бог — покровитель врачей, образ которого восходит к упомянутому в древних трактатах сподвижнику Хуанди, который помогал «первому бессмертному» распознавать целебные свойства растений. Поздняя традиция обожествила под именем Бянь цяо врача VI века до нашей эры Цинь Юэжэня, который якобы получил чудесные способности к врачеванию от некоего бессмертного.

В

ВАН ЛИНГУАНЬ

В даосской традиции небесный полководец, страж дворца Нефритового императора. Обычно изображается в облике краснолицего трехрукого человека, который держит в руке палку или кнут, чтобы отгонять демонов.

ВАН ШУ

В архаической традиции возница луны. Имя Ван Шу упоминает поэт Цюй Юань.

ВОСЕМЬ БЕССМЕРТНЫХ (БА СЯНЬ)

У даосов восемь героев, которые считаются покровителями различных умений и ремесел: Хань Чжунли — покровитель врачей, Люй Дунбинь — покровитель воинов, Чжан Голао — покровитель литераторов, Цао Гоцзю — покровитель актеров, Ли Тегуай — покровитель магов, Лань Цайхэ — покровитель музыкантов, Хань Сянцзы — покровитель цветоводов, Хэ Сяньгу — покровительница домашнего уюта.

Известны многочисленные предания о восьми бессмертных — об их путешествии за море, о посещении ими богини Сиванму и прочее: эти легенды были обработаны У Юньтаем в романе «Путешествие восьми бессмертных на Восток».

ВОСЕМЬ СКАКУНОВ

В народной мифологии чудесные кони, наделенные необыкновенной резвостью и выносливостью (за ночь способны проскакать десять тысяч ли). По преданию, эти кони принадлежали царю Му-вану, который удостоился чести беседовать с богиней Сиванму.

ВЭЙ ГУ

В народной мифологии бог — покровитель врачей, обожествленный целитель VIII века, которому император пожаловал титул яована («князя врачей»). У даосов этот бог известен под именем Гуйцзан.

ВЭЙТО

В буддийской традиции небесный воин, охранитель монастырей, страж дхармы (закона). Согласно мифу, будда Шакьямуни перед своим уходом в нирвану поручил Вэйто блюсти закон и повсюду преследовать злых духов.

ВЭЙ ШАНЦЗЮНЬ

В народной мифологии бог — покровитель медицины, даосский монах, одна из «ипостасей» Яована.

ВЭЙШЕ (ВЭЙВЭЙ)

В архаической традиции двуглавый змей. Он водился на горе Цзюишань — Горе девяти сомнений. Юань Кэ, ссылаясь на «Каталог гор и морей», говорит: «На горе водились необычные звери и птицы, среди них самым страшным было животное вэйвэй... Это была двуглавая змея. Говорят, стоило человеку увидеть ее, как он тотчас же умирал... Временами двуглавая змея появлялась из-под земли в фиолетовом одеянии и красных шапках. По преданию, владыка княжества, увидевший такую змею, мог стать владыкой Поднебесной». Согласно легенде, некий мальчик, однажды встретивший вэйвэй, не испугался змеи, убил ее и закопал, чтобы она никому больше не причинила вреда. Как ни странно, этот мальчик не умер — он стал первым министром царства Чу. Как замечает Юань Кэ, настоящему храбрецу это чудовище не могло причинить никакого вреда.

Вэйвэй. Реконструкция Л. П. Сычева.

ВЭНЬЧАН

В народной мифологии бог литературы, в ведении которого также находятся экзамены, позволяющие человеку — при удачном их исходе — занять чиновничью должность. Обычно Вэньчана изображали в одежде чиновника, в руке у него скипетр — олицетворение исполнения желаний. Рядом с ним — два помощника, Куйсин и Чжуи; считалось, что последний тайком подсказывает экзаменующимся.

ВЭНЬШУ

В буддийской традиции небесный воин, охраняющий Дхарму, защитник праведников, ипостась будды Манджушри.

ВЭНЬ-ШЭНЬ («ДУХИ ПОВЕТРИЙ»)

В народной мифологии пять духов, соответствующие пяти сторонам света (восток, запад, север, юг, центр) и несущие людям «пять поветрий», то есть мор и эпидемии. К ним обращались с мольбами отвлечь болезни.

В даосских текстах этих духов называют «великими государями управы эпидемий».

Г

ГОУМАН

В архаической традиции дух дерева, помощник первопредка Фуси. В более поздние времена почитался как один из *у-ди* — владык пяти первоэлементов.

ГО ЦЗЫН

В народной мифологии бог счастья, обожествленный сановник-конфуцианец, прославившийся своим благочестием, удачной карьерой и семейным счастьем. Обычно Го Цзына изображали в облике почтенного старца, окруженного семью сыновьями и множеством домочадцев.

ГУАНЬДИ

В народной мифологии и в позднем официальном культе бог войны и богатства, обожествленный полководец Гуань Юй (160–219), к рождению которого был якобы причастен некий дракон, передавший мальчику свою силу. Буддисты почитали Гуаньди как охранителя монастырей, а даосы именовали его усмирителем демонов. Официальный культ Гуаньди был установлен императорским указом в 1128 году, в 1594 году этот бог получил титул *ди* — «государь», а в 1856 году — титул *шэн* — «совершенномудрый», которого удостоивался только Конфуций.

По легенде даосов, Гуаньди убил великана Чию, известного в архаической традиции. Среди конфуцианцев Гуаньди почитался как покровитель литераторов — вероятно, потому, что любил перечитывать летопись «Весны и осени» (его нередко изображали с этой книгой в руках). В городах Гуаньди поклонялись как военному богу торговли и богатства, а в деревнях его почитали как победителя болезней и подателя дождей.

ГУАНЬИНЬ

В буддийской традиции бодхисаттва, спасительница, заступница, подательница детей и покровительница женщин, одно из наиболее популярных божеств. Гуаньинь — «китаизированный» вариант индийского бодхисаттвы Авалокитешвары. Первоначально ее почитали в мужском облике, но со временем возникла вера в то, что Гуаньинь — «посвященная» буддой Шакьямуни принцесса Мяошань, буддийская мученица за веру. Известны 32 ипостаси Гуаньинь, в которых она появляется в различных мирах.

ГУЙ

В архаической традиции дух умершего, позднее — общее название демонов. Гуй похож на человека, но не имеет подбородка, не отбрасывает тени, обладает способностью внезапно становиться невидимым, превращается в животных и в человека, чтобы завлечь ничего не подозревающего путника и убить его. В большинстве случаев гуй — душа умершего насильственной смертью или самоубийцы. Он боится громкого крика, календаря, меча, которым зарубили много людей, мочи, плевка, персикового дерева и различных амулетов; еще его можно отогнать, если прочесть отрывок из конфуцианского сочинения или буддийской сутры. У гуя много разновидностей — *шуйцинъгуй* (дух утопленника), *дяоцзингуй* (дух повешенного), *хогуй* (огненный), *маогуй* (волосатый), *баньфангуй* (дух умершего в тюрьме от голода) и т. д. Китайские буддисты опасаются перерождения в качестве *эгуй* — «голодных духов», которые суть «китаизированные» индийские преты, или

духи, не способные удовлетворить свои желания. В частности, они не могут насытиться, ибо при огромном чреве имеют крохотные рты. Претами, согласно буддийскому канону, рождаются те люди, которые в прежней жизни отличались скупостью, жестокостью и ненасытностью.

ГУЙМУ («МАТЬ БЕСОВ»)

В архаической традиции женское божество, которому «Каталог гор и морей» приписывает способность рождать небо и землю. В китайском буддизме известна Гуйцзыму («Мать бесенят»), обращенная буддой Шакьямуни в истинную веру; ее изображения имелись в каждом женском монастыре.

ГУЙСЮЙ

В космологических представлениях китайцев мировая бездна, расположенная к востоку от залива Бохай. Туда стекают воды восьми сторон света, а также воды Небесной реки (Млечного пути).

ГУНГУН

В архаической традиции бог воды, побежденный божеством огня Чжужуном (позднее — Хуанди или Юем). Согласно «Каталогу гор и морей», раздосадованный Гунгун бился головой о гору и «надломил подпорку небес». Ущерб, нанесенный Гунгуном, исправила богиня Нюйва, починившая небосвод.

В исторических сочинениях это бог выступает как коварный сановник, враг мудрого правителя Шуня.

ГУНЬ

В архаической традиции герой, боровшийся с потопом, отец Юя. Чтобы справиться с водами, он похитил у Верховного владыки (Хуанди или Яо) чудесную саморастущую землю *сижан*, но не справился и был казнен. Однако его тело три года оставалось нетленным, а потом из распоротого чрева Гуня вышел Юй, который продолжил борьбу с потопом. По другой версии мифа, после смерти Гунь превратился в трехлапую черепаху и погрузился в пучину.

ГЭГУ («ТЕТУШКА ГЭ»)

В народной мифологии богиня — покровительница повитух, обожествленная повивальная бабка, славившаяся своим умением принимать роды.

ГЭ СЯНЬВЭЙ («БЕССМЕРТНЫЙ СТАРЕЦ ГЭ»)

В народной мифологии бог — покровитель красильщиков.

Д

ДАНАЙ ФУЖЭНЬ («ГОСПОЖА ВЕЛИКАЯ БАБУШКА»)

В народной мифологии богиня-родовспомогательница, родившаяся благодаря бодхисаттве Гуаньинь, которая превратила один из своих пальцев в луч, вошедший в чрево

матери Данай Фужэнь и ее оплодотворивший. За помощь императрице, благополучно родившей наследника, Данай Фужэнь была награждена многими титулами и впоследствии канонизирована под именем Цуйшэн няннан («Матушка, ускоряющая роды»). Ее обычно изображали с ребенком в левой руке и веткой коричневого дерева в правой. Помощницы Данай Фужэнь — Пэйтэй няннан («Матушка, помогающая зачатию») и Инмэн няннан («Матушка, приносящая детей»).

ДАНХУ

В архаической традиции чудесная птица, похожая на фазана. У нее над клювом росли усы, заменявшие данху крылья. Мясо этой птицы исцеляло глазные болезни.

ДАО

Основополагающий символ китайской культуры, базис, на котором строится китайская модель вселенной. Как символ имеет несколько значений:

- путь, дорога (буквальный перевод);
- метод, средство достижения цели, этика, справедливость;
- учение, истина, путь жизни.

Дао непостижимо и невыразимо; «Дао, которое может быть выражено словами, не есть настоящее Дао». Оно лишено внешних атрибутов, однако люди, способные прозревать в частном общее, могут познать мяо — сокровенную сущность Дао.

В китайской философии Дао — первопричина видимого мира, Высший Закон, Всеобъемлющая Субстанция, Сущность, не имеющая внешней причины и порождающая все явления из самой себя, мировая закономерность. В конфуцианстве Дао — путь нравственного совершенствования и правления на основе этических норм, а в даосизме — высший первопринцип, источник бытия и всего сущего. В каноническом трактате «Дао Дэ Цзин» говорится о двух Дао — именуемом и неименоваем, порождающем вещи и «вскармливающим» их. Последний позднее получил название Дэ — благая сила Дао, его энергия. «Каждая вещь, дойдя до предела своего созревания, вновь возвращается в сокровенную глубину первопринципа Дао. Однако человек может сходить с этого Пути, отступать от него, нарушая первоизданную простоту естественности как своего бытия, так и вселенной. Проявляется это и в приверженности к многознанию, созданию усложненных социальных институтов» (Е. А. Торчинов).

Дао — путь к сверхъестественному совершенству. Обрести последнее возможно через преобразование собственного тела, которое в процессе трансформации (Дао) обретало сверхчеловеческие черты (умение летать, сжимать время и пр.), и преобразование сознания — благодаря медитациям, позволяющим ощутить единство со всем сущим и Дао как первоосновой мироздания. Человек, идущий путем Дао, становится *шэньсянь* (бессмертным); известны три категории *шэньсянь*:

- небесные бессмертные, чиновники во дворцах Полярной звезды и созвездия Большой Медведицы;
- земные бессмертные, оставшиеся на земле на священных горах (мин *шань*) или в особых «пещерных небесах» (дун *тянь*, своего рода параллельных измерениях);
- бессмертные, «освободившиеся от трупа», т. е. святые, преобразившие свою плоть через смерть и последующее воскресение.

Высшим путем к бессмертию считалась алхимия. Даосы разделяли алхимию «внешнюю» (вай *дань*) и «внутреннюю» (нэй *дань*). Первая предполагала создание в реторте модели космоса, в котором под действием огня вызревает эликсир бессмертия — или алхимическое золото, полученное в процессе превращений других металлов. Алхимия «внутренняя» была алхимией лишь по названию, поскольку на самом деле представляла собой комплекс психофизических упражнений, направленных на трансформацию сознания

(именно поэтому «внутреннюю» алхимию называют иногда «даосской йогой»). «Последователи „внутренней“ алхимии исходили из положения о полном подобии микрокосма и макрокосма, человеческого тела и Вселенной. А раз в теле человека есть все, что есть в космосе, то нет никакой необходимости создавать его модель в тиглях и ретортах: само тело является такой моделью. Следовательно, можно создать новое бессмертное тело из веществ, соков и энергий собственного тела. При этом данные субстанции были через процедуру символического соотнесения уподоблены веществам „внешней“ алхимии. Особое значение в практике „внутренней“ алхимии уделялось управлению энергиями, протекающими согласно ее теории по особым каналам (*цзин*) тела, аналогично меридианам акупунктуры, и накапливающимися в особых резервуарах — „киноварных полях“ (*дань тянь*), напоминающих чакры индийской йоги. Всего выделялись три таких „поля“: в голове, в районе солнечного сплетения и ниже пупа. При этом нижний центр считался основным. Управление же энергиями достигалось посредством соединения дыхательных упражнений с концентрацией сознания и визуализацией упомянутых парафизиологических структур» (Е. А. Торчинов).

ДАФЭН

В архаической традиции свирепое животное, чудовище неясного облика, о котором упоминается в древнем трактате «Хуайнаньцзы».

Кроме того, дафэн — чудесная птица, огромный феникс, причинявшая вред человеческим жилищам. Юань Кэ сообщает: «При полете птицы ветер, возникавший от взмаха ее крыльев, мог опустошить окрестности». Отважный стрелок И, повстречав птицу дафэн, поразил ее стрелой, к концу которой привязал веревку, сплетенную из зеленого шелка. «Веревка, привязанная к стреле, не дала птице улететь. Стрелок притянул птицу к земле и разрубил мечом на несколько кусков. Так люди были избавлены и от этого зла».

ДАШИВАНГО

В фольклоре китайцев чудесные деревья, произрастающие в одноименной стране. Это деревья с красными листьями и зелеными ветвями. На этих ветвях растут маленькие дети, которые при виде людей начинают смеяться и болтать руками и ногами. Если ветку сломать, ребенок, растущий на ней, умрет.

ДЕРЕВО-ЖЕНЩИНА

В фольклоре китайцев чудесное дерево, растущее на горе Иньшань. На рассвете на этом дереве рождаются дети; когда солнце восходит над горой, они начинают ходить, а когда солнце закатывается — умирают.

ДЕРЕВЬЯ-МЕЧИ

В народной мифологии чудесные деревья, растущие в аду по дороге к месту суда над умершими. Грешникам они наносят раны своими ветвями-мечами.

ДИ КУ

В архаической традиции герой и первопредок, потомок Хуанди, идеальный и справедливый правитель.

ДИЦАНВАН

У китайских буддистов один из наиболее популярных бодхисаттв, спасающий души умерших из преисподней, китайский «вариант» индийского бодхисаттвы Кшитигарбхи. В народной мифологии Дицзанван — владыка подземного мира, которому подчинены правители 10 судилищ преисподней. Его обычно изображали в облике человека в монашеской рясе; в одной руке у него металлический посох, в другой — жемчужина, свет которой рассеивает мрак преисподней.

ДИЦЗЮНЬ

В архаической традиции верховный правитель, культ которого после утверждения династии Чжоу был вытеснен культом Хуанди. Супруга Дицзюня — богиня Сихэ, родившая 10 сыновей-солнц.

ДИЦЗЯН

В архаической традиции чудесная птица. Юань Кэ описывает ее так: «В западной части гор Тянь-Шань жила священная птица, напоминавшая своим видом желтый мешок; она могла краснеть, и тогда становилась похожей на огненно-красный шар, у нее было шесть ног и четыре крыла, но не было у нее ни ушей, ни глаз, ни рта, ни клюва; она понимала песни и пляски».

ДИША

В народной мифологии духи звезд, оказывающих дурное влияние на человека. Таких звезд семьдесят две. Диша противостоят *тяньган* — духам звезд, благотворно влияющим на человеческие судьбы. Повелитель диша — юный маг; он расправляется с духами, протыкая их вилами и бросая в земляные кувшины, которые затем относит в пустынные земли и швыряет в огонь. А поскольку пламя очерчено кругом извести, диша не могут выбраться.

ДИЮЙ

В буддийской традиции и народной мифологии преисподняя. Владыкой диюй считается Дицзанван, которому подчиняются 10 князей подземных судилищ. В первом судилище грешников отделяют от безгрешных; последние отправляются в рай, тогда как первых ожидают адские муки в 8-ми судилищах. В десятом судилище «сходятся рай и ад», там определяются порядок и последовательность перерождений.

ДОУМУ («МАГУШКА КОВША»)

В народной мифологии богиня, ведающая жизнью и смертью. Буддисты почитали ее как охранительницу от войн, даосы обращались к этой богине для защиты от болезней. По даосским легендам, у Доуму есть супруг Доуфу и девять сыновей-звезд.

ДРАКОН

Олицетворение мудрости, величия, могущества. В китайской традиции дракон обозначается иероглифом «рю», который выражает идею мощи и величия и одновременно является собственным именем дракона. Китайские драконы-лун олицетворяют мужское начало — Ян, светлую силу. Впрочем, в некоторых преданиях они сохранили связь с темной силой Инь: драконы живут под землей, где охраняют клады; им известно расположение земных жил. В одном старинном трактате, который цитирует в своей книге Юань Кэ, облик луна описан так: «Голова, как у верблюда, рога, как у оленя, глаза, как у зайца, уши, как у

коровы, шея, как у змеи, живот, как у морского зверя, чешуя, как у карпа, когти, как у ястреба, лапы, как у тигра...» Правит китайскими драконами Лун-ван — повелитель вод. Он гораздо больше прочих драконов, его длина около пятисот метров. У каждого моря есть свой Лун-ван, и все они — братья мировой черепахи Ао. Кроме того, считалось, что лун-ваны есть у четырех главных рек Китая и у больших озер.

В китайской дворцовой геральдике только император имел дракона с пятью когтями, тогда как придворные носили эмблемы драконов с тремя и четырьмя когтями. Образ дракона с пятью когтями трактовался как сила императора, господствующая над четырьмя стихиями, или элементами.

ДУАНЬЧАН (ЕГЭ, ГОУВЭНЬ)

В фольклоре китайцев чудесная трава, которая, если ее проглотить, раздирает горло, подобно крючку (либо вытягивает из человека кишки и рвет их).

ДУ КАН

В народной мифологии бог — покровитель виноделов и виноторговцев, обожествленный винодел, который жил во времена Хуанди и первым начал изготавливать вино.

ДУНВАНГУН

У даосов божественный повелитель востока, супруг богини запада Сиванму.

ДУНФАН ШО

У даосов бессмертный (*сянь*), покровитель ювелиров (прежде всего мастеров золотых и серебряных дел). При жизни был сановником императора У-ди, которому, в частности, добыл чудесную росу — напиток бессмертия (или похитил у богини Сиванму персик, дарующий бессмертие). Когда он постарел, с неба спустился дракон Цинлун и забрал Дунфан Шо на небеса.

ДЯНЬМУ

В народной мифологии богиня молнии, помощница бога грома Лэйгуна. Ее также называют Шаньдянь наньян — «Матушка, сверкающая молниями». Обычно изображается в облике женщины с двумя зеркалами в руках; считалось, что богиня то сводит, то разводит эти зеркала, отчего и возникает молния. Эта молния освещает землю, освещая грешников, которых затем поражает бог грома Лэйгун.

Е

ЕЧА

В китайском буддизме небесные воины (*инд.* якши).

Ж

ЖО (ЖОМУ)

В архаической традиции священное дерево, растущее за Южным морем, у горы Куньлунь. Красные цветы этого дерева своим сиянием освещают землю. На верхушку дерева жо опускаются десять солнц, завершив свой дневной путь по небосводу.

См. также Фусан.

ЖУН ЧЭН

У даосов легендарный маг, наставник Хуанди, изобретатель календаря, учивший, что мужскую силу Ян необходимо пополнять за счет женской силы Инь; таким образом — при регулярном пополнении Ян — можно достичь бессмертия.

ЖУШОУ

В архаической традиции божество осени, дух металла.

И

И (ХОУИ)

В архаической традиции культурный герой, сын верховного бога Дицзюня, посланный на землю для избавления людей от стихийных бедствий и чудовищ. Стрелок И убил девять из десяти солнц, победил быка-людоеда, одолел птицу *дафэн*, однако Дицзюнь разгневался на своего сына и лишил его бессмертия. Тогда И отправился к Владычице Запада богине Сиванму и получил от нее эликсир бессмертия. Но жена стрелка Чаньэ похитила этот эликсир и бежала от мужа на луну, поэтому И остался на земле и впоследствии был убит своими слугами, которых подкупил его лучший ученик. После смерти его стали почитать как божество, отгоняющее бесов.

К

КАЙМИНШОУ

В архаической традиции чудовищный зверь с девятью головами. Ростом он выше четырех метров, туловищем напоминает тигра, а все девять лиц у него человеческие. Он охраняет девять ворот на священной горе Куньлунь, на которой стоит, оборотясь на восток. По замечанию Юань Кэ, кайминшоу охраняет не девять ворот, а дворец — «обитель всех духов».

КОНФУЦИЙ (КУНЦЗЫ)

Легендарный основоположник конфуцианства (ок. 551–479 до н. э.), этико-политическое учение которого оказало глубочайшее воздействие на китайскую культуру. Был обожествлен во II веке до нашей эры, а в 267 году императорский указ предписал совершать в честь Конфуция жертвоприношение тай-лао — тройственную жертву быка, барана и борова. Позже в каждом городе страны появились храмы в честь Конфуция. В эпоху Сун Конфуция официально признали покровителем ученых и чиновников.

В народной мифологии у Конфуция появилась «ипостась» в лице бога долголетия Шоусина.

КУАФУ

В архаической традиции божество плодородия. Согласно «Каталогу гор и морей», Куафу состязался в резвости с солнцем.

Девятиглавый зверь кайминшоу без одной головы. Реконструкция Л. П. Сычева.

Юань Кэ, пересказывая «Каталог», сообщает: «Он помчался по равнине огромными шагами, подобно ветру, вдогонку за уходящим на запад солнцем. В мгновение ока он пробежал тысячу ли и в конце концов настиг солнце в долине Юйгу... Огненно-красный шар был перед ним. Этот смельчак оказался в его лучах, радостно расправил богатырские плечи, намереваясь схватить солнце. Но он целый день бежал и сильно устал, да и солнце жгло его так, что на сердце стало печь и во рту пересохло. Лег он тогда на землю и стал пить воду из рек Хуанхэ и Вэй-шуй — в один миг пересохли обе реки, а свою жажду он все же не утолил. Побегал он на север, чтобы попить воды Великого Озера... Но он умер на полпути... Словно гора, упал он на землю, и грохот от его падения разнесся по равнине, потряс горы и реки. Перед смертью он бросил палку, которую держал в руке, и она превратилась тотчас в густую зеленую рощу персиковых деревьев с сочными плодами, которыми смогли утолить жажду те, кто вслед за ним пустился бы догонять солнце».

Согласно другому мифу, Куафу выступил на стороне мятежного бога Чию против небесного императора Хуанди и погиб в сражении.

КУЙ

В архаической традиции чудовище — одноногий и безрогий пепельно-синий бык. Куй мог ходить по воде; стоило ему ступить на воду, как тотчас же поднимался сильный ветер и начинался ливень. Глаза чудовища излучали нестерпимый блеск. По другим источникам, облик Куя был еще ужаснее: у него лишь одна, задняя нога, человеческое лицо и туловище обезьяны, и он умел говорить. Голос Куя был слышен за пятьсот ли. Желтый владыка Хуанди повелел изловить Куя. С чудовища содрали шкуру и натянули на барабан. Когда в этот барабан били палочкой из кости бога грома Лэйгуна, вражеские войска пугались насмерть.

КУНЬЛУНЬ

В архаической традиции священная гора, китайский вариант мировой горы. От нее, как считалось, начиналась река Хуанхэ. На этой горе располагалась нижняя столица Шанди, позднее «унаследованная» Хуанди. Также на этой горе находилась обитель богини Сиванму.

Гора Куньлунь славилась тем, что на ней водились различные диковинные существа — например, *кайминшоу* — и происходили чудесные вещи. Юань Кэ пишет: «Мощное пламя испускало яркий блеск, освещая стоявший на вершине гор... необычайно величественный прекрасный дворец Хуанди. В этом огромном пламени жила мышь, величиной... поболее быка, а весом в тысячу цзиней, ее шерстинки, достигавшие длины в два чи, были тонки, как шелковые нити. Эта мышь, обитавшая среди огня, была красного цвета, но стоило ей выйти из пламени, она становилась белой как снег. Выйдя из огня, мышь обливала себя водой и издыхала, и тогда ее шерсть стригли, пряли нить и ткали ткань, а потом шили из нее одежду. Эту одежду никогда не надо было стирать, а если она пачкалась, нужно было лишь бросить ее в огонь, и она вновь становилась чистой...»

Л

ЛАОЦЗЫ

Легендарный основоположник даосизма, обожествленный в первые столетия нашей эры. По легенде, он родился без отца — от солнечной энергии, которая накопилась в жемчужине, проглоченной его матерью, — и пробыл в материнской утробе не менее 70 лет, откуда его прозвище — Старый Ребенок. В даосских трактатах Лаоцзы — глава бессмертных, появившийся на свет вместе с небом и землей. Прожив среди людей около 200 лет, он отправился «на запад» и, покидая страну, оставил начальнику пограничной заставы трактат «Дао Дэ Цзин».

В народной мифологии Лаоцзы считали покровителем кузнецов и ювелиров.

ЛИ БИН

В поздней мифологии бог года, свирепое божество, которому чиновники приносили милостивительные жертвы в начале весны (китайский новый год начинается весной).

ЛИНЬЮЙ

См. Бейюй.

ЛИ ТЯНЬВАН («НЕБЕСНЫЙ КНЯЗЬ ЛИ»)

В китайском буддизме бог — охранитель небес, позднее почитался как защитник монастырей.

ЛОХАНИ (АЛОХАНИ)

В китайском буддизме люди, достигшие высшей степени духовного развития, но еще не ставшие буддами; в Индии таких людей называют архатами. На китайской почве образ индийского архата слился с даосскими представлениями о святых бессмертных (сянь). Лоханей принято делить на две группы — великих лоханей, достигших нирваны (их 18), и тех, кто обрел святость, но остался в мире (таких 500).

ЛО ЦЗУ («ПРЕДОК ЛО»)

В народной мифологии бог — покровитель нищих и цирюльников. В нем видели ученика Лаоцзы, вернувшегося в мир и зарабатывавшего на жизнь услугами цирюльника. Ло Цзу обычно изображали с книгой по брадобрейному ремеслу в руках.

ЛО-ШЭНЬ («ДУХИ ЛО»)

В народной мифологии духи-целители. Их также называют *яньмусы* («хозяева глаз») и *минму-хоу* («князя, просветляющие глаза»); эти имена связаны с тем, что ло-шэнь отвечают за здоровье глаз.

Существует предание, что некий цензор был сослан из столицы в провинцию и там столкнулся с пятью братьями Ло, которые творили бесчинства. Однако братья вдруг раскаялись и покончили жизнь самоубийством. Со временем цензора помиловали и разрешили вернуться, и тут у него на глазу появилась катаракта. Ночью ему приснились пятеро братьев Ло, а наутро он почувствовал, что зрение восстановилось. Цензор

впоследствии построил храм, куда приходили просить исцеления все, кто страдал заболеваниями глаз.

ЛУАНЬНЯО

В архаической традиции чудесная птица. Внешним видом она напоминает нечто среднее между петухом и павлином, оперение у нее красное (или сине-зеленое). Голос луаньяо похож на звон колокольчика. Наряду с другими разноцветными птицами, *хуаньяо* и *фэньяо*, птицы луань относятся к фениксам. Считалось, что они появляются, только когда в стране царят мир и покой.

Юань Кэ рассказывает о дереве Цзяньму: «Дерево Цзяньму росло на юго-западе на равнине Дугуан, где, считалось, находился центр неба и земли. Это было удивительное место: чего там только не росло — рис, просо, бобы, пшеница, зерна их были белые и гладкие, будто лоснящиеся от жира. А сеять их можно было в любое время — будь то зима или лето. Там пели волшебные птицы луань, кружились в танце птицы фэн, собирались самые разные птицы и звери, потому что деревья и травы зеленели в Дугуане зимой и летом».

ЛУ БАНЬ

В народной мифологии бог — покровитель плотников, своего рода культурный герой: по преданию, он изобрел осадные лестницы, различные строительные инструменты, научил людей навешивать двери; традиция приписывает Лу Баню строительство угловых башен Запретного города в Пекине, а также постройку дворца Сиванму на горе Куньлунь и даже укрепление небесных подпорок.

ЛУН

В китайской традиции дракон. Эти драконы олицетворяют мужское начало — Ян. В одном старинном трактате, который цитирует в своей книге Юань Кэ, облик луна описан так: «Голова, как у верблюда, рога, как у оленя, глаза, как у зайца, уши, как у коровы, шея, как у змеи, живот, как у морского зверя, чешуя, как у карпа, когти, как у ястреба, лапы, как у тигра...» Драконы-лун крылаты; они либо летают по небу, либо плавают по воде. Считалось, что от этих драконов пошли все звери и птицы.

Зеленый дракон Цинлун. Реконструкция Л. П. Сычева.

Первоначально драконов-лун было четверо, а именно:

- Тяньлун, или Небесный дракон, сторожил обитель богов;
- Фу Цанлун, или Подземный дракон, охранял богатства земных недр;
- Цинлун, или Земной дракон, повелевал реками и водоемами;
- Шэнь-лун, или Дождевой дракон, управлял ветрами и дождями.

Позднейшая традиция разделила драконов-лун на пять родов по цветам: *хуанлун* — желтые, *цинлун* — зеленые, *чилун* красные, *байлун* — белые и *сюаньлун* — черные. Кроме того, драконы различаются и по внешнему виду: есть *цзяо* — чешуйчатые драконы, есть *цю* — рогатые и *чи* — безрогие. У всех драконов-лун на лапах по пять пальцев (в отличие от корейских и японских драконов, у которых соответственно по четыре и по три пальца). Появление луна сулит удачу.

Дракон-лун обозначается иероглифом «рю», который означает могущество, силу и величие.

ЛУН-ВАН

В китайской традиции глава драконов-лун, повелитель вод. Он гораздо больше прочих драконов, его длина около пятисот метров. У каждого моря есть свой лун-ван, и все они — братья черепахи Ао. Лун-ван восточного моря звался Гуандэ («прибавляющий мудрости»), западного — Гуанжун («увеличивающий благосклонность»), северного — Гуанцзэ («увеличивающий щедрость») и южного — Гуанли («прибавляющий богатства»). Кроме того, считалось, что лун-ваны есть у четырех главных рек Китая и у больших озер.

В фольклоре китайцев лун-ван представляется старцем, живущим во дворце на дне моря. Этот дворец набит несметными сокровищами, которые охраняют морские твари.

В классическом средневековом романе У Чэньэня «Путешествие на Запад» рассказывается о том, как царь обезьян Сунь Укун сражался с лун-ваном:

Дракон-старик не знает, как тут быть,
От страха у него язык отнялся...
В припадке бьются младшие драконы,
Иные мечутся, что в клетке звери,
Слышны повсюду крики, вопли, стоны,
Разбиты окна, высажены двери,
Поломаны запоры и заслоны...¹¹⁵

Битва была долгой и кровавой. Наконец Сунь Укун изловчился и ударом железного посоха размозжил лун-вану череп. А на месте битвы по велению императора воздвигли монастырь с такой вывеской над воротами: «Учрежденный по указу государя монастырь, охраняющий государство и ниспровергающий драконов».

ЛУСИН

В поздней мифологии бог — покровитель чиновников, обожествленный чиновник Ши Фэн, который жил во II веке до нашей эры.

ЛЭЙГУН

В архаической традиции бог грома, предположительно — отец первопредка Фуси. На рельефах из храма У Ляна этот бог изображен в облике человека на колеснице, катящейся по облакам; он бьет молотком по двум барабанам. В поздней мифологии Лэйгун считался богом-помощником и заступником, обращение к которому может вызвать дождь.

ЛЭЙЦЗУ

В архаической традиции богиня грома и супруга Хуанди, также покровительница шелкопрядения.

В народной мифологии Лэйцзу — бог грома, глава небесной управы грома. Обычно его изображали в облике человека с третьим глазом на лбу. Его помощники — Цзютянь лэйгун («Громовник девяти небес») и Уфан лэйгун («Громовник пяти сторон света»), а также богиня молнии Дяньму, громовник Лэйгун, бог дождя Юйши и бог ветра Фэнбо.

ЛЮ ДИН (ЛЮ ЦЗЯ)

В народной мифологии духи — хранители небес, небесные воины, несущие стражу в покоях божеств.

ЛЮ ХАЙ

У даосов бог монет, входящий в свиту бога богатства Чжаобао. Даосские легенды называют его сановником императора Тайцзуна, под влиянием одного из Восьми бессмертных Люй Дунбиня обратившимся к истинному учению и сумевшим изготовить пилюли бессмертия. Этому бога обычно изображали в облике смеющегося человека с распущенными волосами (эмблема отрешения от мира) и со шнуром, на который нанизаны монеты, в руках. Под ногой у бога жаба — злейший враг Лю Хая, переродившийся жабой за свою алчность; также трехлапая жаба — эмблема наживания денег.

М

МА-ВАН

В народной мифологии бог — покровитель лошадей. Этому бога обычно изображали в образе трехликого существа — одновременно «конского предка» (Мацзу), праматери коней (Сяньму) и «первого всадника» (Машэ). На лубочных картинках Ма-ван выступает как царь лошадей и зовется Сыма Дашэнь — «Великий бог, управляющий конями».

МА-ГУ

В народной мифологии небесная дева, помогающая людям. Обычно изображалась с такими атрибутами долголетия и бессмертия, как персик или волшебный гриб *личжи* (см. Чжи). Иногда ее изображали и в окружении маленьких мальчиков — как богиню, дарующую детей.

МАН

В китайской мифологии чудовищный змей, четырехпалый дракон или дракон с четырьмя когтями. Согласно словарю «Эрья», считался царем змей.

МЭНЬ-ШЭНЬ

В архаической традиции духи — хранители ворот. В «Каталоге гор и морей» говорится: «Посреди океана есть гора Душо, на ней большое персиковое дерево, раскинувшее ветви на три тысячи ли. На северо-востоке меж его ветвей находятся врата духов, через которые проходят сонмы духов. У врат стоят двое духов... Они проверяют каждого из духов, и если увидят зловредного, связывают его тростниковой веревкой и отдают на съедение тигру». Эти двое духов — боги Шэньту и Юйлэй. В поздней традиции этих богов, культ которых к рубежу I тысячелетия нашей эры был практически забыт, в качестве мэньшэнь вытеснили обожествленные полководцы Цинь Шубао и Ху Цзиндэ.

Н

НЮ-ВАН

В народной мифологии бог — покровитель крупного рогатого скота. Согласно преданию, под этим именем был обожествлен некий ученый, живший в XIII веке и разорившийся по причине вторжения в Китай монголов. Этот ученый сделался земледельцем и, работая в поле, никогда не бил своего вола.

НЮЙВА

В архаической традиции богиня — творительница мира, создавшая из глины людей, починившая небосвод, который чуть не обрушил бог разливов Гунгун, установившая обряды бракосочетаний и даровавшая женщинам плодovitость.

Супругом (а иногда и братом) Нюйва в мифах называется Фуси.

НЯННЯН («МАГУШКИ»)

В поздней мифологии женские божества, покровительницы женщин и детей, подательницы здоровья.

П

ПАНЬГУ

У даосов первопредок, из тела которого возник мир. Мотив творения мира из тела первопредка, известный и в других культурах и мифологиях (ср., например, скандинавского Имира, индийского Пурушу или Адама русской «Голубиной книги»). Архаической китайской традиции Паньгу был неизвестен. Исследователи полагают, что даосы создали миф о Паньгу с сугубо утилитарными целями — используя понятные широким массам мифологические образы, популяризировать свое учение.

В позднем даосизме Паньгу наряду с Лаоцзы и Хуанди входил в верховную триаду божеств.

ПАНЬГУАНЬ

В народной мифологии общее название секретарей владыки загробного мира Яньлована. Они ведут записи в книгу судеб. Также паньгуанями звались секретари любого другого божества.

Кроме того, Паньгуань — бог судьбы, помощник бога городов Чэнхуана. Традиция гласит, что под этим именем был обожествлен ученый Цуй Цзюэ, сумевший продлить жизнь императору Тайцзуну: он исправил в книге судеб единицу на тройку, благодаря чему император прожил «лишние» 20 лет. Еще Паньгуаня почитали как усмирителя демонов и в этом качестве нередко отождествляли с Чжункуем. Известна особая разновидность народных лубков — *у гуй нао Пань*, или «Пять бесов веселят Паньгуаня»: верили, что демоны и бесы настолько страшатся Паньгуаня, что всячески стремятся его задобрить.

ПАНЬТАО

В народной мифологии и фольклоре китайцев персик, дарующий бессмертие. Представление о персиковом дереве как подателе долголетия и бессмертия возникло у даосов. В даосских легендах также утверждалось, что владеет персиковыми деревьями, которые дают чудесные плоды, богиня запада Сиванму.

На народных лубках с персиком обычно изображается бог долголетия Шоусин.

ПУСА (ПУТИСАДО)

Китайская транскрипция санскритского слова «бодхисаттва». В народных верованиях этим словом называли не только буддийских святых (*лоханей*), но и всех других святых, духов и божеств.

ПУСЯНЬ

У китайских буддистов бодхисаттва Самантабhadра, распространитель и защитник учения Будды. Согласно «Сутре лотоса сокровенного закона», он объезжает на белом слоне земли всех остальных бодхисаттв и читает эту сутру для всех живых существ.

ПЭН

В архаической традиции гигантская птица, размах ее крыльев составляет несколько тысяч километров. Как сказано в старинном трактате, который цитирует Юань Кэ: «В море есть рыба, имя ей кунь, величина же куня — много тысяч ли. Она превращается в птицу, которую называют пэн, спина ее простирается на многие тысячи ли. Когда она взлетает в гневе, крылья ее подобны свисающим с неба тучам. Когда море приходит в движение, эта птица переселяется в Наньмин. Переселяясь в Наньмин, пэн вздымает волну в три тысячи ли и, поддерживаемый и колеблемый ею, взмывает ввысь на девяносто тысяч ли, летит шесть месяцев и лишь тогда отдыхает».

Юань Кэ сообщает, что рыба кунь и птица пэн — две ипостаси бога моря Юйцяна, который имел тело рыбы, руки, ноги человека и восседал на двух драконах.

ПЭНЛАЙ

У даосов обитель бессмертных (*сянь*), плавучая гора, которая покоится на спине черепахи Ао. Исторические хроники утверждают, что несколько императоров снаряжали экспедиции на поиски этого острова.

ПЭНЦЗУ

В архаической традиции долгожитель («китайский Мафусаил»), проживший более 800 лет. Своим долголетием он обязан тому, что оказал услугу Небесному владыке (или правителю Яо). Даосы приписывали Пэнцзу учение о правильном дыхании и дыхательной гимнастике.

С

САНЬ ГУАНЬ («ТРИ ЧИНОВНИКА»)

В народной мифологии божества трех стихий — Тяньгуань («Небесный чиновник»), Дигуань («Земной чиновник») и Шуйгуань («Чиновник воды»). В даосизме представление о Сань гуань наложилось на учение о Сань юань («трех началах мироздания»), отсюда — «освящение» 15-го числа 1-го, 7-го и 10-го лунных месяцев, которые связывались соответственно с этими стихиями.

САНЬСАН

В фольклоре китайцев гигантское дерево без ветвей, ствол которого тянется от преисподней до неба.

САНЬСИН («ТРИ ЗВЕЗДЫ»)

В народной мифологии триада звездных духов, связанных с конкретными небесными телами и благополучием в человеческой жизни. К этой триаде относятся бог карьеры Лусин, бог счастья Фусин и бог долголетия Шоусин.

САНЬ ХУАН («ТРИ ГОСУДАРЯ»)

В архаической традиции три высших правителя, связанные с тремя основными стихиями — водой, огнем и землей. Воду олицетворял Фуси, огонь — бог Чжужун, землю — Шэньнун. Известны также три «стихийных» государя — Тяньхуан (небо), Дихуан (земля) и Жэньхуан (люди); см. Сань гуан. В поздней мифологии термином «Сань хуан» обычно обозначали трех легендарных правителей — Фуси, Хуанди и Шэньнуну.

САНЬ ЦЗЕ («ТРИ МИРА»)

У китайских буддистов три мира, составляющих вселенную, — это нижний мир желаний (юйцзе, 2 земных яруса и 8 небесных), средний мир форм (сэцзе) и верхний мир отсутствия форм (усэцзе). В каноническом буддизме этим трем мирам соответствуют Камадхату, Рупадхату и Арупадхату.

САНЬ ЦИН («ТРИ ЧИСТОТЫ»)

У даосов три сферы высшего мира — Юйцин («нефритовая чистота»), Шанцин («верхняя чистота») и Тайцин («великая чистота»). Сфера Юйцин доступна совершенному, сфера Шанцин — святым, сфера Тайцин — бессмертным. В народных представлениях сфера Юйцин соотносилась с Нефритовым императором Юйди, а сфера Тайцин — с богом Тайшан Лаоцзюнем, он же Лаоцзы.

По воззрениям буддистов, три правителя этих трех сфер олицетворяют собой концепцию «трех тел» (Трикая): правитель сферы Юйцин есть духовная природа Будды, правитель сферы Шанцин — известная природа Будды, а правитель сферы Тайцин — земная природа Будды.

САОЦИН-НЯН («МАТУШКА, РАЗМЕТАЮЩАЯ ТУЧИ»)

В народной мифологии богиня хорошей погоды. Обычно изображалась в облике женщины, засучившей рукава и подметающей пол в доме.

СЕ ТЯНЬЦЗЮНЬ («НЕБЕСНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ СЕ»)

В народной мифологии бог планеты Хосин (Марс) и божество огня. Обычно его изображали стоящим на огненном колесе и с золотой плетью или мечом в руках.

СИВАНМУ

В архаической традиции женское божество, хозяйка страны мертвых, расположенной где-то на западе. «Каталог гор и морей» наделяет Сиванму полуживотным обликом. Усилиями даосов «звериная богиня» превратилась в ослепительную красавицу, владеющую секретом вечной молодости; в ее садах на горе Куньлунь растут персиковые деревья, плоды которых

дают бессмертие. В даосских легендах у Сиванму появился муж — правитель востока Дунвангун.

СИЖАН

В архаической традиции саморастущая земля, с помощью которой Гунь пытался остановить потоп. Как сказано у Юань Кэ: «Сижан — это кусок земли, который может увеличиваться беспрестанно. Он кажется не больше обычного комка. А если бросить его на землю, этот маленький кусочек сразу же вырастает и образует горы и дамбы».

СИНСИН

В архаической традиции чудесное животное. Юань Кэ описывает его так: «В окрестностях страны Сяоян водились очень любопытные животные синсин, с песьим туловищем и человеческим лицом. Глаза и носы у них выглядели очень строгими. Эти звери были очень умны и могли разговаривать по-человечьи. При виде людей они скрывались. Синсин могли окликать людей по именам и фамилиям. Чтобы поймать животное, люди в глухих горах ставили несколько кувшинов с вином, около них несколько чашек и черпаков и деревянные сандалии, а сами прятались... Животные, увидев расставленные вещи, догадывались, что люди поставили какие-то ловушки, и начинали всячески бранить людей, перебирая всех родственников до восьмого колена. Они ругались так долго, что у них пересыхало горло и им необходимо было чего-нибудь выпить. Тем временем винный аромат достигал их ноздрей. Синсин боялись попасть в ловушку, но жажда заставляла их чуть-чуть попробовать, чтобы убедиться, не таится ли в вине что-нибудь опасное. Самые смелые из них подходили поближе к кувшинам, вытягивали руку и обмакивали палец. Потом в ход шли черпаки, а затем и чашки. Синсин из чашек и черпаков с гамом и криком пили вина столько, сколько могли. Они опустошали до дна все кувшины. А напившись, обнаруживали на земле деревянные сандалии. Все наперебой кидались надевать их, разыгрывая из себя людей, но, не пройдя и трех-пяти шагов, спотыкались и падали на землю. Спрятавшиеся вблизи люди выбегали и крепко связывали их веревками».

Согласно «Каталогу гор и морей», туловище у синсин не песье, а свиное.

СИТЯНЬ

У китайских буддистов название «чистой земли» будды Амитабхи (Амитофо) — Сукхавати. Сам Амитабха как владыка Ситянь именуется Ситянь Цзяочжу — «Наставник и повелитель Ситянь».

СИХЭ

В архаической традиции богиня солнца, мать десяти солнц, девять из которых были убиты Лучником И, и одновременно возница солнечной колесницы. В «историзованном» варианте мифологического сюжета образ Сихэ «раздваивается» и богиня «превращается» в придворных астрономов Си и Хэ, которые, согласно повелению правителя Яо, измеряют ход небесных светил.

СИ-ШЭНЬ («ДУХ РАДОСТИ»)

В народной мифологии божество радости и удовольствия, покровитель браков. Обычно изображается в облике мужчины, несущего корзину или решето с тремя стрелами из персикового дерева (такими стрелами отгоняли злых духов). Си-шэня часто рисовали на народных лубках в свите бога богатства.

СУЙМУ

В архаической традиции чудесное дерево, затмевающее собой солнце. Согласно древнекитайскому трактату, «есть огненное дерево суйму, раскинувшееся на десять тысяч цинов. Птица-сова клюет дерево и извлекает из него сверкающий огонь».

СУНЬ БИНЬ

В народной мифологии бог — покровитель сапожников и шорников, обожествленный полководец Сунь Бин, потомок Сун-цзы. Его обычно изображают опирающимся на костыли и в сапогах с высокими голенищами (по легенде, Сунь Бина обвинили в преступлении, которого он не совершал, и в наказание отрубили ему ступни ног; впоследствии он изготовил себе кожаные сапоги, а поскольку на коня все равно было трудно вскакивать, изобрел еще и седло).

СУНЬ СЫМЯО

В народной мифологии бог — покровитель аптекарей, лекарей и торговцев целебными снадобьями, обожествленный медик, который славился своим искусством врачевания.

СЫ ЛИН

В китайской мифологии священные животные — единорог (*цилин*), феникс (*фэнхуан*), дракон (*лун*) и черепаха (*гуй*).

СЫМА СЯНЖУ

В народной мифологии бог — покровитель торговцев вином, обожествленный поэт II века до нашей эры, который, по легенде, открыл на взятые в долг деньги винную лавку.

СЫМИН

У даосов божество, от которого зависит человеческая жизнь. Сымин живет во Дворце нефритовой пустоты, ведет список заслуг и проступков людей, сокращает жизнь тем, кто много грешит, и продлевает ее тем, кто творит добро.

В народной мифологии именем Сымин называли бога домашнего очага Цзаована.

СЮАНЬУ

В архаической традиции бог — повелитель севера, эмблема которого — черепаха, перевитая змеей (олицетворение брачного союза земли и неба). Поскольку север в натурфилософских представлениях китайцев был связан с водой, Сюанью также почитали как божество вод.

У даосов Сюанью — владыка севера и усмиритель демонов, всего за семь дней уничтоживший всю нечисть в Поднебесной.

СЮЙ ЧЖЭНЬЦЮНЬ

У даосов герой, победитель драконов и усмиритель наводнений.

СЮНЬХУАЦАО

В фольклоре китайцев чудесная трава-однодневка, которая утром зеленеет, а вечером гибнет.

СЮНЧАН

В фольклоре китайцев чудесное дерево, из коры которого делают одежду, когда на престол восходит мудрый правитель.

СЯНЬ

У даосов святые, достигшие бессмертия. На народных лубках обычно изображались в облике убитых сединами старцев.

СЯНЬНЮЙ

В народной небесные девы, повелительницы стихий, а также дочери божеств. Поздняя традиция нередко смешивает сянь-ньюй и дев-оборотней (*цзин*).

СЯО-ГУН

В народной мифологии бог — покровитель морей, озер и рек.

ТАЙ

ТАЙИ

В архаической традиции верховное божество. У даосов — отец Дао, предшествующий небу и земле, существо с телом петуха и головой человека, несмотря на свою материальную плоть, пребывающее в человеческом мозгу. Также Тайи считался духом Полярной звезды.

ТАЙ-СУН

В народной мифологии божество времени и дух планеты Суйсин (Юпитер).

ТАОТЕ

В народной мифологии чудовищный зверь-людоед. Обычно изображается в виде головы без тела — или даже одного желудка, — как предостережение алчным: по мифу, таоте пожирал людей, не зная пресыщенности, но в конце концов лопнул от обжорства.

ТАОУ

В народной мифологии зверь, похожий на тигра, но с человеческим лицом. Он обитает в Западной пустыне и, как сказано в «Книге о чудесном и необычном», «бесчинствует в ней».

ТАОЦЮАНЬ

В архаической традиции чудовищный зверь, обитавший в стране Иму — то есть в Стране одноглазых. Юань Кэ описывает это чудовище так: «Один из зверей назывался

таоцюань — саранча-собака. Он напоминал собаку, тело его было зеленого цвета. Это чудовище питалось людьми и начинало пожирать их с головы».

ТАЙШАНЬ

В архаической традиции священная гора, правитель которой — внук Небесного государя и повелитель умерших. В поздней мифологии гора Тайшань — вход в подземную преисподнюю, а ее правитель — владыка рождений и смертей. Считалось, что камни с этой горы, если положить их перед входом в дом, защитят от злых духов.

ТУ-БО

В архаической традиции хранители ворот в подземном царстве мрака. Это рогатые великаны с тремя глазами, у них голова тигра и туловище вола. Юань Кэ описывает одного из них так: «Он изгибал свое огромное, как у вола, тело, потрясал блестящими крепкими и острыми рогами, растопыривал толстые, окровавленные пальцы и гонялся за бедными, жалобно стонущими духами — душами умерших, которые в страхе разбегались и прятались от него». Тот же Юань Кэ цитирует поэта Цюй Юаня, который в стихотворении «Призывание души» восклицал: «Душа, вернись, вернись, душа! Не опускайся и в Столицу мрака. Там изгибается Ту-бо девятью изгибами. Острой его рога всего на свете. Его спина толста, и пальцы в крови, и за людьми гоняться любит он».

ТУДИ-ШЭНЬ

В поздней мифологии боги — покровители местности, охранители крестьян, оберегающие от невзгод и приносящие благополучие и удачу. После смерти человека туди делал пометку об этом в особой книге. Обычно туди изображали в виде старика в шляпе гражданского чиновника; эти изображения «на удачу» наклеивались на стены комнат.

ТУ ЖУ-ШЭНЬ

В народной мифологии одна из пяти разновидностей единорога. Главная отличительная особенность ту жу-шэня — его сходство со львом. У этого зверя львиное тело и грива, из лба растет рог, а вместо лап раздвоенные копыта.

ТЯНЬ («НЕБО»)

В архаической традиции абстрактное верховное божество, наделяющее царя (а позднее императора) правом управлять на земле от своего имени (отсюда — титул «Сын Неба»). Государственный культ Неба существовал в Китае до 1911 года. В народной мифологии небо — место обитания пантеона во главе с Нефритовым императором Юйди.

ТЯНЬГОУ

В фольклоре китайцев чудесный зверь, похожий на лисицу, но с белой головой. Появление тяньгоу сулило мир и спокойствие, а его лай отпугивал разбойников.

ТЯНЬДИ («НЕБЕСНЫЙ ГОСУДАРЬ»)

В народной мифологии верховное божество, глава богов и духов. Можно без преувеличения назвать его «синонимом» таких божеств, как Тянь и Шанди.

ТЯНЬЦЗЯН

У даосов 36 небесных полководцев.

ТЯНЬ-ХОУ («НЕБЕСНАЯ ГОСУДАРЫНЯ»)

В народной мифологии богиня моря, которой молились перед выходом в море.

ТЯНЬ-ШЭНЬ

В китайской мифологии общее название небесных духов.

ТЯНЬЮЙ ЮАНЬШУАЙ

В народной мифологии небесный воитель, усмиритель демонов. Обычно изображается с гром-камнем в одной руке и с желтым («императорским») знаменем в другой.

У

У-ДИ

В мифологии и натурфилософии собирательное название «пяти государей», «пяти великих», то есть пяти небесных правителей или духов пяти стихий. В первом варианте у-ди соответствуют пяти направлениям — четыре стороны света и центр; во втором варианте они олицетворяют собой пять стихий — воду, землю, огонь, дерево и металл.

У ФАН ШЭНЬ

В мифологии и натурфилософии духи пяти главных направлений, то есть четырех сторон света и центра. Каждому направлению соответствует свой первоэлемент (дерево, металл, вода, земля, огонь), свой цвет и свое животное. Имена духов пяти направлений таковы — Чжужун (огонь), Гоуман (дерево), Жушоу (металл), Хэбо (вода) и Сюаньмин (земля).

У ЮЭ («ПЯТЬ ПИКОВ»)

В архаической традиции и у даосов пять священных гор — Дунъюэ («Восточная»), Бэйюэ («Северная»), Чжунъюэ («Срединная»), Нанъюэ («Южная») и Сиюэ («Западная»). Позднее эти горы были признаны священными и китайскими буддистами; впрочем, гора Сиюэ (Хуашань в провинции Шэньси), на которой, согласно мифу, совершал жертвоприношения мудрый правитель древности Шунь, осталась сугубо даосским святилищем. На этой горе даосы приносили жертвы богиням, приносящим детей (см. Нянян).

Ф

ФУСИ

В архаической традиции первопредок, супруг (и иногда брат) богини Нюйва, культурный герой. Он научил людей охотиться, ловить рыбу и варить мясо, изобрел

триграммы (*Ба гуа*) и иероглифы, рыболовные сети и музыкальные инструменты, установил правила браков.

ФУСАН

В архаической традиции чудесное дерево, растущее в долине, где обитают 10 солнц. Каждое утро эти солнца поднимаются на верхушку дерева фусан и оттуда начинают свой дневной путь по небосводу. Считается, что у дерева фусан два ствола, растущих от одного корня, а толщина его составляет более двух тысяч обхватов. См. также Жо.

ФУСИН

В народной мифологии бог счастья, образ которого нередко сливается с образом небесного чиновника Тяньгуаня, ниспосылающего счастье. Наряду с Лусином и Шоусином этот бог принадлежит к Саньсин — триаде звездных духов.

ФЭНБО

В архаической традиции бог ветра, имевший зооморфный облик — тело оленя с пятнами на шкуре, как у барса, голова птицы, хвост змеи и рога.

ФЭНЬИ

В архаической традиции божество вод (дождя). У даосов Фэньи — бессмертный, обладавший способностью не тонуть в воде.

ФЭНХУАН

В архаической традиции чудесная птица. У фэнхуана клюв петуха, зоб ласточки, шея змеи, хвост рыбы, а туловище в разводах, как у дракона; спереди птица выглядит как лебедь, со спины — как единорог (*цилин*). Юань Кэ говорит: «В Восточной пустыне, близ места обитания духа Шэбиши... жили красивые разноцветные птицы с пышным оперением, которые кружились в танце. В те времена Дицзюнь часто спускался с неба и дружил с пестрыми птицами... Почему же Дицзюнь дружил с этими разноцветными птицами?.. Оказывается, пестрые птицы были трех видов: одни назывались *хуаньяо*, другие — *луаньяо* и третьи — *фэньяо*. В древних преданиях все они назывались фениксами — фэнхуан. Они были похожи на петуха с длинными разноцветными перьями. Фениксы когда хотят — едят и пьют, когда хотят — поют и танцуют. Стоит им появиться на земле, как в Поднебесной наступает мир и спокойствие».

ФЭНШЭНШОУ

В архаической традиции чудесный зверь, «рожденный ветром». Юань Кэ говорит о фэншэншоу так: «Он величиной с кошку, а все тело у него зеленого цвета. Фэншэншоу живет в больших лесах у Южного моря, и его ловят сетями. В огне он не горит. Можно сжечь несколько возов хвороста, который сгорит весь, а зверь останется целым и невредимым, даже ни одна шерстинка на его шкуре не опалится. Мечом его не проткнешь — меч его не берет. Если бить по нему железным молотом, то будто ударяешь по кожаному мешку. Его можно было убить, только ударив несколько тысяч раз по голове. Но и тогда у зверя имелось последнее средство выжить. Уже мертвым он раскрывал пасть против ветра и ждал, чтобы ветер попал к нему в пасть. Через мгновение он снова оживал и стремительно убегал. Но если в краткий миг успеть заткнуть ему ноздри пахучей травой *чанпу*, растущей на камнях,

то зверь умирал; у него вынимали мозг, смешивали его с цветами хризантемы и принимали определенное количество этого средства в точно установленное время. Если принять десять *цзиней* такого снадобья, то можно прожить до пятисот лет».

Х

ХАЙЖЭНЬ

В народной мифологии чудесная рыба с лицом прекрасной девушки. В средневековом сочинении говорится: «Кожа ее бела, как нефрит, когда же она выпьет немного вина, становится как цветок персика. Вдовцы и вдовы, живущие на морском побережье, часто ловят ее и держат в прудах».

ХОСИН

В народной мифологии божество огня, двуликое, как римский Янус. Обычно его изображали в облике свирепого краснокожего существа с шестью руками, в каждой руке — по мечу или секире; одно лицо перекошено в жуткой гримасе, второе — благодушное и улыбочивое. Считалось, что Хосин преследует повелителя бесов Чжан Тяньши и устраивает пожары там, где последний останавливается.

ХОУ

В китайской мифологии животное-оборотень с головой дракона и телом шакала. В классическом китайском романе У Чэньэня «Путешествие на Запад» о хоу упоминается как о ездовом животном богини Гуаньинь.

ХОУ-ТУ

В архаической традиции божество земли, первоначально почитавшееся в мужском облике и, в отличие от туди-шэней, повелевавшее не отдельными местностями, а землей в целом. В поздней мифологии образ Хоу-ту был переосмыслен и «сменил пол».

ХОУЦЗИ («ГОСУДАРЬ ПРОСО»)

В архаической традиции культурный герой, легендарный родоначальник племени чжоу. Он научил людей сеять злаки, прежде всего просо.

ХО-ШЭНЬ

В поздней мифологии общее наименование божеств огня. Все эти божества служат в небесной управе Хобу, возглавляет которую Ло Сюань — «государь звезды Огня», то есть планеты Марс.

ХУАНДИ («ЖЕЛТЫЙ ПРЕДОК»)

В архаической традиции культурный герой, мудрый правитель, научивший людей мастерить телеги и лодки, создавший медицину как науку, проложивший дороги и т. д. Также Хуанди почитали как одно из божеств направлений, конкретно — как бога центра; именно в этом качестве его образ впоследствии слился с образом верховного божества Шанди.

У даосов Хуанди — «первый бессмертный», который постиг Дао, взобрался на дракона и скрылся в небесах. Наряду с Паньгу и Лаоцзы его причисляют к верховной триаде даосских божеств.

ХУНЬ

В архаической традиции душа, связанная с Ян и управляющая духом человека (в отличие от души *ло*, связанной с Инь и управляющей телом). После смерти человека хунь возносится на небо, где начинается путь к будущим перерождениям. Считалось, что с помощью особых ритуалов можно заставить хунь предка покинуть загробный мир и подняться в небесный дворец Южной вершины, т. е. подарить предку бессмертие.

ХУНЬДУНЬ

В архаической традиции чудесный зверь, похожий на собаку с длинной шерстью; лапы у него медвежьи, но без когтей. Б. Л. Рифтин, цитируя древнюю книгу «Шэнь и цзин», описывает хуньдуня так: «У него есть глаза, но он не видит, ходить не умеет, есть уши, но он не слышит, зато чувствует приближение человека. В брюхе у него нет внутренностей, есть лишь прямая кишка и вся пища проходит насквозь. На добродетельных он кидается, к злодеям льнет».

Юань Кэ добавляет: «Это дикий зверь, похожий одновременно и на собаку, и на бурого медведя, имеющий глаза, но ничего не видящий, имеющий уши, но ничего не слышащий. Глаза его незрячи, и потому он передвигается с большим трудом. Но стоит кому-нибудь забрести в его края, как он тотчас же почует это... Когда ему нечего делать, он, кружась, с удовольствием кусает свой собственный хвост, задирает голову, смотрит на небо и громко хохочет».

Согласно «Каталогу гор и морей», Хуньдунь — олицетворение первоначального хаоса.

ХЭБО

В архаической традиции дух реки Хуанхэ. Согласно мифу, стрелок И победил Хэбо и взял за себя его жену Лопинь.

ХЭЙДИ

В архаической традиции один из пяти богов направлений, божество севера. Позднее отождествлялся с мудрым правителем Чжуаньсюем.

ХЭХЭ

У даосов и в народной мифологии божества из свиты бога монет Лю Хая. По преданию, эти божества — братья от разных отцов, которые вели совместное дело, приносившее большую прибыль. Один из братьев присвоил эту прибыль себе, и началась жестокая вражда, продолжавшаяся «семь перерождений», пока некий небожитель не примирил братьев и не превратил их в богов согласия и благополучия.

Ц

ЦАЙ-ШЭНЬ

В народной мифологии божества богатства, среди которых существовало «мирское» разделение на гражданских и военных. Согласно воззрениям даосов, на небе имеется управа богатства, в которой служат все цай-шэнь; возглавляют эту управу Чжаобао тяньцзюнь — «небесный государь, призывающий сокровища» — и Нацянь тяньцзюнь — «небесный государь, приносящий деньги».

ЦЕЛАНЬ-ШЭНЬ

В поздней мифологии духи — хранители монастырей и храмов, изображавшиеся обычно в облике вооруженных воинов устрашающего вида.

ЦЗАОВАН

В народной мифологии бог домашнего очага, опекун дома и хранитель семейного благополучия. Известен сюжет, согласно которому Нефритовый император Юйди назначил Цзаованом святого Чжан Чжана с горы Куньлунь. Получив императорское повеление, Чжан превратился в пять цзаованов (четыре стороны света и центр), а те, в свою очередь, «умножились» до 10 000 богов очага, которые стали наблюдать за людскими делами во всех домах. Обычно Цзаована изображали на лубках вместе с супругой и помощниками, однако выпускались и лубки с одним Цзаованом, поскольку некоторые верили, что в доме, где висит изображение Цзаована и его супруги, между членами семьи согласия не будет.

ЦЗИЛЯН

В народной мифологии пятнистые лошади с красной гривой и глазами «как золото». По мифу, тот, кто ездит на такой лошади, проживет тысячу лет.

ЦЗИН

В народной мифологии общее название оборотней. Считается, что животные, прожившие на свете долгий срок (не менее 500 лет), могут по желанию превращаться в людей; отдельным животным — например, тигру, — чтобы перекинуться в человека, требуется не меньше тысячи лет.

Оборотням-цзин посвящено немало литературных произведений, самое известное из которых, пожалуй, — знаменитые «Странные истории из кабинета неудачника» Пу Сунлина.

ЦЗИНВЭЙ

В архаической традиции чудесная птица, в которую, согласно мифу, превратилась прародительница всего живого на земле Ньюва. В «Каталоге гор и морей» она описывается как птица, похожая на ворону, но с пестрой головой и красными лапами. «Она постоянно носит куски дерева и камни с Западных гор, чтобы завалить Восточное море».

ЦЗИНТУ («ЗЕМЛЯ ЧИСТОТЫ»)

У китайских буддистов земля, которую посетили и где проповедовали будды и бодхисаттвы.

ЦЗОУУ

В фольклоре китайцев чудесный пятицветный зверь с хвостом длиннее тела. За один день на этом звере можно проскакать тысячу ли (то есть около 600 км).

ЦЗЫГУ

В народной мифологии богиня отхожих мест.

ЦЗЮЙБИЧЖИШИ

В архаической традиции мифологии демоны, обитавшие в тех же краях, что и зверь *таоцюань*. Юань Кэ описывает их так: «Встречались там и странные духи цзюйбичжиши с кривой шеей, голова у них с длинными спутанными волосами свисала на грудь. Руки у них были как бы обрублены, и их тело напоминало гладко выструганный ствол. Похоже, что они находились в непримиримой вражде с духами и во время битв наносили им раны, как свирепые волки». По другим источникам, облик цзюйбичжиши немного иной: у них переломленные шеи и распущенные волосы, а одной руки нет.

ЦЗЮЙЛИН

В архаической традиции божество реки, расколовшее гору Хуашань (см. У юэ), чтобы проложить путь воде.

ЦЗЮ ТЯНЬ («ДЕВЯТЬ НЕБЕС»)

В китайской космологии и мифологии девять сфер, составляющих небесный свод. Также бытовало представление, что Цзю тянь — это девять частей неба, разделенного по восьми направлениям (четыре стороны света и промежуточные направления) плюс центр; в этом случае употреблялся и термин *цзю е* — «девять полей». На земле цзю тянь соответствовали девять областей (*цзю чжоу*), на которые разделил территорию Поднебесной правитель Юй. По воззрениям даосов, в нижней небесной сфере расположена граница земного и небесного миров, а в центральной области небосвода находится дворец Небесного владыки.

ЦЗЯНЬМУ

В архаической традиции чудесное дерево, растущее «в центре неба и земли»; согласно мифу, по этому дереву поднимались на небо и спускались на землю великие предки. По «Каталогу гор и морей», дерево цзяньму напоминает своими очертаниями быка, а его желтые плоды подобны плодам мыльного дерева.

Юань Кэ говорит: «Дерево цзяньму росло посередине сада, находившегося... в центре неба и земли. В полдень, когда солнце освещало его вершину, от дерева не было никакой тени. Если около этого дерева громко кричали, то звуки терялись в пустоте и эхо не повторяло их. Дерево цзяньму было очень странным на вид: его тонкий длинный ствол врезался прямо в облака, на нем не было ветвей и только на верхушке имелось несколько изогнутых и кривых веток наподобие каркаса зонта; корни дерева были тоже изогнутыми и переплетались между собой. Это дерево обладало еще одной особенностью: его эластичная и прочная кора отделялась, как женский пояс или кожа желтой змеи».

ЦЗЯОЖЭНЬ

В архаической традиции люди-рыбы. Юань Кэ говорит: «И хотя они живут в море, но... часто садятся за ткацкие станки и ткут. Глубокой и тихой ночью, когда море спокойно и нет волн, когда светят луна и звезды, на берегу слышен исходящий из глубины моря шум ткацких

станков... У цзяожэнь есть души, они могут плакать, и каждая их слезинка превращается в жемчужину.

По другому преданию, люди-рыбы очень похожи на людей — у них такие же брови, глаза, рот, нос, руки, ноги. Все они... необычайно красивы, с тонкой белой кожей, напоминающей нефрит, а их волосы, похожие на конские хвосты, достигают пяти-шести чи в длину. Стоит им выпить немного вина, и тело их розовеет, как цветы персика, и они становятся еще прекраснее. Когда у прибрежных жителей умирали жена или муж, они ловили человека-рыбу, поселяли в маленьком пруду и нарекали ее своей женой или мужем».

ЦИ

В китайской натурфилософии космическая энергия, благодаря которой возникло все сущее.

ЦИЛИНЬ

В архаической традиции чудесный зверь, схожий с европейским единорогом. У цилиня туловище оленя, шея волка, хвост быка, копыта коня; во лбу у него торчит рог, заканчивающийся мясистым наростом. Шкура у цилиня разноцветная. Ступает он так легко, что не пригибает ни травинки; питается чудесными злаками. Это главный зверь, подобно тому как *фэнхуан* — главная птица. Появление цилиня сулило плодородие и процветание, предвещало рождение мудреца.

ЦЮНСАН

В фольклоре китайцев гигантское дерево, растущее на берегу Западного моря и плодоносящее раз в тысячу лет. Считается, что его плоды даруют необычайно долгую жизнь.

ЦЮНЦИ

В архаической традиции чудесный зверь. Внешне он напоминает крылатого тигра. Цюнци понимает язык людей и отличается странной привычкой: он частенько набрасывается на ссорящихся и всегда поедает невинного. Честным людям он откусывает носы, а обманщикам и злодеям дарит мясо животных, которых сам убил. В «Каталоге гор и морей» говорится: «Зверь цюнци похож на тигра с крыльями. Он ест людей, начиная с головы. Иногда его жертвы прикрывались от него волосами. Он живет к северу от зверя *таоцюань*».

Цюнци. Реконструкция Л. П. Сычева.

Ч

ЧАНШЭНЬ

В народной мифологии гневные демоны. Они управляют пятью колесницами, на которых умерших доставляют в подземное царство смерти бога Янь-вана.

ЧЖАН-СЯНЬ

В поздней мифологии божество, дарующее мужское потомство.

ЧЖАН ТЯНЬШИ

В народной мифологии и у даосов главный маг и повелитель бесов. Образ Чжан Тяньши вобрал в себя многие легенды о даосском патриархе Чжан Даолине, который считался могущественным усмирителем демонов и человеком, познавшим сокровенные тайны бытия.

ЧЖИ (ЛИНЧЖИ, ШЭНЬЧЖИ)

В народной мифологии и у даосов волшебный гриб, дарующий долголетие и обладающий способностью воскрешать мертвых. Пятицветный гриб чжи считался олицетворением совершенной мудрости правителя. Известны многие разновидности этого гриба, в том числе *шичжи*, растущие на скалах, *жоучжи* («мясистые грибы») и др. Особо почитались грибы чжи, растущие на тысячелетних деревьях.

ЧЖИНЮЙ

В архаической традиции небесная ткачиха, круглый год ткавшая из облаков парчу. Отец девушки Тяньди пожалел ее и выдал Чжинюй замуж за Нюлана (олицетворение созвездия Волопаса), однако после свадьбы Чжинюй перестала ткать. Рассерженный Тяньди приказал дочери вернуться под отцовский кров и разрешил ей встречаться с мужем только раз в году — 7-го числа 7-го лунного месяца, а Нюлана переселил на другой берег Небесной реки (Млечного пути).

В народной мифологии Чжинюй считалась богиней — покровительницей ткачей.

ЧЖУАНЬСЮЙ

В архаической традиции первопредок, внук или правнук Хуанди. При нем духи Чжун и Ли разделили небо и землю, чтобы люди более не могли свободно подниматься на небеса.

ЧЖУЖУН

В архаической традиции божество огня, повелитель юга.

ЧЖУНКУЙ

В народной мифологии и у даосов повелитель и усмиритель демонов.

ЧИМЭЙ

В фольклоре китайцев чудесный зверь с лицом человека и звериным туловищем, у него одна рука и одна нога. Считается, что эти звери любят обманывать людей.

ЧИЮ

В архаической традиции божество войны, восставшее против Хуанди. По некоторым версиям мифа, у Чию было много братьев, которые поддержали его мятеж. Юань Кэ пишет: «У Чию было восемьдесят один или семьдесят два брата, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову с железным лбом, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, все братья умели говорить по-человечьи. Сам же Чию имел человеческое тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук. Рассказывают также, что на голове у Чию

рос крепкий и острый рог, а когда волосы за ушами вставали торчком, они напоминали мечи и трезубцы. Удивителен не только внешний вид Чию, еще удивительнее то, чем он питался. Его обычной пищей были песок, камни и куски железа... Кроме того, он был наделен божественной силой, намного превосходившей силы людей». Небесный владыка Хуанди долго не мог одолеть Чию и его братьев, но в конце концов победил — с помощью дракона Инлуна, повелевавшего дождями, и чудесного меча, который «мог разрезать нефрит, словно глину».

ЧУАН-ШЭНЬ

В народной мифологии божества кровати — Чуангун («Господин кровати») и Чуанпо («Матушка кровати»), которые, как считалось, охраняют спальни и могут, если их умиловить, даровать потомство.

ЧУН-ВАН

В народной мифологии бог — покровитель вредных насекомых, земноводных и червей. Обычно изображался в облике старика с вазой в руках; в этой вазе он и держит своих «подданных».

ЧУНМИН

В архаической традиции чудесная птица. Юань Кэ говорит: «Яо управлял страной много лет. К концу его правления жители страны Чжичжи подарили ему чунмин — птицу с двойными зрачками. Ее называли так потому, что в каждом ее глазу было по два зрачка. Она была похожа на петуха, пела, как феникс. Она сбрасывала с себя все свое оперение и возносилась ввысь совсем оголенной. Птица чунмин могла изгонять нечистую силу и прогонять волков, тигров, барсов и шакалов. Питалась она лишь нефритовой пастой. После того как птица поселилась у Яо, она по-прежнему часто улетала к себе на родину и иногда не возвращалась по несколько лет. Все очень ждали ее возвращения, чистили и мели дворы, чтобы достойно встретить ее. Если она долго не возвращалась, люди вырезали ее изображение из дерева или выплавляли из металла и вывешивали его на воротах. Злые духи и оборотни, увидев это изображение, пугались и убегали далеко прочь».

ЧУНЬ

В фольклоре китайцев чудесное дерево, которое не увядает на протяжении десяти тысяч лет.

ЧЭНХУАН

В поздней мифологии бог города, культ которого с 1382 года стал государственным. У каждого города свой чэнхуан, которому подчиняются духи данной местности (см. Тудишэнь). Кроме того, в фольклоре китайцев чэнхуан — чудесный зверь, обитавший в Стране белых людей, у жителей которой все тело и даже волосы было белым. Чэнхуан видом напоминал лисицу, на спине у него росло два рога, Бегал он очень быстро; поэтому еще этих зверей называли *фэйхуан* — «летающие желтые». Предание говорит, что люди, которым доводилось ездить на чэнхуанах, жили две тысячи лет.

Ш

ШАНДИ

В архаической традиции верховное божество, образ которого постепенно слился с образами Тянь и Тянди. У даосов Шанди — великий предок Дао. В поздней мифологии имя этого божества стало титулом Нефритового императора Юйди.

ШАОХАО

В архаической традиции внук или правнук Хуанди, мудрый правитель. Также Шаохао считался духом — повелителем запада; в этом качестве его отождествляли с Байди.

ШИЖОУ

В архаической традиции чудесное животное, «зрячая плоть». Юань Кэ описывает его так: «...это живое существо, совершенно лишенное костей и конечностей, представлявшее собой только ком мяса, несколько напоминавший печень быка, но с парой маленьких глаз. Это странное существо люди считали самой прекрасной пищей, так как... его мясо нельзя было съесть без остатка: съешь кусок, а на этом месте вырастает такой же. И шижоу вновь обретает прежнюю форму. Для великих предков, покоившихся в земле, оно служило никогда не истощающейся пищей, и если это чудище было под рукой, то не приходилось задумываться, чем наполнить желудок».

ШИЭР ШЭНСЯО-ШЭНЬ («ДУХИ ЖИВОТНЫХ 12-ЛЕТНЕГО ЦИКЛА»)

В народной мифологии духи годов 12-летнего цикла летосчисления. Этих духов изображали обычно в образе людей со звериными головами.

ШОУСИН

В народной мифологии бог долголетия, с которым иногда отождествлялся Конфуций. Обычно Шоусина изображали в облике седобородого старца с посохом или бумажным свитком (символом долголетия) в одной руке и персиком — эмблемой бессмертия — в другой.

ШУНЬ

В архаической традиции мудрый правитель, которого Яо за его благочестие выбрал своим наследником в ущерб правам собственного сына. Шунь, по преданиям, усмирил четырех злодеев, изводивших население Поднебесной, а также установил правила почтительного поведения.

ШЭНЬ

В китайской мифологии общее название доброжелательных духов.

ШЭНЬНУН

В архаической традиции культурный герой, научивший людей земледелию и первым сумевший распознать целебные растения, поэтому в народной мифологии он считался одним из покровителей медицины.

Э

ЭРЛАН

В народной мифологии бог — покровитель дамб и плотин, защищающих от наводнений. Кроме того, Эрлана почитали как небесного воителя, уничтожающего демонов.

ЭРШИ БАТЯНЬ («ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ НЕБЕС»)

У китайских буддистов двадцать восемь земных и небесных сфер, прохождение которых снизу вверх равносильно достижению нирваны. Низшую земную сферу населяют демоны и души грешников, в верхнем земном слое расположена «чистая земля» будды Амитабхи, а выше находится сфера Доушуай — небо, на котором селятся бодхисаттвы, готовые спуститься в мир людей. Именно в сфере Доушуай ожидается часа своего пришествия в мир бодхисаттва Милэ (будда Майтрейя).

Ю

ЮЙ

В архаической традиции культурный герой, усмиритель потопа, сын Гуня. Усмирив потоп, он разделил территорию Поднебесной на 9 областей (цзю чжоу), и государь Шунь, восхищенный деяниями Юя, передал ему престол. С Юя началась легендарная династия Ся.

Кроме того, юй звались демоны, обитавшие в стране Юйминь. Юань Кэ говорит: «Они были очень ядовитыми и водились в горных потоках на юге. Гады юй напоминали черепах длиной два-три чи и причиняли много вреда тем, кто на них охотился. Рассказывали, что их рот был как самострел, они плевали в людей ядом, от которого сгибались ноги, начинались жар, судороги, болела голова, а на коже появлялись нарывы. При легком отравлении человек долго болел, при тяжелом непременно умирал». В «Книге песен» демоны юй сравниваются с оборотнями.

ЮЙДИ

У даосов и в поздней мифологии верховное божество, Нефритовый император, которому подчинены вся вселенная, все божества и духи.

ЮЙЦЯН

В архаической традиции божество моря и ветра.

ЮЙШИ

В архаической традиции божество дождя, культ которого сохранялся вплоть до XX столетия нашей эры.

ЮЭСЯ ЛАОЖЭНЬ («ПОДЛУННЫЙ СТАРЕЦ»)

В народной мифологии бог бракосочетаний. Обычно изображался в облике старика с мешком, в котором лежат красные нити (красный — свадебный цвет). Этими нитями он, как считалось, связывает тех, кому суждено стать супругами.

ЮЭ ТУ («ЛУННЫЙ ЗАЯЦ»)

В народной мифологии Нефритовый (или Яшмовый) заяц, живущий на луне. Он толчет в ступе снадобье, дающее бессмертие.

Я

ЯН ЦЗЯНЦЗЮНЬ

В народной мифологии бог — покровитель лодочников и плотогонов.

ЯНЬ-ВАН (ЯНЬЛО-ВАН)

В народной мифологии владыка подземного мира; в государственном культе — правитель пятого судилища преисподней (*диюй*).

ЯНЬГУАН

В народной мифологии богиня зрения, исцеляющая глазные болезни.

ЯНЬ-ГУН

В народной мифологии бог — покровитель моряков, обожествленный сановник XIII века, утонувший во время бури и явившийся после смерти своим родственникам, которые ввиду этого воздвигли ему храм как святому. Считается, что именно Янь-гун спас Шанхай в 1522 году от нападения морских разбойников.

ЯНЬДИ

В архаической традиции бог солнца и дух — повелитель юга. По мифу, Яньди враждовал со своим братом Хуанди, но был побежден последним. Образ Яньди достаточно рано слился с образом Шэньнуна, и мифы о них практически не поддаются различению.

ЯО

В архаической традиции идеальный правитель, при котором, согласно конфуцианцам, Китай пережил «золотой век».

ЯОВАН

У даосов и в народной мифологии бог — покровитель аптекарей и врачей. Кроме того, титулом яован император награждал прославившихся своим искусством медиков.

ЯЮЙ

В архаической традиции чудесный зверь с головой человека или дракона, змеиным туловищем, лошадиными ногами и тигриными когтями. В «Каталоге гор и морей» сказано, что голос у яюя как у ребенка и что он ест людей.

Библиография

Источники

- Беседы и суждения (Луньюй) / Перевод и комментарии А. В. Кривцова. М., ЭКСМО, 2005.
- Гэ Хун. Баопуцзы // Религии Китая. Хрестоматия / Перевод и комментарии Е. А. Торчинова СПб., Евразия, 2001.
- Дао Дэ Цзин // Дао. Гармония мира / Перевод Ян Хиншуна. М., ЭКСМО, 2002.
- Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин) / Перевод, предисловие и комментарии Э. М. Яншиной. М., Наука, 1977.
- Книга перемен (И-цзин) / Перевод и комментарии Ю. К. Щуцкого. М., ЭКСМО; СПб., Мидгард, 2005.
- Книга песен (Шицзин) / Перевод и комментарии А. А. Штукина. М., Наука, 1987.
- Кукан. Значение звука, знака, истинно сущего (Се дзи дзиссо-ги) // Буддизм в Японии / Перевод Л. Г. Фесюна. М., Наука, 1993.
- Лецзы // Дао. Гармония мира / Перевод Л. Д. Позднеевой. М., ЭКСМО, 2002.
- Ли Хунчжи. Чжуан Фалунь. <http://www.falundafa.org/> Russian.
- Ло Гуань-Чжун. Троецарствие / Перевод В. А. Панасюка. Стихи в обработке И. Миримского. М., ГИХЛ, 1954.
- Пу Сунлин. Странные истории из кабинета неудачника / Перевод и комментарии В. М. Алексеева. СПб., Петербургское востоковедение, 2000.
- Сукхавативьюха / Перевод и комментарии А. Гунского. Самара, Издательство СГУ, 1997.
- Сутра лотоса сокровенного закона // Религии Китая. Хрестоматия / Перевод А. Н. Игнатовича. СПб., Евразия, 2001.
- У Чэньчэнь. Путешествие на Запад / Перевод А. Рогачева. Рига, Полярис, 1994.
- Хуайнаньцзы (Философы из Хуайнани) / Перевод и комментарии Л. Е. Померанцевой. М., Мысль, 2004.
- Чжуанцзы // Дао. Гармония мира / Перевод Л. Д. Позднеевой. М., ЭКСМО, 2002.

Литература

- Абаев Н. В. Чань-буддизм. Новосибирск, Наука, 1983.
- Алексеев В. М. Китайская народная картина М., 1966.
- Алексеев В. М. Лисьи чары (предисловие переводчика) // Пу Сунлин. Странные истории из кабинета неудачника / Перевод и комментарии В. М. Алексеева. СПб., Петербургское востоковедение, 2000.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
- Ван Шуцунь. К истории китайской народной картины // Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л., Аврора; Пекин, Народное искусство, 1991.
- Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., Восточная литература, 2001.
- Вэнь Цзянь, Горобец Л. А. Даосизм в современном Китае. Благовещенск, Издательство АГУ, 2002.
- Георгиевский С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб., 1892.
- Гроот Я. М. де. Демонология Древнего Китая / Перевод Р. В. Костенко. СПб., Евразия, 2000.
- Кнорозова Е. Ю. Мифы и предания Вьетнама. СПб., Петербургское востоковедение, 2000.
- Конрад Н. И. Запад и Восток. М., Наука, 1966.

- Королев К. М.* Индийская мифология: Энциклопедия. М., ЭКСМО; СПб., Мидгард, 2004.
- Королев К. М.* Энциклопедия знаков, символов и эмблем. М., ЭКСМО; СПб., Мидгард, 2005.
- Королев К. М.* Энциклопедия сверхъестественных существ. Издание третье, с исправлениями и дополнениями. М., ЭКСМО; СПб., Мидгард, 2005.
- Ли Юйшань.* Коротко об эстетике китайских народных новогодних картин // Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л., Аврора; Пекин, Народное искусство, 1991.
- Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., Астрель, 2000.
- Мифологический словарь / Под редакцией Е. М. Мелетинского. М., Советская энциклопедия, 1990.
- Мифы народов мира / Под редакцией С. Я. Токарева. В 2 т. М., Советская энциклопедия, 1982.
- Половцев Д. В.* Культ бодхисаттвы Кшитигарбхи в дальневосточном буддизме Махаяны // Шестая буддологическая конференция: Тезисы / Сост. С. Э. Коротков, Е. А. Торчинов. СПб., Издательство СПбГУ, 1999.
- Попов П. С.* Китайский пантеон. СПб., 1907.
- Рифтин Б. Л.* Китайская мифология // Мифы народов мира / Под редакцией С. Я. Токарева. В 2 тт. М., Советская энциклопедия, 1982.
- Рифтин Б. Л.* О китайской мифологии в связи с книгой Юань Кэ // Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Перевод под редакцией Б. Л. Рифтина. М., Наука, 1987.
- Рифтин Б. Л.* О китайском лубке и его русских собирателях // Редкие китайские народные картины из советских собраний. Л., Аврора; Пекин, Народное искусство, 1991.
- Солонин К. Ю.* Об одном подходе к изучению китайской религиозности. <http://east.philosophy.ru>.
- Судзуки Д.* Основы дзэн-буддизма // Буддизм. Четыре благородных истины. М., ЭКСМО, 2000.
- Тойнби А.* Постигание истории / Перевод под редакцией А. П. Огурцова. М., Прогресс, 1991.
- Торчинов Е. А.* Введение в буддологию. СПб., Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
- Торчинов Е. А.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. М., 1989.
- Федоренко Н. Т.* «Шицзин» и его место в китайской литературе. М., ГИХЛ, 1958.
- Элиаде М.* Миф о вечном возвращении / Перевод А. А. Васильевой. М., Ладомир, 2000.
- Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев, София, 1998.
- Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая / Перевод под редакцией Б. Л. Рифтина. М., Наука, 1987.
- Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., Наука, 1984.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)